

845Каз > ЦБ

П 27

М. М. ПЕРСИКОВ

**...и отдал Сталину
должок**

г. Петропавловск, 1998 г.

М. М. ПЕРСИКОВ

...и отдал

Сталину должок

г. Петропавловск, 1998 г.

Анастасия НАУМЕНКО.

Татьяна ТАРАСЕНКО.

СТИХОТВОРНЫЙ РОМАН

	стр.
<i>Предисловие</i>	
Пока живет память - живет и надежда.	3
<i>Часть первая</i>	
Студенческая блажь.	11
<i>Часть вторая</i>	
Письмо Вождю, а блажь иная	35
<i>Часть третья</i>	
Лагерная кутерьма.	111
<i>Часть четвертая</i>	
Мытарства на свободе.	191
<i>Часть пятая</i>	
Тревожный марафон.	275
<i>Тоянительное послесловие</i>	339

ПОКА ЖИВА ПАМЯТЬ - ЖИВЕТ И НАДЕЖДА

«Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но и ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем!»

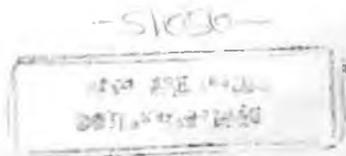
Марк Блок, французский историк

ПАМЯТЬ... Свойство человеческого разума, способность возвращать нас к событиям прошлого, восстанавливать, казалось бы, уже забытые факты жизни, переживая вновь минуты радости или огорчения. *История...* Она, пожалуй, всегда будет рядом с памятью. Обращаясь к прошлому, мы связываем его с эпохой, в которой жили наши предки, по-своему живём и мы, связывая события наших дней с событиями давно минувших.

История, как правило, соприкасается с судьбами конкретных людей. Взять бы вот биографию Михаила Михайловича Персикова, человека довольно известного в нашем городе по публикациям в газетах и журналах, по книгам, которые он опубликовал в 1996 и 1997 годах под общим названием «Несбывшегося отблеск скромный» и общим объёмом около 600 страниц.

Больше его знали и знают преподаватели и выпускники бывшего Петропавловского пединститута и нынешнего университета; около трёх десятков лет он проработал там - сперва старшим преподавателем кафедры педагогики, затем доцентом кафедры философии. Многообразны его интересы, многообразны и знания. Он защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук, преподавал теорию педагогики, логику, этику, эстетику, историю философии, культурологию. А до пединститута работал в средней школе учителем русского языка и литературы, преподавал и физику.

Сегодня, в свои 79 лет, он ведет активный образ

жизни: участвует в работе русской общины, бывает на различных партийных собраниях, в гостях на радио и в телестудии, часто посещает шахматный клуб; увлекается таким видом искусства, как музыка, и не только в качестве слушателя, но и создателя музыкальных произведений, вокальных и фортепьянных, хотя не имеет специального музыкального образования - увлечение посредством самообразования приобщило к освоению элементарных знаний музыкальной теории. На основе музыкальных креатур Михаила Михайловича студенты и преподаватели музыкального отделения пединститута-университета давали концерты, иногда свои произведения исполняли и сам автор.

М.М. Персиков, прожив долгую и трудную жизнь, по сей день ощущает ее крутые метаморфозы, не переставая взвешивать и оценивать сыгравшие когда-то для него немалую роль - все «за» и «против» тоталитарного режима Сталина.

«ЗА». Родился Михаил Михайлович в деревеньке Дегтярке, Каргатского района, Новосибирской области. Он и его брат Николай рано остались без родителей. Мише не было ещё и двух лет, когда погиб отец в 1921 «голодном году» в поездке за хлебом. А в 1928 году свирепствовавший тиф унёс в могилу и мать. Сиротки приютились у дедушки с бабушкой по отцовской линии. Дедушка познакомил внучков с грамотой по библейским текстам, так что Миша смог поступить в начальную школу сразу во второй класс. Из-за нехватки учителей и средств на их содержание в начальных школах двух соседних деревень, Дегтярки и Черняевки, было всего по два чередующихся класса: если в Дегтярке первый и второй, то в Черняевке третий и четвертый; на следующий год - наоборот. Поэтому, окончив второй класс, Миша упорно работал над учебниками следующей ступени, чтобы в новом учебном году поступить в четвертый класс в своей деревеньке, а не тащиться за три версты ежедневно

в третий класс Черняевской школы.

После четвертого класса дедушка отвез внука учиться в пятом за двадцать верст на станцию Каргат и поселил в семье своей дочери. Скучная жизнь у дедушки в деревне усугубилась в семье неласковой тётюшки: натошак шёл в школу, впроголодь ложился спать, а при плохой одежке с наступлением зимних холодов занемог - заболел острым остеомиелитом обеих ног. Пришлось учёбу оставить и вернуться в Дегтярку.

Болезнь приняла хронический характер: в течение трёх лет подросток Миша почти прикован к постели. Дедушка с бабушкой, богомольные люди, возили внука к знахаркам, к «знатному» колдуну - никаких положительных результатов. Повзрослевший и отчаявшийся паренёк вспомнил давно прочитанный рассказ о том, как чутко откликнулся Ленин на просьбу юноши, попавшего в беду, - написал о своём положении Сталину. Шел 1932 год.

Появление у дедушкиного дома пролетки, запряжённой парой лошадей, из которой вышел человек в шляпе, было неожиданным и странным. Человек в шляпе представился зав. райздравом - и сообщил дедушке: «Велено вашего внука лечить». Слова, сказанные им, повлекли за собой ряд перемещений подростка в лечебных учреждениях. Проведено тщательное обследование больного, сделана необходимая хирургическая операция, а затем - санаторное лечение. И мальчишка постепенно приобрёл способность сперва держаться на ногах, а потом, шаг за шагом, передвигаться самостоятельно. И вот он из дальнего города Томска, где проводилось лечение, возвращается в свою деревеньку Дегтярку. Дедушку не застал в живых, а бабушка переехала к сыну и дочери в Новокузнецк.

Крутой поворот для полубольного, истощенного и без средств существования подростка. Кое-как без проездного билета и харчей вслед за бабушкой добрал-

ся до Новокузнецка и здесь в вечерней школе закончил семилетку, совмещая учёбу с работой в качестве продавца прохладительных напитков. В 1936 году сдал вступительные экзамены и принят студентом металлургического техникума. По программе первого курса получил солидную подготовку по основным дисциплинам общего среднего образования, а весной в соответствии с учебным планом техникума получил пропуск на Кузнецкий металлургический комбинат для выбора профессиональной специальности. Выбор не состоялся: ни одна из многих заводских специальностей не понравилась.

Новый крутой поворот - стремление попасть в университет на филологический факультет. Но для этого необходим документ о среднем образовании. Упросил администрацию рабфака при металлургическом институте /рядом с техникумом/ в виде исключения, проведя соответствующие экзамены, принять на последний курс рабфака. Принят и успешно завершил. Соответствующие документы направил в Свердловский, ныне Уральский, университет... Получил вызов на сдачу вступительных экзаменов, продал своё единственное на все случаи пальтишко, чтобы купить проездной билет до Свердловска, и успешно сдал экзамены.

«ПРОТИВ». Началась интересная, насыщенная событиями студенческая жизнь. Пытливость, любознательность, прилежность помогли Михаилу в освоении гуманитарных наук. А тут неотложная забота: приближались зимние холода, а верхней одежды нет. Кстати, новокузнецкая тётюшка помогла - прислала 90 рублей. Но за них удалось купить на барахолке только поношенный зипун да лохматую шапку. В такой одежде патрульная милиция принимала за шпану, с недоверием относилась к предъявленному студентскому билету, иногда приглашала в участок и по телефону добывала из деканата университета подтверждение студенческого статуса Михаила.

Наступило трудное военное время. По здоровью Михаил был не годен для армейской службы, тем более - для фронта. Студенческие будни усложнились дороговизной продуктов питания и вещей. Пришлось подрабатывать по ночам то на разгрузке вагонов с углем, то на погрузке хлебозаводской продукции. Таким образом удалось скопить деньжонок и купить нормальную по сезону одежду, сносно обеспечить питание.

Жилось трудно, но молодежь не унывала, была веселой и энергичной. По четвергам студенты университета, политехнического института, консерватории устраивали «салонные собрания», где читали стихи, пели, танцевали, хохмили - нередко с едкими выпадами против своей учебной администрации, а то и в адрес городских властей. Очевидно, на этой основе под конец войны появился в университете студенческий рукописный журнальчик под названием «Накось-выкусь» с изображением на обложке ярко раскрашенного кукиша. В журнальчике хлестко высмеивались неблагоприятные поступки студентов и преподавателей, университетского начальства, а порой и рангом значительно выше. «Инициативную группу» по выпуску журнальчика возглавлял теперь уже пятикурсник Михаил Персигов.

Первые попытки «унять» строптивых издателей журнальчика предпринимались через университетский райком комсомола. В частности, его представитель Лёня Коган приходил в «инициативную группу» и дружески уговаривал, советовал изменить «направление журнальчика». Потом Михаил, как старший в «инициативной группе», был приглашён на заседание университетского партбюро, где как следует «пропесочен». Поскольку и после этого журнальчик продолжал свою «линию», - всю «инициативную группу» пригласил в свой кабинет секретарь райкома; советовал, «распекал» более часа, а в заключение припузнул: «Не хотите по добру - примем иные меры».

С выходом нового номера журнальчика заработала «технология» КГБ. Номер был изъят из обращения. Михаил арестован и, как говорится в его стихотворном романе,

«По строгим кабинетам полмесяца таскали,
Выискивали связь с врагами за бугром».

Были устрашения, но последовало и «лестное» предложение:

«Не кстати нам задор фонвизинского века,
Радищевы теперь негожи для страны.
Иди-ка лучше к нам - под мою опеку.
Карьеру гарантирую: нам умные нужны».

Разумеется, положительного ответа не последовало, и постепенно всё забылось. А журнальчик в «открытую» не появлялся, но «втихаря» продолжал свое дело.

Середина зимы 1947 года. Нищенский послевоенный период. Студенты двух комнат общежития сложились сколько кто мог, купили на рынке «одежного барахла», чтобы повезти в «город хлебный» Кокчетав, там выгодно продать и купить продуктов. Для этого командировали Мишу Персикова. И каково же было его удивление, когда в одном вагоне с ним оказался знакомый по «строгому кабинету» КГБ протоколист допросов. Он дружески поздоровался и сообщил: «Дали отпуск, еду к родителям в Кокчетав». А узнав, куда едет Михаил, предложил поквартировать у его родителей.

... Арестовали молодого человека на «барахолке», где он появился, не успев ничего продать. В отделении милиции, куда его привели, неожиданно встретилась знакомая по университету студентка с факультета журналистики Лида, только что закончившая практику в кокчетавской областной газете и пришедшая сюда отметить свой выезд из города. Узнав о случившемся с Михаилом, кинулась к редактору газеты Солнцеву, а вместе с ним - на прием к секретарю обкома Купаеву; тот выслушал и воспользо-

вался «телефонным правом» - посоветовал начальнику милиции отпустить студента.

На свободе он только переночевал. Утром был приглашен на беседу к зам. прокурора республики Портнову, приехавшему минувшей ночью проводить региональное совещание.

Беседа состоялась, но с односторонним направлением. Портнов авторитетно назвал Михаила спекулянтом - «это видно без следствия и суда», как он выразился, и посоветовал начальнику милиции немедленно передать дело в суд, чтобы он, Портнов, сам выступил в качестве обвинителя «в сроках времени своей командировки».

Всё последующее произошло весьма оперативно: 28 февраля Михаила арестовали, а 2-го марта состоялся суд - с обвинителем, но без адвоката. По какой статье судили, было непонятно. Только после коллеги по тюрьме, «зеки», разъяснили: если прокурор назвал спекулянтом, - значит, по 107-й. Из восьми лет, назначенных Михаилу, отбыл «наказание» шесть. После смерти Сталина был отпущен на свободу...

...«Личного дела», папки с документами, подтверждающими его учёбу в университете, не оказалась. Случайно сохранилась «зачётная книжка», переданная в своё время Лиде одним из участников «инициативной группы». Её копия была послана министру образования Елютину, и он положительно решил вопрос о восстановлении Михаила в правах студента последнего курса «с досдачей зачётов и экзаменов по дополнительным дисциплинам обновлённого учебного плана». С помощью бывших друзей, а ныне преподавателей университета, быстро удалось преодолеть «академические» трудности и получить диплом об окончании Уральского университета.

«Распределительная комиссия» учла просьбу выпускника М.М. Персикова и направила в распоряжение Северо-Казахстанского облоно. В Северном Казахста-

не сперва работал два года в сельской школе - преподавал русский язык и литературу, затем приглашён в Петропавловск на должность директора школы рабочей молодёжи, через следующие два года перешёл работать в обычную общеобразовательную среднюю школу № 3, оттуда приглашён заведовать кабинетом педагогики областного института усовершенствования учителей. Здесь он активно проявил себя как организатор пропаганды и внедрения педагогических «задумок» и «находок» - результатов обобщения учебно-продуктивного опыта учителей области и страны. Передовой опыт внедряет не только через семинарские и курсовые занятия учителей, завучей и директоров школ, но и посредством многочисленных публикаций материалов в газетах. При этом проявил недюжинные журналистские способности, почему и получил приглашение работать в редакции республиканской газеты «Учитель Казахстана»...

Сегодня, возвращаясь к событиям полувековой давности, Михаил Михайлович задаётся вопросом: за что «отбывал повинность» заключенного? Обращался в областную прокуратуру - прояснить вопрос. И получил ответ: ныне нигде нет данных о его шестилетнем пребывании в исправительно-трудовой колонии - ни по политическим, ни по «спекулятивным» убеждениям. Как смириться с тем, что шесть лет вычеркнуты из жизни? Память об этом не даёт покоя.

Т. Шейкина

Часть первая

СТУДЕНЧЕСКАЯ БЛАЖЬ

«Юность - это возмездие» (Х. Ибсен)

1

Прекрасна молодость.
Счастливая пора.
В потоке времени
умчалась без возврата.
Волнует и влечет,
как дальняя гора,
Уснувшая в лучах
весеннего заката.

Глядишь сквозь сумерки,
и все отраднo взору.
Шумит перед окном
отяжелевший сад,
Чуть веет ветерок,
заколыхавший штору,
Покинувший для сна
вершинные леса.

Приятны и чисты
все уличные звуки.
Покой. Но что-то ждешь
в незапертую дверь.
Задумчивость. Мечта.
И что-то ищут руки
В разошедшемся столе,
отворенным теперь.

Вот связка дневников
и перемятых писем.
Без трепета беру,
читаю наугад.
Портрет на переплете
в «котиковом шпесе» -
Улыбка, сеть ресниц,
зубов блестящий ряд.

Твой образ. Сколько лет!
И сколько пережито!
Нас в разные края
дороги увели:
Я - у обломков
здесь разбитого корыта,
Ты - молодо цветешь
в чарующей дали.

Я свял, порыв утих,
и сердце охладело.
Но помню ночь, и лес,
и гордые слова...
Ты вырвалась вперед,
решительно и смело,
Быть может, позабыв
все это. Ты права.

Кто в действии всегда,
стучится в двери счастья
И каждый новый день
встречает у ворот,
Тот вправе забывать,
провидя в настоящем,
Грядущего пути
удачный поворот.

Тому не нужен прах
разрушенных мечтаний.
О прожитом грустить -
заняты стариков.
Жизнь ласкова для тех,
кто вождь на поле брани,
Для павших рядовых
закон ее суров.

2

То были годы грез.
В семнадцать кто не грезит?
Для юности весь мир -
роскошный парк в цветах.
Не кстати в нем гулять
калекой на протезе,
И в жизнь, как в парк, идешь
с улыбкой на устах.

Нет душевной суеты,
все празднично и ново.
Газоны у ворот
коврами залегли.
Аллеями весь парк
красиво разлинован.
Счастливых голосов
манящий звон вдали.

Седое полотно
асфальтовых дорожек
Разостлано сквозь строй
зеленых тополей.
Фонтанов серебро,
изящный шаг прохожих,
И вдруг густая сеть
тропин между аллей.

Куда они ведут?
Сулят какие встречи?
На свете не найти
нехоженных дорог.
Которую избрать
своею в этот вечер?
Иль новую пробить
подковами сапог?

Растерянно глядишь:
раздумья и догадки.
Всю б ширь исколесил,
да ноги коротки.
А молодость зовет
пуститься без оглядки
Разматывать тропин
суровые мотки.

Идешь, бутоны роз
срываешь мимоходом,
Вдыхаешь аромат
сиреневых кистей.
Ты счастлив. Но грустишь
наедине с природой:
В душе переплелись
желания о Ней.

Она. И вновь Она...
Не рассказать об этом.
У сердца свой язык -
нет сил расшифровать.
Со школьных лет о Ней
в душе живут приметы -
Нетронутых страстей
немятая трава.

Пути не повторишь
на первое свиданье.
Тот жалок и не прав,
кому не довелось
Сквозь юность фильтровать
большие ожидания,
От лодки перворейдной
сохранить весло.

По памяти в былом
сбирая счастья блески,
Смятенье первых чувств
отметишь как зенит.
Не сгладит надпись встреч
у дней на перекрестке
Суровый ветер лет
с мемориальных плит.

3

Бывает так, что взгляд
искорку заронит,
И взыметя костер
в душе для многих встреч...
Мы встретились в толпе
на солнечном перроне -
В транзитной суете
с котомками у плеч.

Я понял с первых слов
в ней сильную натуру,
Мой светлый романтизм,
искания, мечты.
Естественность во всем:
ни пудр, ни маникюра,
Ни вычурных манер
и ни острот пустых.

Без праздной суеты,
без ложных интонаций
Ее девичий облик
мне был неотразим.
Умеренность в словах,
в лукавстве жеста граций,
Улыбку не стеснял
гримас искусный грим.

Знакомились потом -
в просторах коридоров,
Где «истину творят»
студенты в буре слов;
Где судьбы человечества
решают в жарких спорах
Безусые юнцы
с солидностью послов.

Свободно, как во всем,
мне руку протянула,
Марией назвалась,
не опустив очей.
Так дружба зацвела,
не связнув и в разлуке,
Прекрасная в порфире
и в траурной парче.

Она пришла с полей
в долине Енисея -
Из сельской тишины
в столичный водопад.
Из ШКМ, где мир
открылся перед нею,
В простор аудиторий
ввела ее тропа.

Не «счастье», не «судьба»,
а факт - законно строго
Во имя смелых дел
и благородных чувств
На Родине моей
для всех дана дорога
В волшебные дворцы
науки и искусств.

Судить о высоте
народных достижений
Сверяя факты до
и после Октября,
Мы можем по тому,
как из глухих селений
Влеклись подростки в вуз
тропой от букваря;

Как ширятся ряды
курсантов и студентов,
Как знания и труд
сплелись в живой родник,
Как дальней перспективы
радужную ленту
Вплетает молодежь
в сегодняшние дни.

Не каждый в двадцать лет
ученый и философ,
Но с книгою у нас
все дружат малыши.
А помните - шагал
подросток Ломоносов
За знанием Москву -
из северной глуши?

И веру превратить
в уверенность не смея,
От строил все надежды
на песке удач.
И если б не талант,
не воля Прометея,
Мальчишке б не придти
в науку никогда.

4

Мария без ума
от новых впечатлений:
Впервые в славный вуз
она пришла как в храм,
Готовая всему
молиться на коленях,
Восторженно внимать
седым профессорам.

Она влюбилась в тишь
учебных кабинетов,
Где раскрывался мир
неведомо иной,
Где, пыль веков смахнув,
несут венки сонетов
Ученые мужи -
отаве молодой.

Влюбилась в красоту
латинских поговорок.
И, чуя высший смысл
в их звуковой игре,
Учила назубок их
кряду штук по сорок:
«Амикус конгосцитор
аморе, море, ре...»

Влюбилась в русский стиль
родной литературы.
Умела рассуждать
с апломбом мудреца
О благородстве женщин
с «волевой натурой»,
Способных на любовь,
на жертвы до конца.

До странности была
ревнивой феминисткой,
И циник рисковал
пощечину снести.
С каким изяществом
поэму «Декабристки»
Читала наизусть,
чеканя звонкий стих!

Некрасов был ее
любимейшим поэтом.
Быть может, потому,
что поискам своим
Подслушала она
созвучные ответы
В поэзии его
с призывом боевым.

Ей также по душе
был яд крыловских басен.
О Пушкине у ней
сложился странный взгляд:
Он слишком поэтичен,
изящен и прекрасен;
Он для небес творил,
ему чужда земля.

Как ни старался я, -
не мог подобных мнений
Ничем поколебать.
Согласная со мной,
Что Пушкин - «корифей»,
что Пушкин - «русский гений»,
Стояла на своем:
«Он слишком неземной»;

«Он пел о красоте
возвышенных мечтаний,
О барственной тоске,
о прелестях любви...
Блюсти порочный долг
велел несчастной Тане,
А не права свои
на чувства заявить».

Вышучивала зло,
с суровым фанатизмом,
«Искусство для искусства»
как пошленький девиз
«Усадебных писак»
и «бардов символизма»,
«Бряцавших о любви
и красоте девиц».

5

Я помню эти дни
критических дерзаний.
Юнцы со школьных парт
не знают средин:
Иль вера без сомнений,
иль пафос отрицаний;
Немыслим компромисс
расчетливых седин.

Симпатии простым,
бойкот авторитетам:
С бесстрашьем не дружны
студенты-новички.
И чуть ли не любой
уже слывет поэтом,
На белый свет глядит
сквозь алые очки.

Все чувствуют себя
Великими в грядущем,
С призваньем обновить
и переделать мир.
Идеями живут,
беспечны о насущном,
Наивны и чисты,
и честность - их кумир.

В постели и в пути,
на отдыхе и в деле
Пылают души их,
как праздничный костер
Возвышенны мечты
и благородны цели:
Сердца их не растлил
житейских буден сор.

Без счастья веселы,
а в горе - без печали.
Потерям и удачам
счета не ведут.
Их будущность светла,
как новый блеск медали
Понятна и близка,
как штурмовой редут.

Тщеславны, но не так,
как мастера карьеры:
Не для себя - для них,
людей, быть впереди,
Как в Риме был Спартак,
как в Мексике - Ривера,
В России - Чернышевский,
с огнем в крови, в груди.

С собой наедине
и в дружном коллективе
Без маски на лице -
без лживости вообще,
Решение одно
любой альтернативе:
Гуманность, альтруизм,
но правде не в ущерб.

Не модны в наши дни
терпимость и прощенье;
Так было, так и есть
и в перспективе так.
Зачем нам «зуб за зуб»,
отмщенье для отмщенья -
В сознании и деяньи?
А истина проста:

Расколот мир всегда -
враждебно антиподный,
Пронизан сверху вниз
разгулами страстей:
В разладах сильный - слабый,
сытый и голодный,
Все это начинается
на уровне детей.

И предки и потомки
изгоев, элитарий -
В различных срезах жизни
и крут здесь переход.
Рабовладелец - раб,
буржуй и пролетарий
В веках и в наши дни -
враги, как пес и кот.

Росли мы после гроз
семнадцатого года,
В пороховом дыму
сердца не закалив;
Учили нас любить
Отчизну и свободу,
И жизни не жалеть
за пядь родной земли.

Душою всей любя
добро и справедливость,
Хоть сам критерий их
туманен был для нас,
Разменивали гнев
к позору на стыдливость,
Смотрели на порок,
сквозь пальцы шуря глаз.

Критические взгляды
не подкреплялись делом,
Зато взрывной волной -
в речах эмоций рой;
В воображении -
был каждый очень смелым,
В реальных передрягах -
один из ста герой.

6

По-своему Мария
вошла в среду студентов:
Симпатии ее
с отринутым в связи -
В любой ее оценке
«чуждых элементов»
В защиту обделенных
ирезия сквозит.

Вначале строгий взгляд
и острота суждений
Отпугивала всех -
подальше от огня!
Но время протекло
и разогнало тени,
И льнули к ней сердца,
доверие храня.

Широкий коридор
служил для нас проспектом:
Здесь весело молчали
и спорили до слез,
Мечтали о любви
и строили проекты,
Смущенье погасив
в дыму от папирос.

Здесь пели в дни торжеств
студенческие песни,
Душою природняясь
к юности отцов -
Той юности, что жизнь
дала героям Пресни,
Той юности, что рдела
знаменем борцов.

Здесь были все равны -
ни «господин», ни «парий»,
Дипломник от души
дружился с новичком;
Тот вырос, поостыл,
а этот весь в угаре -
Идеи ловит он,
как бабочек сачком.

На лекциях, в быту,
в кино, на танцплощадке
Бурлива и дружна
студенческая рать.
Спросите: «Как дела?»
ответят: «Все в порядке!»,
Когда по существу -
иначе б отвечать.

Официальный бал,
пирушка холостая -
Свой стиль манерный, темп,
и тел, и душ игра:
Там правила - во всем
середина золотая,
Здесь страсти и вино -
все плещет через край.

Бездельничать - до дна,
трудится - до предела
Беспечные студенты
умеют, как никто;
Уверены в себе,
за все берутся смело,
И сил не рассчитав,
не каются потом.

Как пламя, горячи,
и сколько все ж терпенья!
Приспичит - до утра
готовят свой урок,
Голодные, без сна,
в холодном помещеньи,
В потрепанном пальто...
Но бедность - не порок.

Всё так на первый взгляд -
легко и несерьезно,
И будто захлестнул
ребячий анархизм.
Но глубже заглянув,
увидим - «лучше поздно,
Чем никогда», как учит
мудрый афоризм, -

За внешней мишурой
забав и развлечений
Размеренный, как пульс,
ведет Закон труда:
В читальнях, кабинетах
и дома - круг учений
Изо дня в день сомкнут
без срывов на года.

С презреньем относясь
к заботам материальным,
В духовных «пиршествах»
не ведают границ.
Все темы хороши:
начавши с актуальных,
Ныряют в глубь веков
до пирамид-гробниц.

В романтике бесед
непризнанные тени
Колоссами встают
из-под руин времен
И, щедро получив
почетный титул «гений»,
Здесь царствуют хоть час,
взведенные на трон.

7

Марию не влекли
подобные прозренья.
Спокойно, отстраненно
стремила вдаль свой взор.
Но вот пружинный шаг
с оттенком нетерпенья,
Когда вдруг достигал
вершин накала спор.

И взмах руками: «Стоп!
А вам не надоело
Перебирать старье?
Вернитесь в нашу жизнь!
Что было, то прошло -
его не переделать,
Историю не впрячь
в истлевшие гужи!»

Откуда эта прыть
и это отрезвленье?
Уставшие галдеть,
умолкли «пацаны».
Косынку с головы
и - чудное мгновенье! -
Пустилась в звонкий пляс
чечеточной волны.

Косынки резкий взлет -
как будто в вихре парус,
Зигзаги каблуков
развертывают ритм.
И вот рука в руке -
из всех я выбран в пару,
И сердце, и ладонь,
и щеки - все горит.

Рассыпался в кругу
спокойно мудрый форум:
Откуда ни возьмись -
гитара в аккурат;
И кажется, звенят
танцующие шпоры,
И «кавалеры» вдруг,
и «дамы» нарасхват.

Признаться - не к лицу
танго анахорету,
А тут еще чарльстон
и бешеный фокстрот.
Вот вальс - куда ни шло:
романтику-поэту
Под стать и по душе -
в нем плавный поворот.

У «дамы» Маши - в ритм
изящные изгибы,
А «кавалер», как слон, -
неповоротно груб;
Зато - в распев стихи:
«А вы ноктюрн могли бы
Сыграть на флейте
водосточных труб?»

Владимир Маяковский,
тобой я очарован
И в этой кутерьме
соратником беру -
«Горлана», «главаря»
неистовое слово,
Как он, баритонально,
размашисто ору.

Ору: «Я - гражданин
Советского Союза»,
Мы ныне «на буржуев
смотрим свысока»...
Пою взхлеб стихи,
как арии Карузо,
Пожатию руки
ответствует рука.

Когда и как ушли
под звездные просторы
От стен и потолков
и душной суеты -
В загадочную тишь
природных коридоров
Из елочных аллей,
упрятавших цветы?

Кошунственно, небось
но я похитил розу
И трепетно «вонзил»
соседке в гребешок.
И будто бы протест
повеял мне угрозой:
«В газонах рвать цветы
нельзя - нехорошо!...»

Я все же уловил
 кокетливые нотки:
Пожагию руки
 ответствует рука;
Ритм сердца зачастил,
 замедлилась походка,
Посмел обнять ее,
 прижав к себе слегка.

Присели на диван,
 окутанный сиренью;
Впились глаза в глаза -
 иного не видать!
В безвременьи сошлись
 и вечность, и мгновенье:
Не в грезах - наяву
 такая благодать.

Сам бог остановить,
 прервать ее не в силах,
А впереди, как жизнь,
 блаженный поцелуй...
Но убоюсь я
 быть слишком торопливым
И хлесткое услышать:
 «Парень, не балуй!»

Не рассуждал тогда,
 как рассуждаю ныне:
«Стратегия ясна,
 а в тактике будь строг».
Расчетливости нет
 и не было в помине:
Не разум - сердце мне
 давало свой урок.

Я снова - за стихи
 любимого поэта;
В фрагментах наизусть
 поэмы ворошил -
Про «Облако в штанах»,
 потом еще «Про это»...
С восторгом - о любви
 восторгами души.

Я вился соловьем,
 она внимала молча.
А ночь уж на исход -
 восток зардел зарей;
Окраина тиха,
 лишь где-то воем волчьим
Бездомно голосит
 тоски собачий вой.

Вот насыпь, ребра шпал,
 и рельсы на них дремлют.
Навстречу товарняк
 змеей ползет, шипя...
«Позволь поцеловать,
 не то - ложусь на землю
И буду, как Христос,
 меж рельсами распят!»

И спутницу потряс
 нежданный ультиматум;
Молчит, остановясь,
 а я на «штурм» иду;
В пыланье фар-очей
 влечет какой-то фатум:
Как кролик в пасть змеи,
 на товарняк бреду.

Игры дурной азарт,
в башке ли помутилось -
Груди почти коснулась
локомотива грудь...
Но возглас на весь мир:
«С тобой и я, мой милый!!!» -
Моментом отрезвил
и разметал игру.

Бывает, человек
выходит за пределы
Возможностей своих -
и разума, и сил.
Я кинулся назад
порывом ошалелым,
Полетом под откос
Марию подхватил.

Отброшен смерти миг,
скатились за пределы
Пыланья фар-очей
удаваемой полосы.
Земле и небесам
нет никакого дела,
Что в сбое сердца ритм
и замерли часы.

Шуршали камыши
и всплески волн о берег...
Тревожный пульс, и кровь
струится у виска.
«Она жива! Со мной!» -
нетрудно мне поверить:
Пожатию руки
ответствует рука.

Одежда, и душа,
и волосы в растрепе;
Без слез мы хохотали
и плакали без слез,
Что правда проросла
в том бешеном галопе,
Который обе жизни
чуть было не унес.

Улыбкою пруда -
зеркальным отраженьем
Благословило Солнце,
росою окропив:
Смущенно, чуть дыша,
мы робким губ сближеньем
Слили свои сердца...
Возможен ли разлив?

Часть вторая

ПИСЬМО ВОЖДЮ, А БЛАЖЬ ИНАЯ

1

Наивен смысл и тон
в том заданном вопросе.
Порой и мудрецам
невмочь предугадать,
Какие фортели
судьба нам преподносит:
В одних началах скрыты
и радость и беда.

Студенческая блажь
нам представлялась счастьем,
Мир виделся сквозь юность
в розовых тонах.
Как в ясный день порою
грянет гром ненастья,
Так в сорок первом вдруг
обрушилась война.

Переменилось все
крутым уклоном сразу;
И внешне и нутром
щетинилась страна;
Узлом переплелись
стремления и связи,
В тень личное взяла
диктаторски война.

И многие из нас
вдруг облеклись в шинели;
В насмешку нарекли
«калеками» других,
При строгом медотборе
негожих в ратном деле,
Сконфуженный и я
втесался среди них.

Такая, знать, судьба -
быть вечно отстраненным:
Сперва ребенком, отроком -
от матери, отца,
Затем «в туманной юности»,
как «белая ворона»,
От сверстников -
на грани своего конца.

Жестокая болезнь
нещадно подкосила,
Когда мои родители
вселились в мир иной, -
Иль воля божества,
иль дьявольская сила
Как будто задалась
расправиться со мной.

Инстинкт вел или разум
самосохраненье -
Отчаянно письмо
в Кремль Сталину послал:
О помощи просил,
как Бога, на коленях,
Чтоб доброта его
мне жизнь мою спасла.

2

Картину воссоздай,
воображеньем, память:
Подросток, чуть живой,
но выполз на крыльцо -
Пусть с неба обогреет
солнечное пламя,
Пусть ветер обцелует
бледное лицо.

Пустынный двор.
В навозе копошатся куры.
Нежданно у ворот -
коляска, в ней седок.
Сошел, шагнул во двор
и спрашивает хмуро:
- Не ты ль, высоколобый,
тот самый паренек?..

Мое письмо - к глазам,
а я глазам не верю,
Читаю в уголке
чужую пару строк:
«Достойный паренек.
Принять не медля меры»,
И подпись вензелем
вразмах наискосок.

Проворно, без затей
бумажных бюрократов,
В коляске хмурый муж
с собой меня увез,
И принялась за дело
служба Гиппократата,
Чтоб напрочь из кости
изгнать туберкулез.

Консервативный курс,
система операций...
Полгода не прошло,
а я на ноги встал.
Куда теперь идти?
За сверстниками гнаться,
Как пассажир, что вдруг
от поезда отстал?

Велит, небось, судьба
мне семимильным шагом
Сегодняшнюю жизнь
найти, догнать, обнять.
Будь прыток, интеллект,
тебе ведь, бедолага,
Придется это все
быстрее осуществлять.

И снова отстраненный -
переросток в школе:
В четвертом с мелюзгой,
и перескок в шестой,
Затем в очередном,
как мудрый воин в поле,
Атакой и осадой
выигрываю бой.

Без «удочек» успех -
окончил семилетку.
Но радость со слезами -
дедушка почил;
Сочувственно у гроба
молвила соседка:
- Куда же притулишься?
Кому сиротка мил?

3

Бездомным не бывал.
Но дом стал опустелый:
Хоть с кладбища и в лес -
беги, по-волчьи вой;
Хоть в петлю на суку -
Кому какое дело! -
Хоть вены бритвою,
хоть в омут головой.

Так в первый раз мелькнул
позыв к самоубийству,
И в первый раз забрел
с могилы в божий храм.
И солнцем озарил мне
душу лик Пречистой -
Чуть строгим взором матери,
улыбкою добра.

Как с богом были связаны
родители, не знаю,
Но бабушка и дед
блюли церковный дух:
В углу иконостас,
как полочка резная,
Лампадка перед ним
чуть тлеет на виду.

Молились на рассвете
и вечером с поклоном,
Коленопреклоненно -
в святой воскресный день;
С собой внучат влекли
в «божественное лоно» -
Под образами в угол,
где сумрачнее тень.

Блюли в неделю раз
евангельские чтеня;
Библейский ветхий текст
у них был не в чести.
Впоследствии во мне
он заронил сомненья,
Которым суждено
в неверье прорасти.

Но это впереди.

А тем июньским летом
Пречистой лик мою
доверием жизнь спас:
Казалось, мать всех сирых
воссоздал портретом
Талантливый художник,
а не богомаз.

Искусство жизнь берет
паковкой идеалов,
Но каждому свое -
широкий выбор дан:
Одним вершина - Бог,
другим - рогатый Дьявол,
А третьим, может быть,
и пушкинский Балда.

Но я ищу иной -
как будто бы четвертый;
От Бога не отстал
и не примкнул к Балде,
Рогатый не по мне -
пусть катится он к черту!
Мечта и любопытство
ведут в своей узде.

В каком-то смысле я
спортсмен по интеллекту -
К реалиям земли
мир сказок применял:
Кашеёво бессмертье
привязал к проекту
Свех-светных скоростей -
таков мой идеал.

4

Но это все - в мечтах.
А проза жизни гонит
В далекий Город-сад,
как Маяковский звал
Кузнецкий новострой
на притаежном склоне,
Где дядюшка Степан
давненько проживал.

И тетушка Наталья,
что брата приютила,
Когда еще он был
почти молокосос.
Но я не метил стать
нахлебным супостатом:
Учеба и работа -
мой жизненный вопрос.

С разбега, так сказать,
отнес я документы
В престижный будто техникум
и буду металлург!
Вступительные сдал
и посвящен в студенты,
С опаскою вступил
в неведомый мне круг.

С восьми и до полудня
режим крутых занятий,
Но душу берedit мне
сухоей-физмат:
Цифирью, формулой,
абстракцией понятий -
Не к сердцу обращен,
а к логике ума.

По роду, видно, я
во всем гуманитарий -
Мне в образ облекай
ньютонский бином;
Готовился к урокам
под рокот на гитаре,
Осваивал «физмат»
и сердцем и умом.

В конце-концов к нему
я попривык немного:
Брал с ходу логарифм
и корни извлекал...
Но червь сомненья грыз:
а ту ли вот дорогу
К призванию души
мне фатум указал?

Учебный план решил
больной вопрос весною:
Студенту пропуск дан -
иди на комбинат,
Свой профиль выбирай,
как долг перед страной,
Но чур, не ошибись -
сам будешь виноват.

Огромна комбинат!
Недели не хватило,
Чтоб «службы» все понять
и верно оценить.
По впечатлению
с налету - все немило;
Веди меня отсюда,
Ариадна нить!

Я чуждый лабиринт
отшил не без конфуза.
От Бога новый выбор -
университет.
Но он недостижим,
как локоть для укуса,
Поскольку аттестата
средней школы нет.

Где выход обрести?
Принять какие меры?
И будто снова Бог
благое говорит:
«Трудяга, попотей,
как каторжник галеры, -
Четвертый курс рабфака
приступом бери».

Каникулы долой!
«Потел», зубрил все лето,
А осенью в рабфак -
экстерном за три сдал
И на четвертый принят,
последний курс при этом.
Уверенно ведет -
магический кристалл

Вот только та болезнь,
что раньше отступила,
По осени опять -
собачкой вокруг ног:
Открылись раны вновь,
и на душе постыло:
Избавиться от них
всю зиму я не мог.

Но ноги все равно
служили моей воле -
С занятий по средам
спешил я во дворец,
Где милый старичок
в своей скрипичной школе
Студента приголубил:
«Талантливый юнец!»

Затем, уже к весне,
ценя мои успехи,
Включил по скрипке-альт
в учебный свой квартет.
Ох, тут мне от него
«досталось на орехи»
За «вольный симфонизм»,
что рушит паритет.

Простецкий меломан,
влезал в чужие сферы,
Но заданный аккорд,
клянусь, не нарушал,
А крапал в нем свои
нюансы и манеры,
Как диктовала мне
певучая душа.

5

Весна-весна! Но ждет
суровый госэкзамен,
И новой отстраненностью -
юродивый во мне:
Порой клянусь судьбу,
а то зальюсь слезами
Больной и одинок -
не по своей вине.

По чьей? Такой вопрос
ревизию наводит:
Кто Вед и Всемогущ -
причастен ко всему!
Греховный перехлест
как сатанизм - не в моде,
Но трезвый атеизм
приемлем по уму.

Толчком был «ветхий текст»,
что старики не чтити
И что в душе моей
сомненья заронил.
Теперь - «Долой!» богам
и всей нечистой силе,
Надейся на себя
и лишь себя вини.

Юродивый во мне
надолго приютился, -
С обычным окруженьем
связь моя слаба:
Как в «голубой» проказе,
девушек дичился,
От сверстников гнала
болезнь и худоба.

Порою сам себе
казался очень странным.
Представьте, как-то раз
я шествовал в санчасть
В трусах, а без бинтов -
гноящиеся раны ...
Шагаю на виду,
чуть ноги волоча.

Навстречу завуч мне,
немного ошалелый, -
Под ручку подхватил,
провел в свой кабинет
И, выйдя, запер дверь.
Всерьез затеял дело -
Проверить: психопат я
или дерзкий шкет?

Я сдрейфил и - в окно.
А общежитье рядом.
К сокурсникам влетел.
На их немой вопрос
Потребовал бинты,
штаны и все, что надо
Для штурма крепостей,
что предоставил Гос.

На первый штурм иду
с опаской и не сразу;
«Физматовский» порог
достаточно высок.
Но бередит не он,
а с завучем тот казус -
В окно из кабинета
удачливый бросок.

«Физматовский» успех
приободрил как надо -
С «отлично» в кабинет
иду на разговор,
Готовый объяснить
нелепую бравладу
И выслушав, принять
заслуженный укор.

На той же высоте
сдал прочие предметы.
С «отличием» аттестат
я трепетно беру.
На торжества пришли
коллеги по квартету,
И эхо разнесло
скрипичную игру.

6

Прощай! Прощай, рабфак,
трамплин большого взлета.
В желательный мне вуз, -
заминок почти нет:
Деньжонок накопить
поможет мне работа,
И осенью -
в Уральский университет.

Стремленья хороши,
но все не так уж просто.
Доходную работу
где сыщит инвалид?
Наверно, на всю жизнь -
душевная короста:
Ущербные всегда -
мишени для обид.

То жалостью своей
невольню обижают,
То взглядом неприязни,
то словом с холодком;
И даже от души
внимательность чужая
Представится порой
рассчитанным плевком.

Возможно, это блеф
униженной природы,
Но помощь сам себе -
за правило я взял;
Другое правило -
все делать без халтуры
И чувствовать в душе,
что можно, что нельзя.

Свое трудоустройство
я исчерпал в неделю -
В горбане продавал
газ-воду, морс и квас.
Под осень при расчете
растрату еле-еле
Зарплатой погасил -
достаточно как раз.

Хоть нищ, но рад:
в руках благое извещение -
Зачислен как «отличник»
в университет!
С родными и знакомыми
прощанье и прощенье,
На барахолку с плеч
пальтишко на билет.

Перед отъездом вдруг
вручил свое посланье
Дворцовый старичок
свердловскому певцу:
«Рекомендую, братец,
приложи старанье -
Путь в музыку открой
достойному юнцу...

С Тальновским познакомь.
Ведь он скрипач отменный.
Проверит паренька
и в свой зачислит класс...»
А дальше - похвалы мне:
старичок почтенный
Предрекает гордо
тропку - на Парнас.

Передо мной теперь
такая заковыка -
По музыке идти
или же на филфак?
И в голову не брал
попасть в разряд великих,
Когда среди своих
дела мои - табак.

Да здравствует Свердловск!
Ищу, где «альма матер» -
С вокзала належке
вдоль улиц и пешком:
Последние гроши
мне неразумно тратить
Рублями на такси,
трамвайным пятаком.

А в голове моей
еще ютится выбор:
Кто буду я -
филолог или музыкант?
А может совместить?
Таков ли мой калибр,
Чтоб Ойстрах и Перцов -
во мне наверняка?

Стеснительность и скромность -
мои дурные вожжи.
К «певцу» не обратился,
к Тальновскому не шел.
Об этом пожалел
и каялся я позже,
Когда, как говорится,
поезд мой ушел.

7

«Филфаковский кагал» -
вот так именовали
Дрянное общежитье,
куда вселился я,
Но рад и уголку,
как путник на привале;
Вокруг юнцы ютятся -
веселая семья.

Не сразу заводил
знакомства, как обычно,
И не спешил привадить
шапочных друзей -
Вот умненький блондин,
но слишком голос зычный,
Вот скромненький шатен,
но сонный ротозей.

Привлек меня брюнет,
кудрявый и вертлявый, -
То бросится за стол,
то бухнется в кровать;
Он в шутку удивлял
талантливой забавой
Смешных чертей и ангелов
в сплетеньи рисовать.

И был он меломан -
с фамилией Филатов,
Азартно грампластинки
скопом покупал,
Цыганя у сожителей
«по пятерке с брата» -
«Приобщимся к Музам -
мы не шантрапа!»

«Приобщенье» к Музе
состоялось вскоре:
Откуда-то принес
Филатов патефон,
И музыки плескалось
разливное море -
Бетховен, Моцарт, Бах ...
Классический канон!

Досыта наслаждаь
орфеевым причастьем,
Вернули патефон,
пластинки приложив:
Пусть купленное нами
повторится счастье,
Прекрасное навек
другим сердцам внедлив.

С Филатовым сошлись -
флегматик и сангвиник.
По городу бродили,
заглядывали в парк,
Беседовали много -
то о Паганини,
То о Маяковском,
то о Жанне Д'Арк.

Делились мы порою
самым сокровенным:
Давно он в тайне музыку,
а я стихи писал -
По стилю, может быть,
не очень современно,
Зато по содержанию -
душ наших голоса.

Театр нас привлекал
романтикой на сцене:
Ростана Сирано,
из рода Бержерак,
Очаровал сильнее
всех «Собак на сене»,
Под шквал хлопков ему
кричали мы: «Ура!»

Стремилась, как и он,
вести себя вальяжно -
Осанкой, остроумием
парировать укор,
А не «в бутылку лезть»
и матом двухэтажным
В полемике давать
противнику отпор.

Но вскоре мой герой
на север «переехал» -
Вдруг Нагель Кнута Гамсуна
волшебнo покори́л:
Таинственностью дел -
в молве народа эхом,
Скрипичными пассажами,
как пламенем зари.

Мистерии его
всегда гуманистичны:
И скрипкою своей
творил добро вокруг -
На свадебных пирах,
на игрищах публичных.
А для себя в укрытьи,
как глухарь в бору.

8

Где скрипочка моя?
Но будет непременно!
Работу отыщу -
вот только бы по мне,
Для ног моих посильна,
как море по колено,
И не при солнышке,
под вечер при луне.

Студент, как солдафон,
весь день в узде занятий,
Вот вечером - в своих
делишках поспешай.
Библиотечный фонд,
мне вовремя и кстати
Работу предложил,
как жаждала душа.

Иди и собирай
«просроченные» книги
С забывчивых читателей
законный штраф бери;
Зарплатой он и будет,
как доход барыги
Иль нищей попрашки
у запертой двери.

Но скрипку приобрел я
на «дурном базаре» -
Дешевенький товар
под вечер у пивной -
И вот теперь поет
мне милый «Страдивари»
У сердца на груди
о юности больной.

Порою я нежданно
скрипкою речистой
Под гитарный рокот
сладкими танго
На танцульках плакал
в позе нагелиста
И о скорбном в жизни,
и о дорогом.

Чтоб завершить пока
о скрипке эпопею,
Как странность обличу
флегматикову прыть -
Беру в момент, когда
от радости глупеют
И не пытаются
такую слабость скрыть.

С Филатовым стоим
у красочной афиши -
От предвкушения
нас оторопь берет:
Концерт лауреата
Фихтенгольца Миши!
Скрипач как божий дар -
знаем наперед.

По кассам не найти
желанных нам билетов,
С трудом купили с рук
по бешеной цене -
Достались не в партер,
а на галерку где-то,
Но это неудобство
оставим в стороне.

Волшебствует концерт
скрипичный Мендельсона,
Затем Венявский, Сарасате,
чудотворец Григ.
И сердце, млея, ластится
ответным унисоном,
И разум покоренный
ловит каждый миг.

Концерт окончен. Тишь.
И шквал аплодисментов!
Как под гипнозом вниз
стремительно лечу,
К обочине у сцены, -
жадно жду момента
Пожать маэстро руку
сладостно хочу.

Воображением представьте
эту мизансцену:
В посконной рубашонке
странный паренек
Навстречу скрипачу
кидается мгновенно.
Протягивает руки,
как божеству пророк.

Маэстро утомленно
держит левой скрипку,
А руку правую
мне робко подает;
Шепчу слова любви
под глупую улыбку
Подолом вытирая
с рук маэстро пот.

Не правда ли - курьез,
забавная картина?
Бывали поострей -
забавные до слез:
Под кепкой я ходил,
зипун из мешковины.
Холщовые штаны -
в декабрьский мороз!

Мильтоны начеку:
Стой! Кто ты и откуда?
Пройдем-ка в отделение!
Представь-ка документ!
Смущенный, объясняюсь,
как проклятый Иуда, -
Качают головой,
не верят, что студент.

«Студенческий билет?
да кем-нибудь потерял...»
С улыбкой Сатаны
трезвонят в деканат.
И хоть ответом статус
мой удостоверен, -
С пожатьем плеч «Идите» -
смутно говорят.

Припомним, на проезд
в Свердловск пальто я продал.
И вот до декабря,
когда зипун достал,
Занятья посетал,
в трамвай вбегая сходу
И сходу из трамвая
в лекционный зал.

И что ж - не околел:
сработала закалка,
Удачно общежитье -
трамвай у окна:
Садись и поезжай:
Душа твоя, нахалка,
Оправдывает «зайца» -
не его вина.

9

Готов принят укор,
в ответ пожав плечами:
О мелочах рассказ -
большое в стороне!
А может быть, как раз
такими мелочами
Питалась и мудрела
вся душа во мне.

Но чур, поговорим
о главном - о занятиях;
С утра и до полудня -
академчасы,
Науки брали нас
в железные объятия,
Оттачивая ум,
как лезвие косы.

Братва гуманитарий
в перерыв шумлива,
В аудиторный час -
вниманье начеку:
И в память и в конспект
стремится торопливо
Вобрать чудесных знаний
мощную реку.

Порою подзадаст
дурные экивоки
Девчонкам втихаря
веселый паренек,
И взбударажат вдруг
смешливые потоки
Аудиторный форум
вдоль и поперек.

Преподаватели -
в обиде, не в обиде,
По-разному оценивают
тот переполох.
Профессор Вознесенский,
важно в кресле сидя,
Хохочет громогласно,
как Громовержец-Бог.

Своей лохматою
лобастой головою
Он окунается
в развернутый платок
И басовитым чихом
резонансно воет,
Как будто сам смешливый
породил поток.

И вскоре инцидент
без окриков потушен.
Историк продолжает
прерванную речь.
Рисуя прошлое,
чарует наши души
Сюжетами и разговором -
способностью увлечь.

Совсем иные козыри
разыгрывает Арденс -
Доцент по филологии,
великий эрудит.
В критический момент
он выступает бардом,
С великолепной дикцией
свои стихи твердит.

Метафорой дивит,
громоздкой парафразой -
Все будто хорошо,
вот только смысл в тени.
Но голос - музыкой!
И замолкает сразу
Аудиторный гам
из смеха и возни.

Своей фамилии подстать
высокорослый Гроссман,
Писатель на плаву,
известный пушкинист,
Как недоступный, отдаленно
трансцендентный космос,
Холодным взглядом удушает
шумный всплеск возни.

При этом лекцию свою
на миг не прерывает,
Суждений логика его
блистательно свежа
И, словно замкнутая в круг
линия кривая,
Прицельно ставит в центр -
его не избежать.

Захватит разум любопытным,
острым интересом,
На отвлечение
бессильна мишура.
И безработными
становятся повесы:
В обвал инфляции
скользят их номера.

Но слышу говор-обращение:
«Будь ласков», -
И шепоток
на украинском языке.
В ответ дивчине -
ни полслова Болеславский
Задумчив взгляд его
на шахматной доске.

Слегка плеча касаюсь
чемпиона Украины.
Гроссмейстеру мой голос
дружески басит:
«Не по-мужски вниманьем
обделять дивчину,
Ведь это - как во храме
свечку погасить,

Когда твоя душа
так жаждет озаренья -
В атаку отрядить бы
мощного ферзя;
Безглазая душа
притупит вдохновенье,
Противника при этом
победить нельзя».

Гроссмейстер ни гу-гу,
зато суровый Гроссман
Акцент внимания
обрушил на меня -
Развесив на плечах
свои седые космы,
Укор глазами мечет -
искрами огня.

10

Однако не пора ль
оставить педагогов?
Без них вне расписания
трудней учебный кросс.
И важных и неважных
предметов очень много -
Освоить на «пятак» -
остаться без волос.

Поэтому братва
на «троечки» тянула,
Да вот стипендия
подхлестывала тех,
Кто был заложником ее
и - без прогулов
Из кожи лез, стремясь
повысить свой успех.

Читальный зал, библиотека,
а также кабинеты -
Особо ритуальный
для студентов храм:
До вечера выуживали
книжные секреты,
Принадлежавшие
исчезнувшим мирам.

Художественный текст
играет злую шутку:
Порою завлечет,
как «девица-красна»,
Поддашься обаянию
будто на минутку,
И грезой навсегда
душа покорена.

Великий Дант, Петрарка,
весельчак Бокаччо
И даже Роттердамский
злою «Похвалой»,
Не ведая того,
повинны в недостатке
Домашней подготовки -
и успех долой!

Повторов избегай -
«стипешка» под вопросом;
Коварен прелестью
не только Ренессанс,
Поклонник классицизма
Михаило Ломоносов
Ученою поэзией
вовлекает в транс.

Вот Пушкин на слуху
и вся его плеяда,
А значит, не влекут
и временных затрат:
Штудируй фолианты,
а в душе услада -
Ведь музыкой поэзии
Боги говорят.

Опасен романтизм
России и Европы:
Захватит Вальтер Скотт,
и ночи напролет,
А днем на семинаре
сумным остолопом
Растерянно глядишь -
не раскроешь рот.

Твои созданыя, Гоголь,
«Вий» и «Тарас Бульба»
И мистикой и волей
умыкают нас -
На шабаш, где галдят
дьявольские гульбы,
На холм, где над костром
высится Тарас.

Заманчив реализм
русский и французский;
В романах, повестях
рискнешь утонуть.
Дневные и ночные
кто выдержит нагрузки,
В безбрежной филологии
прокладывая путь?

Какой простор, размах!
Какие параллели!
Комедию людскую
развернул Бальзак,
А зло войны и мира,
по-Макиавелли,
В трагических тонах -
Лев Толстой-туляк.

Золя и Мопассан,
Тургенев, Достоевский
Такая перекличка
Сены и Невы;
С героями романов
на проспекте Невском,
По улицам Парижа
бродим в час совы.

Достаточно имен нам
в этой эпопее,
Художественный плен
труден, хоть и благ, -
И день и ночь без сна,
голова глупеет,
Экзамен на носу -
одолевает страх.

В январские деньки
не стужа нас корежит -
На скорый лад зубрим
учебный арсенал:
Запасы полугодия
в пару дней не может
Переварить наш разум,
как бы ни желал.

Тем более весной -
всю махину за год,
Когда играет солнце
и неба синь чиста!
Крадемся по кривой -
хитрим шпаргалки загодь,
Но исповедь по ним
не каждому под статью.

Покорный ваш слуга
использовал их службу
Как тезисный ответ
для взгляда на листке,
Чтоб память логики и зренья
в обоюдной дружбе
До исповеди сжала
знанья в кулаке.

Не случай потому -
похвальные оценки,
Не случай потому -
стипендия была,
Не случай потому -
студенты и студентки
Желали мне добра
и не желали зла.

||

А жизнь дарует нам
иные интересы,
Особенно весной,
острее при луне;
Недаром нам рисуют
поэты, поэтессы
Прилунные свиданья
в прелестной тишине.

Таких живых картин
 сплошная галерея
Под майскою луной
 у тихого пруда;
Походкой, воркованьем,
 взглядами милея,
Скользят в обнимку пары,
 как тени, без следа.

С моста благоволит
 скульптурный лик Бажова
«Союзу семисердому» -
 студенческой семье,
Которую сплело
 божественное слово
Поэзии земной
 для райского фойе.

«Союз» возле Бажова -
 на сдвинутых диванах,
Улыбчиво луна
 глядится из пруда,
Как будто до дежурства
 принимает ванну,
Чтоб в небе не затмила
 ни одна звезда.

«Союз» возник зимою,
 когда вокруг печурки
Две девушки и парни
 ютились в тепле,
Пекли скрыли картошки,
 и прямо в рот с кожуркой,
А клубни - целиком,
 печеные в золе.

Вот тут и завелись
 симпатии в развилке:
Борис в пылу к Софи,
 к Ларисе - Александр;
Но нет взаимных искр,
 как ни скреби затылки,
Загадочны сердца,
 как вечный олеандр.

Развилка по кривой -
 от Софы к Николаю,
От Лары до Бориса,
 а дальше не видать...
Но явно Александру -
 судьбы улыбка злая:
Придется одинокой
 кукушкой куковать.

Аффекты в тишине,
 а явочно - разлады:
На набережной бродим
 не рядом, а гуськом,
И дружба набекрень -
 без благодной услады,
Растаял «семисердый»,
 как в мае снежный ком.

Я в этой кутерьме -
 сторонний наблюдатель,
По-прежнему де-факто
 как будто «голубой»,
По-прежнему в душе
 безудержный мечтатель,
Но Софа неспроста
 тревожит мой покой.

Тем более - внимание
чуткое заметил
К моим скупым островам,
репликам, стихам,
Когда вскипали споры
обо всем на свете,
То страстные всерьез,
то с хохмой пополам.

Вниманье окрыляло,
отгаивало душу -
Смелее, интересней
себя я проявлял.
И вот уже не раз
обычай свой нарушил -
«Прекрасных наших дам»
до дому провожал.

Такое позволял
опять же нестандартно -
В натуре нагелизм
настороже всегда, -
И он меня подвел
в канун Восьмое марта,
Когда, как говорится,
сгорел я от стыда.

Представьте-ка, в разгар
казенной вечеринки,
Где пиво, и вино,
и ароматный чай, -
Мне девушки: «Мишель,
веселые поминки
Не по душе. Сбежим,
втихую. Выручай!»

Представьте-ка, бежим,
а я в большой тревоге:
Полдюжины стаканов
чая отхлебал
И дам не попросил
подождать немного,
Прежде чем покинуть
надоевший бал.

Представьте-ка терзанья
при хорошей mine,
В шутовой болтовне
с улыбкой на лице...
По брюкам тенью вниз -
сеть текущих линий,
Следы росы горячей
на земной пылице.

Продлилась до конца
разыгранная пытка,
Из нашей кавалькады
никто не подал вид,
Что сделалось со мной
от чайного избытка,
И не было насмешек,
и не было обид.

Но в этом чудедействе
рыцарство и скромность,
И нагелизм - сплелись
по-своему во мне;
Свиданий не искал я
в закутках укромных,
При встрече незначай -
мурашки по спине.

Затаялась игра
сентиментальных радуг:
Спокойно-равнодушным
корчу я себя,
А Софа вперекор -
страдающей беднягой
Поет-скулит и жжется
«парой голубят».

Такого цвета глаз
вокруг не сразу сыщешь,
А в низком тембре голоса -
тревога позывных,
Как будто поет девушка
на свежем пепелище,
Где в пламени крутом
погиб ее жених.

На следующий день
меняется картина:
Без грез и без тревоги -
спокойная она,
Мурлычет мне: «О чем
задумался, детина?..»
А я и сам не свой -
душа любви полна.

Признаться откровенно -
не было потребности
В объятьях, поцелуях,
в том, что кличут «секс».
Ведь Софа для меня
как Солнце в ясном небе
Или его лучи
на утренней росе.

Их не прижмешь к груди
и не поцелуешь,
Но в благодати их
блаженствует душа!
И хочется всю жизнь,
как тройку удающую,
Развихрить, все преграды
на прорыв круша.

12

Прошел учебный год.
Мы бродим тихо, мирно,
В колечко пальцы рук
взаимностью сомкнув;
Тоска змеей ползет -
навязчиво, настырно:
Последние деньки
в прощальную весну.

Прощание всегда
переживаю остро -
Разгром фашизма снял
эвакуаций срок:
В Москву стремится Софа,
как чеховские сестры, -
Уехали родители,
теперь ее звонок.

Прощальный разговор:
«Мишель, ты самый близкий;
Прошу тебя - вот с ней
 вступи в фиктивный брак;
Поскольку Тухачевская,
ей не дают прописки
И выдворят - спешу,
пока не свистнул рак».

А «золушка» мне руку
протянула скромно,
Все будто по пословице -
озвучу наугад:
«У деток на зубах
лютая оскомина,
Отцы которых ели
кислый виноград».

Не смог, как ни спешил,
исполнить просьбу Софы,
Сквозь землю провалилась
«золушка» в ту ночь;
Наверно, «фараоны»
сослали на Голгофу,
И вряд ли мне по силам
чем-то ей помочь.

Попытки отыскать
остались безуспешны;
Казенные улыбки
дежурным словом «нет»
Мне дали знать - не суйся,
отпрыски всех «грешных»
Повсюду под контролем...
Достаточный ответ!

Отчет мой перед Софой -
годиком позднее,
Когда увлек меня
мой друг под Сталинград,
Где вырос он у Волги -
нет мест ему роднее,
А мне - печальнее:
погиб здесь мамин брат.

Проведали родных
и город повидали -
Тогда, в сорок шестом,
трагический пейзаж!
Назад - через Москву.
На Киевском вокзале
Продлили остановку
на сутки - моя блажь.

Я должен был увидеть
непрененно Софу -
Монашьей шевелюрой
верность подтвердить:
Дал клятвенный обет
не быть чертополохом,
Пока не повидаю, -
не стричься, не курить.

Монашья шевелюра
хохму породила -
Еще в селе, у Волги,
просились на ночлег,
Хозяюшка радушно
койку предложила:
«В обнимку муж с женой
умнутя без помех».

Мы долго хохотали
в сумраке закатном,
Хозяюшка в пузырь: «Не гоже - не проси!»
При лампе и сама -
в хохоте пикантном,
Узрев лицо юнца,
проросшие усы...

Смушала шевелюра в Москве,
как и на Волге;
В квартале дипломатов
все окна нараспах,
Посольские чины,
как сговорились, долго
Указывали пальцами -
иль баба, иль монах.

Мы ехали и шли
на Воробьевы горы;
Влекли архитектурные
каскады МГУ.
В сторонке общежитие
за низеньким забором,
Там Софа, не во сне -
реально, наяву.

Субботный день к концу.
Плафоны в коридорах
И вдоль и поперек
ведут на этажи,
И комнатушки в ряд,
как стрижевые норы
По берегам реки.
А где же, где стрижи?

Под ручку парочки
шумливо нам навстречу,
Одеты празднично.
Неужто все на бал?
Слышны напевы, смех,
подсолненные речи -
Идут юнцы и девы
в танцевальный зал.

Мы вслед, а музыка -
в разлив под сводом зала,
И в нем, кружа, купается
изящно молодежь.
Мой взор, душа моя
там Софу отыскала
С высоким парнем в танце -
на первый взгляд хорош.

Мой взор, моя душа -
тревожно, устремленно
Лучистой энергией
хлестали прями в цель,
И цепи рук его
слабели утомленно,
И в повороте возглас -
ее ко мне: «Мишель!»

Мгновенно все исчезло -
в мире только двое,
Порывом через зал -
я к ней, она ко мне...
Но чувствовал ее
замужнею вдовою,
Но чувствовал себя
погибшем на войне.

Бродили по Москве,
связав зарю с зарею,
Прощальные -
вечерняя и утренней поры;
И слезы покаянные
там не были игрою,
И в поздравлениях
там не было игры.

В бессонной памяти
 мелодия ютилась,
Тревожно было сердцу,
 ныла голова;
И на рассвете солнце
 будто закатилось,
И слышались душой
 печальные слова:

«Я здесь молюсь,
 колен не преклоняя,
Весь мир -
 в одной тебе любя;
За все страдания
 благословляю:
Все понял - все!
 И не зову тебя».

Перронный разговор
 мне помнится туманно:
«Прости, Мишель, былого
 не вернуть теперь...»
И чудится мне Софа
 Лариной Татьяной,
Но не Онегин я,
 как ни верти, ни мерь!

13

Зачем нам проводить
 сравненья, параллели?
Помещик с люмненом
 не могут рядом стать:
Забота у него -
 лишь с милой быть в постели,
Мне, кроме этого, -
 насущенный хлеб достать.

Прощай, любовь, Москва!
 Домой везет нас поезд.
На двое суток булка -
 весь пищевой запас.
Банкрогы налегке -
 затянем туже пояс
И сном украсим стол -
 сойдет, не первый раз.

Европа позади.
 Урал встречает хмуро.
Свердловск в потоке слез -
 окутали дожди.
И нищ, и одинок
 в объятиях Амура:
Плохое было, есть -
 хорошего не жди.

Мой первый шаг - долой
 монашью шевелюру;
С ней будто я изгой -
 смеются пацаны
И дали прозвище -
 «подруженька Амура»:
Был не в чести такой
 фасон после войны.

Чтоб вырваться из лап
 тоской больного плена,
Затеял «Накось-выкусь!» -
 хохмачный журнал:
На обложке кукиш,
 вечный и нетленный,
А под ним -
 сатиры боевой запал.

Конечно, мой журнал
стал моментально нашим:
Поэты, публицисты
собрались вокруг -
Рутминский и Абызов,
Вольфсоны - Боря, Саша;
Особо Худяков и Вяткин -
новый друг.

События в стране
и в университете -
Всерьез и актуально
обыгрывались враз;
Ценилась образность,
чего не жди в газете,
И смелость гражданина,
и честь не на показ.

У каждого девиз
над койкою, в простенок,
Как на щите у рыцаря,
рвущегося в бой;
Он в качестве эпитафии -
фамилии замена:
Немного засекречен,
но знаем - автор свой.

Латинской поговоркой
девиз - «Моменто мори!»
И «Амикус когносцитор
аморе, море...ре» -
У наших комнат крупным
шрифтом в коридоре
Тревожно возвещал -
весна в календаре!

Весна зимою лютой -
против диктатуры,
В сюжетах отрешенных
жизненный накал:
Смешливые детали
в рамках «шуры-муры»,
Которыми грешит
олимпийский кагал.

А в нашей «альма-матер»
иные «шуры-муры» -
Рутминский и Абызов
открыли «иринизм»;
Замечены причуды
той номенклатуры,
Что тихо предпочла
распутству онанизм.

Здесь речь об эпатажной,
но невинной теме,
Попали в эпицентр
декан и его дочь -
Он только потому,
что правит, как в гареме,
Она лишь потому,
что силилась помочь.

Не нравы осуждались -
в этом они чисты, -
Набором феминистским
факультет смущал:
Как будто не нужны
мужчины-журналисты,
Как будто бог лесбийский
это завещал.

Ирину нарекли
«земной богиней гнева»,
Ее отца - Давидом,
не знаю почему.
Раскол произошел
на правых и на левых
Среди поэтов наших.
Мне примкнуть к кому?

С уклоном явно правым -
группа иринидов,
У антииринидов -
левый, свои резон;
Поток акростихов,
любых и форм и видов,
Обрушился на Иру
сразу с двух сторон.

Читая сверху вниз
буквы прописные,
Упьешься лаской слов,
признанием в любви,
При чтении снизу вверх -
признания иные:
Порой и в краску вгонят,
хохмой удивив.

Обдумав, взвесив все,
я выбрал середину -
Меж правыми и левыми
стеной противостоял:
По-своему сатирой
защитил Ирину,
По-свойски антиподной
сатирой отхлестал.

14

Журнальчик наш окреп
и получил огласку,
Особенно когда
политику задел -
Означил связь с народом
номенклатуры - сказкой:
Она верхом на нем,
а он в ее узде.

Партком и ректорат
«посла» от комсомола
Направили унять
неугомонным бум;
Затеял дипломат
разговор веселый,
Но на журнал, как петлю,
наложил табу.

Явился он с приветом,
откланялся с угрозой:
«Враждебной пропагандой
болен ваш журнал -
Под видом хохм и шуток
вносите занозы
В мозги коллег своих...
Учтите, что сказал».

Запреты тормозят
и тут же окрыляют,
Когда для них опоры
нет в душе, в мозгу;
При этом, будто плеть,
бодрит угроза злая
Напор сопротивления
возникшему врагу.

Журнал, как говорится,
погружен в подполье,
Романтикой украшен,
жертвенным венцом,
Стало меньше меда,
стало больше соли
В поэзах остряков;
подурнел лицом:

Обложка побледнее,
а кукиш посолидней,
Компактнее формат
и вдоль и поперек,
И титульный девиз:
«Берегитесь, злыдни!» -
Редакция в штыки
приняла урок.

Решила, что журнал -
не внутреннее дело,
Пора, хотя бы в городе,
его распространить;
Ну, а потом успешно
выйти за пределы...
Куда, к чему стремилась
Ариадны нить?

Беспечная мечта,
слепое настроенье:
В издании рукописном
беспомощен тираж...
И вот на вечеринках
художественным чтением
И под гитару пеньем
воскрес журнальчик наш!

Успех перешагнул
знакомые пороги,
В другие вузы вторгся,
как лихой нахал.
И общегородской
союз возник в итоге
Любителей и хохмы,
и песни, и стиха.

15

Никто не оформлял,
ко всем чертям и взносы!
Привлек лишь интересом
милый наш союз -
Свободно балагурили,
курили папиросы,
Пока к нам не примкнул
и музыкальный вуз.

Тогда монополистская
компания мужская
В восторге хором охнула,
нежданно увидав
У нас Людмилу Лядову...
Красавица какая!
И Нину Пантелееву...
Прелестна, господи!

Уместна имитация -
читатель понимает;
Под стать и говор тут
старинных повестей,
Когда, как в «Ревизоре»,
сценочка немая
Остолбенила нас
присутствием гостей.

Моментом превратились
парни в кавалеров,
И вышибло весь мусор
из речи и гримас;
Вальяжней стали позы,
вежливей манеры -
Таланты и достоинства
стремили напоказ.

Не брали мы в расчет
прямой политоттенок -
В художественный мир
был каждый устремлен;
Однако обойти
запретов строгих стену
Без риска и удачно
мог лишь хамелеон.

Покончив с иринизмом,
взялись за сквернословов,
Потом за ложь в быту,
за зной очередей;
За дружбу и любовь
не в стиле Казановы,
За глупый фанатизм
обманутых людей.

Чем больше голосов,
тем явно интересней;
Из круга своего
«в народ» идти пора -
С художественным словом,
под гитару с песней,
Но этот акт гражданский
не сулил добра.

Наш взбалмошный концерт
звучал неосторожно
В фойе кинотеатров,
в парке городском
Без спроса у властей -
можно иль не можно,
И вот нас пригласили
в Кировский райком.

Сперва увещевали,
затем и - ультиматум:
«Полублатную лавочку
немедленно прикрыть!»;
Сам Первый в раздраженьи
чертыхнулся матом,
И кулаком об стол -
«Чтоб больше не дурить!».

А с нашей стороны
реакция все та же -
Оставили райком,
в сад Вайнера бегом:
В концертном зале выставка
картин из Эрмитажа
И там картина -
Грозный сына ботагом...

О ней дискуссия была:
«Зачем художник Репин
Царя-убийцу показал
в сочувственных тонах?»
Совпали даты по годам
двух убийств нелепых -
«Освободителя» и «сына»...
Параллель видна!

Художник, очевидно,
перекинул мостик:
Деянье деспотов -
деянье против них;
Но смешивать не надо
деяние от злости
С деяньем для защиты
вечных прав своих.

Спеша, бежали зря -
нам вскоре подсказали:
«Не сад, а улица
вам Вайнера нужна»,
Картины Эрмитажа -
в выставочном зале,
Для них особая
охрана быть должна.

Картина нас влекла
не только содержанием,
Хотелось реставрацию
увидеть, оценить,
Понять шальной настрой,
преступное желанье
Ножом царя-убийцу
беспамятно пронзить.

Подробности прошу
как есть принять спокойно:
Вновь Грозный атакован,
когда вошли мы в зал -
Бабенка под хмельком
вскричала непристойно
И «Ироду-царю»
вдруг харкнула в глаза.

16

В подробностях прошу
тенденцию усвоить -
Изюминку тех дней
в деталях уловить:
Увидеть, оценить,
воздействовать порою
На вывихи в быту
и выше, может быть.

Для этого привлечь
эпох сопоставленье -
На опыте других
свой опыт шлифовать,
Хоть будто бы всегда
враждуют поколенья,
Но общая у них
есть Родина как мать.

Не рассуждали мы
так строго философски,
Нам руководством был
сподручнее порыв,
И гневный и веселый,
в городе Свердловске,
Да, видно, задевал
всей Родины нарыв.

Предупреждали нас
все строже и все чаще,
Велели «куковать
скромней, в своих стенах»
Под местною опекой
власти предрежащей:
Парткома и комкома -
команда им дана.

Союз расфасовали
по узким коридорам,
Распяли на кресте
запретов - общий день
Межвузовских шальных
дискуссионных споров...
Короче - над союзом
роковая тень.

В минувшем сорок пятом
нависали тучи,
Когда Вертинского,
как еж, встречал Урал,
А мы наоборот -
своею песней «Лучик»
Восславили его:
«Вернулся сын, ура!»

Прохладен день осенний,
и сад как будто дремлет;
Звучит романс под листопад,
сквозь бурю пургу:
В степи Молдавской Агасфер
узрел родную землю
Своей России милой -
на дальнем берегу.

Романс печально повествует
о тоске сквозь слезы:
Народу поклонился бы
и обнял страну...
Из зала возглас, костылем
нацеленной угрозы:
- А где любовь твоя к стране
дремала всю войну?

Певец затих, и в зале тишь
тревожно гробовая...
Но эту паузу взорвал
вдруг голос паренька:
- Неправы мы, когда
бездумно забываем,
Что слово - дело, если
правда в нем крепка!

- Такую правду он вознес
пред милым ликом Родины,
Могучими словами
в душу мне вложил,
И с нею я уверенно
пройду, что вами пройдено,
Но жить теперь по-прежнему
не буду я во лжи!

Вдруг занавес упал,
и в зале свет погас,
И властвует опять
немая тишина...
Во тьме и тишине
все к выходу тотчас,
И будто на душе
у всех одна вина.

Спустя полгода, награжденный
новым славным орденом,
По радио артист
стихи в распев читал -
Звучал и стих Вертинского
как гимн, «Пред ликом Родины»
Услышал я и вспомнил
Вайнеровский зал;

Концерт Вертинского...
Вопрос.. И пауза немая,
Взволнованно звенящий
голос паренька: -
- Неправы мы, когда
бездумно забываем,
Что слово - дело, если
правда в нем крепка!

- Такую правду он вознес
пред милым ликом Родины,
Могучими словами
в душу мне вложил,
И с нею я уверенно
пройду, что вами пройдено,
Но жить теперь по-прежнему
не буду я во лжи!

17

Другое время, словно
в пушкинскую пору,
Когда творил свой путь
веселый лицеист.
Победное стремленье -
к солнышку и в гору!
И каждый по душе,
как Овод, Монтекрист...

Могуч энтузиазм,
но в разуме затменье:
Куда и как идти -
вот коренной вопрос.
Бесплодны и смешны
шабашные мгновенья,
Когда по швам и руки
и по ветру нос.

Нас очень будоражило,
веру подрывало -
К вождям почтенье рабье,
будто каждый бог,
Но только нам ирония
часто заменяла
Анализ беспристрастный
и его итог.

С улыбкой и насмешкою
рапорты в газетах
Наук всех «корифею»
просматривали мы,
И словно напоказ,
с их текстом шли в клозеты,
Бравадой плюнув в страх
ареста и тюрьмы.

Борис Вольфсон в таких
проказах отличался,
Быть может, потому
досрочно взят на фронт;
В последний день войны
навек там остался,
И будто для того
истрачен наш патрон.

Придумал наш Борис
игру аудиенций:
К «Великому» ходил
втихую поболтать...
Великолепный бюст
с порывом всех потенциалов
Ждал в «красном уголке»,
как Крез или же Тать.

«Сегодня попросил я
у марксиста Креза
Десятку на коньяк, -
придя, шутил Борис.
- Он дулю показал,
а просьбу антitezой
Заменить велел:
сподручней, хоть и риск»

Посыл вождя восславил
шутовским манером,
Но Татем «рыцарь чести»
стать никак не мог.
...Ушел от нас Борис,
будучи примером
И в неприятье лжи,
и в поиске дорог.

Завет нам шутовской
в своих стихах оставил:
«На зеркало наплюй
и вытри рукавом:
Ясней увидишь мир,
и жадными устами
Под спину поцелуй
прощального его».

Загадочен здесь смысл
и как-то многозначен,
Эразма Роттердамского
проскальзывает стиль.
Ушел от нас Борис -
долг жизнью оплачен,
И вряд ли до и после
мог жизнь свою спасти.

18

Военная страда
всегда и повсеместно
Клокочет, как вулкан,
на фронте и в тылу.
Опасней - знаем где,
труднее - не известно...
Сочтемся как-нибудь,
отринув кабалу.

Поскольку не по мне
упряжка фронтовая -
Бракован подчистую,
ногами инвалид, -
Уборочной страды
повинность отбываю,
Так комсомол, и долг,
и совесть мне велит.

Учебный год уборочной
встречали мы в колхозах.
Студенты и студенточки,
одевшись в барахло,
Во всю, как говорится,
«пахали» до морозов
Без смен и «выходных»,
как только рассвело.

Сроднились меж собой,
с сельчанами сближались,
Порою вечеринки
пытались учреждать;
Хохмили в перерыв,
от анекдотов ржали;
Случались столкновенья,
бывала и вражда.

Не все держались в рамках
прописной морали,
Но целомудрию -
мы отдавали честь:
«При дамах» матюкаться
себе не позволяли,
Тем более хамить
и «в бутылку лезть».

С начальством на местах
бывали неувязки -
То с жадным предколхоза,
то с завом на току,
Когда нам приходилось
предавать огласке
Скаредные придирки
всерьез по пустяку.

Субботним вечером
мы сабантуй затеем,
А местный «голова»
настроен на разгон:
«Сейчас несвоевременна
подобная идея -
Сперва танцуйки, песенки,
а там - и самогон».

Соображаем кашу
на току к обеду -
Подбросили в котел
пшенички полведра;
Зав. током пробурчал:
«Учтите, дармоеды, -
Хищение совершили
колхозного добра».

Неласковый намек
угрозою прозрачен:
За горстку колосков
десяток лет дают!
При жадном председателе
как же быть иначе?
Он впроголодь нас держит,
а нелегко труд!

Ходатая послали
в нашу «альма матер»,
Но исповедь его
в штыки принял партком:
«Не ты ли мутишь воду?
Не ты ли провокатор?
Мурыжишь недовольство
каким-то пустяком».

Вернулся наш посол,
не солоно хлебавши;
Похлопав по плечу,
сочувственно бубним:
«Возрадуйся, дружок,
ты здесь - не у параша...
Придется кантоваться
в уборочные дни».

Но мы не кантовались -
выкладывались честно,
Один перед другим
все силы набекрень,
Желая похвалу
поймать в улыбках лестных
Девчонок-щебетуний,
которым петть не лень.

Бывало посерьезней,
случалось на пределе
Силенок и смекалок
неопытных малыцов.
Жизнь проверяет всех
в крутом, серьезном деле
И делит на героев,
чернь и подлецов.

Без ласки солнышко
октябрьским «бабьим летом»,
Нет зелени, цветов -
сплошная сушь везде.
И в это время выпивохи
закурили где-то
И, бросивши окурки,
уснули в борозде.

Петух лилово-красный
вмиг закукарекал,
Пылающим потоком
хлынул на хлеба.
И если бы не тот,
что шел в партком, как в Мекку,
Пожар бы захлестнул;
да, видно, не судьба.

Ходатай был вблизи,
в очередной прогулке,
Наедине с природой,
с синевой небес.
Он чутко уловил
воздух, теплый, гулкий,
И ринулся тушить
без мысли о себе.

Вскочил на деревцо,
кудрявую березку,
С еще не до конца
утраченной листвой,
Безжалостно сломал
и ринул, как повозку,
По огненному фронту,
в азарте сам не свой.

Он кашлял, задыхаясь,
в дыму без передыху,
Не чуя, как рубаха
занялась свечой;
Носился взад-вперед,
беспамятно и лихо,
Пока не подоспели
пареньки еще.

Измученного вдрызг
отправили в больницу;
Сам хмурый председатель
свою машину дал.
Районная газета
отвела страницу
Рассказу, как студент
колхозный хлеб спасал.

19

Нетрудно догадаться,
какое отношенье
Ко мне имеет он,
прославленный герой:
То божья кара мне
за «многи прегрешенья»,
Чтоб в покаянии
стал мученик святой.

Нигде и никогда
не каялся - не каюсь:
Что сделал, то прошло -
былого не вернуть.
А вот урок извлечь -
старался и стараюсь,
Чтоб правильной торить
по жизни честный путь.

В больничке провалялся
около недели -
И чутки и внимательны
районные врачи.
Но, чудо! -предколхоза
у моей постели
Под вечер ежедневно, -
как сурок, торчит.

Порою привозил он
целую вагагу
Подружек и друзей
из нашинской братвы,
Больничке под конец -
сливочек полфляги;
И очень кстати: скудно
здесь насчет жратвы.

То будто разрушитель,
то кажется ваятель -
При взгляде по касательной
не сразу разберешь.
Вот тот же нелюдимый,
жадный председатель,
По отзывам ребят,
и чуток и хорош.

Он вскоре оценил
рачительное рвенье
«Приезжих студентов»
все делать как «должно».
И прямо, как отец,
в субботу, воскресенье
Под вечер приглашал
на чай, затем в кино.

За чаем балагурил,
угощал вареньем,
Рассказывал, как сын
на фронте охромел...
«Пожарный подвиг» наш
поправил отношенья -
Всегда бывает так
в упряжке общих дел.

В своей машине Сам
меня подкинул в город
(По вызову спешил
в сельхозотдел сюда),
И снова я предстал
в парткоме для разбора,
Но вышел победителем,
как пушкинский Балда.

С учетом моих травм
доверили быть стражем
В картофельных участках,
не известно чьих,
За двадцать километров
у села Овражек -
Попробуй доберись
на своих двоих.

Со сменщиком ходили
дважды на неделе -
С ковригою туда,
с картошечкой назад.
Мои больные ноги
тащились еле-еле,
А по ночам в глуши -
«нахлебников» гроза.

Запомнился один
невероятный случай:
Под утро в балаган
ввалились два хлюста,
Связали руки, ноги,
в рот - кляп моей онучей,
И ну - картошку рыть...
Дурная простота!

Что делать и как быть?
Спокойненько валяться?
Нет, это не по мне...
Такому не бывать!
Порыв души и сердца -
только не сдаваться!
Но выход хладнокровно
ищет голова.

Расчет простой:
в кармане где-то зажигалка -
Огонек бы высечь,
балаган поджечь;
У сторожа-соседа
сработает смекалка
И помощь непременно
сможет мне привлечь.

Прием из рядовой
утренней зарядки -
Свечою ноги вверх,
и зажигалка - бац!
Безрукий и безногий
выползал украдкой
И чиркал зажигалкой
травяной матрац.

В сторонку катышом
катился я, как клоун;
Огонь уж балаганью
«шубу» охватил...
Хлюсты, как говорится,
поняли с полслова
И бросились бежать,
не жалея сил.

Сосед мой подоспел
и очень даже кстати,
Освободил меня
от кляпа и от пут.
Я долго хохотал
под возгласы проклятий,
Как оперный герой -
Риголетто -шут.

20

Прошло и «бабье лето».
Природа побледнела,
И Солнце в облаках
затеяло блудить.
Уборочный аврал
отладил свое дело,
Студентам к своему
пора уж приступить.

Команда отдана -
вернуться всем причастным
К уборке урожая
в университет.
Мой пост сторожевой,
картофельный участок,
И вырыт и закрыт:
в нём надобности нет.

Но только я успел
почиститься, помыться,
Посыльный из парткома
весточку принес:
Одеться поважней,
немедленно явиться -
«Машина ждет героя
в сталинский колхоз».

Стилиста оскорбит
фиксированный казус,
Но явная ирония
в кавычки мной взята,
Чтоб явно иронично
выглядела фраза
Парткомовских мужей -
дурная простота.

Злорадствую? Быть может.
Факты раздражали:
Под маркой «фронтовик»
примазались скоты,
Что без году неделю
где-то воевали,
Пристроились теперь
на важные посты.

Студенческого ранга -
босы в комсомоле,
А рангом помощнее -
в деканат, партком.
Им впору бы корпеть
в вечерней средней школе,
Но прут на конъюнктуре
сразу в вуз верхом.

Потом, задравши нос,
являют тяготенью
Пробиться в кучера
и в руки вожжи взять.
В закрытых кабинетах
торчат холодной тенью,
Но видят, слышат, знают -
все, как свои пять.

Они не безобидны.
Мне помнится - случались
И драмы и трагедии
от этих знатоков.
Давно ли пареньки
с тюрьмою повенчались
От исповеди им
и от их звонков?

В пельменной собрались
веселые ребята,
Затем, разгорячась,
затеяли пикник:
Невинная игра,
хотя в вине зачата, -
Так орден Бахуса
в содружестве возник.

Жрецом верховным избран
Боренька Миткевич,
Шляхетский дворянин
и вечный наш студент.
Он ритуально клялся
Снежной королеве -
И Бахусу и Ей
служить в любой момент.

Сказать без выкрутас -
до чертиков не лопать,
Не пить до помраченья
ни водку, ни вино,
Чтоб болью головной
об стол, об пол не хлопать,
В свинью не превращаться,
в тюфяк или в бревно.

Продуманно ввели
режим и ритуалы:
Застольный ресторан
всегда очередной,
Достойных только три,
а в них по кардиналу,
Чтоб слаженно вели
запой-неперепой.

Торжественны и чудны
приемы новых членов:
Испытанный зельем,
«прозрачный» кандидат
Становится пред всеми
на одно колено,
Графинчик на макушке,
а на лбу звезда.

И шлангик из графинчика
кандидату в зубы;
Он клятву произносит -
что слово, то глоток,
И чтоб одновременно
«аминь» сказали губы,
Графинчик опростался
и тихо встал «сынок».

Поднимется свечой,
графинчик не уронит -
Экзамен одолел,
становится «отцом»,
И рыцарем на часик
на почетном троне
Вальяжно водрузится
рядом со Жрецом.

Загадочно и мило,
но главное не в этом.
Принявши поздравленья,
«сынок», что стал «отцом»,
Обязан проявиться
недоженным поэтом,
Чтецом своих стихов
и хоть бы чуть - певцом.

Юнцы прямолинейны,
особенно под мухой:
Что в сердце, голове,
то в горле и в руке;
При трезвости не скажешь
для чужого слуха
Того, что под хмельком
для всех на языке.

Открыто на слуху
в застольях ресторанных,
Что скрытно подготовлено
заранее «сынком»,
В устах «отца» гремит
порой в сюжетах бранных
Про выкрутасы босов,
про местком, партком.

Нередко достается
«хозяевам» повыше:
Иронией секут
номенклатурный стиль
В партийных этажах
и под кремлевской крышей
С припевом хорovým
«О, господи, - прости!»

Однажды орден Бахуса
на исповедь призвали -
Парткомовская рать,
райкомовский Перун;
Вопросы перекрестные,
как плети, бичевали
«На первый взгляд невинную,
но злостную игру».

Такая аттестация
добра нам не сулила -
Приструнили «отцов»,
Жреца и их «сынков».
И именно она
с тюрьмою породнила,
Спустя всего полгода,
веселых пареньков.

Верховный Жрец Миткевич
отделался испугом:
С пристрастьем на допрос
таскали много раз.
Но в «органах» столкнулся
с закадычным другом,
Который удивленно
воскликнул: «Вас ист дас?»

Потом и пошептался
с коллегами в отделе,
Им Бореньку представил -
кутила и шутник.
Так орденский глава
уже через неделю
Свободен и с улыбочкой
является как штык.

Меня коснулась после
эта эпопея,
Поскольку из «сынка»
в «отца» не перерос.
И вдруг мне приглашенье -
а не та ль затея? -
«Машина ждет героя
в Сталинский колхоз».

21

Знакомые поля,
знакомая деревня.
Но в праздничном наряде
улицы, дворы;
И даже на исходе
осени деревья
Влекутся к Солнцу, в небо -
явственен порыв.

Машина подкатила
к загородке клуба,
Ребята и девчата
встретили гурьбой;
А за дверьми горланят
духовые трубы
Припевом мощный тушь -
оратору отбой.

Вошли кошачьим шагом,
расселись в клубном зале;
Лобастый председатель
награды раздает.
По списку награжденных
вдруг меня назвали,
И будто по команде,
публика встает.

«Приветствуем героя» -
воскликнул председатель,
Под гром аплодисментов
вручая мне пальто;
В растерянности я,
как будто бы некстати
Явился, совершил
или сказал не то.

Впервые я попал
на праздник урожая,
Впервые получил
подарок от трудяг,
Впервые в круг гостей
почетных приглашают,
Впервые среди них
я свой, а не варяг.

И речи отзвучали,
и тосты отзвенели...
На славу урожай!
А в нем и наша прыть.
В вагоне электрички
шутили мы и пели,
В пути домой, как говорится,
радости не скрыть.

А вот и наш Свердловск.
Все заторопились,
Котомки, рюкзаки -
за спину, на плечо;
В перронной суете
до завтра распростились,
С оглядкой рукой -
«Пока!» - еще, еще...

Людской поток из всех
вагонов электрички
В воротах забурился -
на площадь, на простор.
Я, выйдя из вагона,
по своей привычке
Не ринулся в толпу -
пусть смоемся затор.

Стоял и ждал. В душе -
туман шальных предчувствий
Каких-то роковых
и светлых «визави»,
И мысли про любовь,
что не живет без грусти,
Однако это лучше,
чем грустно без любви.

И тут произошло,
что восхищеньем тронет
Мне душеньку навек,
о чем в начале речь:
«Мы встретились в толпе
на солнечном перроне
В транзитной суете
с котомками у плеч».

От милых восхищений
к событиям жизни строгой,
Что памятью прошел,
печален и счастлив;
Пора вперед идти,
навязанной дорогой, -
С ответом на вопрос:
«Возможен ли разлив?»

Часть третья

ЛАГЕРНАЯ КУТЕРЬМА

1

Ответы жизнь дает
всегда, на все вопросы,
В содружестве сводя
реальность и мечту.
Но угадать нельзя -
какие перекосы
Низвергнут в ад, а то
поднимут в высоту.

Нельзя предусмотреть
своей судьбы зигзаги,
С законами Вселенной
не вяжутся они,
Кто б ни был в мире ты -
ничтожнейший бродяга
Или среди известных
прославленным сродни.

Тут равенство для всех -
будто перед богом.
И всё ж в земной юдоли
страждет каждый сам:
Бредет или стремительно
летит своей дорогой
Талантливо свершая
земные чудеса.

Моя стезя меж них -
и тот порой и этот:
То скромн, то рвану,
как лошадь без узды;
У сверстников-юнцов
слыл безобидным шкетом,
А ныне - поводырь
и не боюсь беды.

Меня тот орден Бахуса
коснулся рикошетом.
А вот журналчик наш
силком повис на мне.
Не трогали весной,
не шельмовали летом,
Но за сентябрьский номер -
как Бруно на огне.

Иронией, сарказмом -
взбудоражил сразу,
Лишь вышел в альма-матер
номер за порог.
Партком, райком спешили
«задавить заразу»,
И в этом КГБ
им мастерски помог.

В то утро, что сердца
в едином ритме слило
Спасенных от угроз
колёс товарняка,
К ответу повлекла
с таинственной силой
«За ушко да на солнышко»
могучая рука.

По строгим кабинетам
полмесяца таскали,
Выискивали связь
с врагами за «бугром»
Их пыл я охладил,
воскликнувши: «Сам Сталин
Спас жизнь мою, а вы
меня влечёте в гроб!»

Опешили на миг.
В тиши переглянулись
И вышли, погасив
в глаза мне бьющий свет.
За дверью нараспах
дежурный в карауле
С улыбкой подморгнул,
как будто слал привет.

Прошло минуты две -
конвой отвёл в «палату»,
В ней койка, стул и стол -
больничный антураж.
Исследует меня здесь
служба Гиппократы -
Иль правду я сказал,
или шальную блажь?

Психологи трудились
не на шутку рьяно -
Вопросы в перекрест,
вопросы в параллель...
К полудню я обмяк
и, словно полупьяный,
Всё мямлю: «Сталин спас...», -
и падаю в постель.

2

Второго октября
лучами сквозь решетку
Лежащему на койке
солнце бьёт в глаза.
Проснулся, цап рукой -
щека жестка, как щётка;
Полмесяца не брит -
полмесяца гроза.

Но, кажется, дурное
 пронеслось ненастье;
Корректно приглашен
 в знакомый кабинет:
Сам дюжий генерал,
 адепт могучей власти,
Пришел поговорить
 со мною тет-а-тет.

«Садись, студент...
 А ты, я вижу, молодчага:
Метнул письмо Вождю.
 Что ж, это не беда.
Но вот журналчик ваш
 потянет до Гулага;
У нас оброс щетиною,
 там будет борода».

Вот так сперва пугнул,
 потом с улыбкой льстиво:
«Ей-богу, остроумно...
 Читал и хохотал...
И ловко затушеваны
 опасные мотивы...
И будто для забав -
 студенческий журнал».

«Не кстати нам задор
 фонвизинского века,
Радищевы теперь
 негожи для страны.
Иди-ка лучше к нам -
 под мою опеку,
Карьеру гарантирую:
 нам умные нужны».

«С ответом не спеши -
 хорошо подумай;
Но это предложенье
 с другими не мусоль!»
Похлопал по плечу,
 бросил взгляд угрюмый
Удавкою на шею,
 как ковбой - лассо.

День солнечный милел,
 лучи в лицо хлестали,
Навстречу им бегу
 зайчишкой из силка.
«Неужто снова спас
 меня Иосиф Сталин?» -
Мыслишки шевелились
 пульсацией виска.

И будто позабыл
 о «лестном» предложеньи,
Но где-то в подсознаныи
 чудилась беда:
Я чувствовал себя
 попавшим в окруженье -
Беспомощным телком
 на скользкой кромке льда.

3

Однако общий ритм -
 студенческие будни,
Заботы и забавы -
 тревогу утрясли.
И всё-таки вопрос -
 один из самых трудных:
С журналчиком как быть?
 Для нас он соль Земли!

«В открытую» закрыт,
попробуем «втихую».
Прилежней заработала
дружная братва.
Порой душа в тревоге,
порой душа ликует:
У нашего журнальчика
тугая тетива!

В намеченные цели
лихо мечет стрелы,
Но только уяснив
проверенную суть.
Задача - вскрыть нарывы
подленького дела,
Выносит приговор
общественности суд.

Вот дельце, например,
в памфлете "Деканада":
Филфака командор,
маститый Ловелас, -
За ласки щебетуний
стипешкою награда,
И всё наоборот -
за прыть и за отказ.

А вот сюжет на смётку -
«Угадай-попробуй»:
Элитная квартира
в укромном уголке,
Роскошный лимузин,
охрана «смотрит в оба»,
Зарплата до небес,
а сверх ещё пакет»...?

Всё так - игрою слов,
метафорой, загадкой
Развязывали хитро
сплетённые узлы -
И в осень и зимой
с опаской и оглядкой,
Но будто лбами бились
в монолит скалы.

А веру не теряли -
знали из былого,
Что даже капля долбит
камень напролом.
Библейский афоризм:
«В начале было слово»
Уверенность вселял -
мы боремся со злом.

Январская страда -
экзамены, зачёты...
Журнальчик в стороне,
немного поостыл.
В каникулы зато
кипит над ним работа:
Мы лезем на рожон -
не прячемся в кусты.

Февраль - суровый месяц.
Таковым и снился:
Узорами на стёклах,
бураном за окном,
Я будто навсегда
с журнальчиком простился -
На южный полюс мчусь
каурым скакуном;

Верхом на мне, как сыч,
нахохленный мужчина
Напружил удила -
вот-вот в разрыв узда, -
Назойливо твердит:
«У нас оброс щетиной,
Там будет борода!
Там будет борода!..»

Проснулся. Пот прошиб.
Душа спустилась в пятки.
А сердце ходуном...
Неужто вещей сон?
Рождественский мороз,
рождественские святки
Минули без угроз -
спокойствию резон.

И жизнь пошла своей
наезженной дорогой...
Тревожит нищий быт,
забота о харчах.
Не впору нам просить:
«подайте ради бога»,
Авральные работы
искали по ночам.

Погрузкой и разгрузкой
нас радовал пакгауз,
Порой хлебозавод
и мясокомбинат.
Но там не обошлось
без мелких ссор и кляуз:
Шмонали в проходных,
и каждый виноват.

По правде говоря,
не по нутру такое.
Всё надо радикально
как-то изменить:
Приёмом волевым,
активностью лихою
С продуктами проблему
махом разрешить.

Идею подала
потрёпанная книжка -
О том, как в «город хлебный»
солнечный Ташкент
Вояж свой совершал
малец, Додонов Мишка,
Удачи-неудачи -
всё вынес шустрый шкет.

Поближе предпринять
такой вояж мы можем -
На поезде полсуток
в«хлебный» Кокчетав.
Прихватим «барахла»,
там сбудем подороже
И привезём харчей -
такова мечта.

Её осуществленье
мне легло на плечи.
С почтеньем провожали
под буранной мглой:
Поднимались тосты,
говорились речи,
У вагона - шапки
с головы долой.

4

Неведомы пути
любой нежданной встречи,
Когда сама судьба
диктует поворот -
Твой утренний расчёт
парализует вечер:
Там будто бы мудрец,
здесь будто идиот.

Поспешно не суди
на уровне протеста:
Всё может обернуться
странной стороной...
Тринадцатой вагон,
тринадцатое место,
И кто-то у окошка
застит свет спиной.

Снимаю с плеч рюкзак,
здоровуюсь привычно;
Увесисто звучит
ответ из-за плеча.
Я вздрогнул, вспоминая
этот голос зычный,
И строгий кабинет,
и острый взгляд сыча.

Неужто это он,
тот стройный и лощёный,
В допросной кутерьме
немой протоколист?
Он спрашивал порой
начальника смущённо:
«А это заносить -
в протокольный лист?»

Сидим лицом к лицу.
Молчанье перезрело.
С улыбкою он первый
руку подаёт:
«Куда ваш путь, зачем?
Какое гонит дело?»
На мой ответ заметил:
«Каждому - своё» .

А дальше, слово к слову,
скупое мне поведал,
Что отпуск получил
и мчится к «старикам»
Всё в тот же Кокчетав,
куда и я вот еду,
Доверчивый во всю,
встревоженный слегка.

В вагонной суете
неощутимо бродит
Тропинкой времени
задрёманная жизнь.
Февральский день устал,
на сон склонился вроде
И требует от нас:
пора и вам - ложись...

Про вечер говорится -
«Утро мудренее»,
Но верить не спеши,
хоть опыт вековой;
Как вспомню этот день -
от стыда краснею:
Тревогу усыпил
бездумной головой.

Под солнечный восход,
 замлев от кружки чая,
Что вежливый сосед
 услужливо принёс,
И думать позабыл:
 мой спутник неслучаен,
Как и рассчитанный
 любой его вопрос.

Раскрыл ему до дна
 и цель затеи нашей,
И способ обрести
 продуктов на весну.
Он мило пригласил
 «на постой к папаше»...
Как вспомню этот «ход»,
 так вспомню Сатану.

Мы в город назначенья
 прибыли под вечер,
Шагнули на перрон,
 а нас машина ждёт.
«Братишка подкатил
 нам с тобой навстречу, -
Мне спутник пояснил. -
 Ну-с, студент, вперёд!»

И будто приказал
 привычным тоном - «Надо!»
«Братишка» с моих плеч
 потянул рюкзак,
Меня чуть подтолкнул
 в машину с собой рядом,
А «спутник» сел за руль,
 взяв его в кулак.

Вот так - без суеты
 и бешеной погони
В милицию доставлен
 в городе чужом.
Как лошадь в хомуте,
 Хитро засупонен,
Не уползёшь ужом,
 не улетишь чижом.

5

Благие чудеса, хоть редко,
 но - бывают.
И мне их ниспослал
 в трудный час сам бог:
Как солнце из-за туч,
 с улыбкой, напевая,
Вдруг Лида - журналистка -
 пгичкой на порог.

- Мишель? Какой сюда
 занёс попутный ветер?
Я кратко описал
 свой неудачный «кросс»,
Догадкой поделился:
 «Буря на примете», -
И тот же задал ей
 поверочный вопрос.

- Отметиться пришла.
 Завтра уезжаю:
Закончилась в газете
 практика моя.
Но, видно, не судьба:
 тебе я не чужая,
В газету побегу -
 помогут нам друзья.

Нежданно и негаданно
шустрой прытью Лиды
Событья полыхнули
жарким огоньком:
Коллеги по перу,
по фронту - инвалиды,
Направились мельком
к Первому в обком.

Купаев, депутат
Верховного Совета,
Гонцов принял немедля,
важно побряхтел,
Куда-то позвонил,
сказал кому-то где-то
И буркнул: «Утряслось..
Идите, много дел».

Как Чацкий с корабля,
я же - из капкана
К редактору попал
на скромный мини-бал,
Да только не с руки
мне радоваться - рано:
Мильтоны уголовный
шили криминал.

Я помню - исподлобья
бросил взгляд суровый
Начальничек в погонах
с бронзовой звездой.
Он хрипло проронил:
«Ты вернешься снова -
Купаевский звонок
нам не век уздой».

А мини-бал гремел -
гостами, речами.
Виновница его
остротами цвела,
По зорьке - восвояси,
чуть рассвет отчалит;
Мне же под расписку -
воля-кабала.

Мороз. Луна плывёт
- куда-то в звёздный купол.
Идём в заезжий дом -
её и мой ночлег.
Словами делимся
и рук пожатьем скупю
Под музыку шагов,
что льёт скрипучий снег.

Могли ль предугадать -
навсегда прощались?
Её полёт на запад -
в университет,
Меня же на востоке
ждёт юдоль печали...
Судьбою решено -
встречи больше нет.

6

Под оклики проснулся.
День уже в разгаре.
У койки в милицейской
форме вестовой:
«Машина у крыльца,
за тобою, парень...»
Иду, но удивлен:
отсутствует конвой.

Столичный прокурор
приехал этой ночью
Чинить, как и положено,
очередной надзор
И сразу пожелал
«лицезреть воочью
Студента-протезе,
коль здесь он до сих пор»

Услужливый вопрос:
«С арестом, без ареста?»
Ответ по-старине:
«Извольте пригласить,
В беседе проясним
заслуженное место...
С Купаевым в конфликт
нам - боже упаси!»

Купаев этим днём
в столицу вызван срочно,
С почтеньем награждён,
но стал - пенсионер...
Неужто в руководстве
сделал «шаг порочный»?
Неужто не продумал
в чём-то «нужных мер»?

Со мною, как в кино, -
зигзаги «мыльных опер» -
Случайностей обвал
и не стыковок шквал:
То в небо вознесут,
то оборвутся стропы,
И в пропасть я лечу
и, кажется, пропал.

За сутки кувырком
всё перевернулось
Приездом и отъездом
важных двух персон:
В беседе прокурор
щерился акулой,
Купаев-протезёр -
«ветром унесен».

Глаза в глаза: вот я -
вот властью облечённый;
В защите и атаке -
беспомощный и туз.
Мне б трепетно молчать,
каяться с поклоном,
А я - трубою хвост,
как глупый карапуз.

Печален результат -
отправлен в каталажку
С «парашею» под нос,
в общение с жульём.
А пару дней спустя,
цуговой упряжкой
На суд меня ведёт
«человек с ружьём».

Зловещей тишиной
зал судебный встретил.
Пусто. Лишь конвойный
дремлет в стороне.
Готов перекреститься:
кажется мне третий
Кто-то здесь ютится,
сродный Сатане.

Под топот каблучков -
деревянный голос
Дурнушки секретарши:
«Встаньте, суд идёт!»
И вот сама Фемида
поступью тяжёлой
Шествует, а рядом...
Рядом - третий, Тот!

Столичный прокурор,
Грозный обвинитель, -
Налево от судьи
и щупает усы.
А где же адвокат,
защиты представитель?
Тут как-то вперекос
фемидины весы.

Решился сам себе
быть стойким адвокатом -
На уровне эмоций
возмущенья всплеск:
«Зачем, за что и в чём
я, будто, виноватый?
Кого я оскорбил?
Кому в карман залез?»

Столичный прокурор
степенно, беспристрастно:
«Вот если бы «залез»,
вот если б «оскорбил»...
Дела другие есть
и более опасны!
По совокупности -
наш строй тебе не мил».

Судье он передал
какие-то бумаги.
Та, бегло посмотрев,
испустила стон:
"Самоиздат вели?...
Ох, набрались отваги
Попрали и мораль,
презрели и Закон..."

Чего же ждать от этого
судебного процесса?
Заранее настрой,
оценка, приговор:
Сама Фемида стонет
под жестоким прессом -
Её взнуздal и погоняет
ухарь-прокурор.

7

При слове "ИТК"
мурашки шебуршатся
Чесоточной коростой
в затылке, на спине:
На восемь лет сюда,
а мне всего лишь двадцать!
Как жаль, что я не мог
погибнуть на войне.

Для фронта был негож,
попал калекой в лагерь.
А там «свой дом и корм»
оправдывай горбом.
Невмочь здоровяку,
тем более - бедняге
С увечными ногами,
хотя и с умным лбом.

Не чтут лобастых там:
не стелются травкою;
Как правило, у них
и острый язычок.
С таким оружием смельчак
и «в поле один воин»,
Когда трусливый жмётся,
гнётся, но молчок.

Не раз мне приходилось
цапаться в раздорах,
И логикой ума
угрозы устранять:
Крутой казённый мат,
щёлканье затвором,
Замах прикладом, окрики -
«Лежать!», «Сидеть!», «Стоять!»

Как ярый крепостник,
лагеря начальник
Галопом к нам на тройке
совершал наезд.
Для зеков этот час
был всегда печальным:
Стоят по струнке в ряд,
а он - глазами ест...

Выискивает «умных»
для дурной забавы -
Вдруг пальчиком поманит,
дунет, щёлкнет в лоб,
Налево повернет
повернет направо,
То сипло засмеется,
то бранится зло.

Ужасен миг: тот пальчик
мне кивнул позывом.
Я, как на взгляд удава,
мышкою плетусь.
И робостью, и гнева
благородным взрывом
Окутана душа,
а ум кричит: «Не трусь!»

Холопом замер на полшага
перед жутким боссом.
Глазами колет, взмах рукой
и в лоб клюёт щелчок.
Тут бес толкнул, и я -
в ответ щелчком по носу.
Все замерли и ждут -
Ох, будет горячо!

Но жуткий босс улыбочиво
рассыпался смешками;
Его живот солидный
скачет ходуном.
Ударил по плечу,
притопнул каблуками,
Достал бутылку в коляске
и угостил вином.

По ОБС, начальник -
«жмот и выпивоха»,
Поступками с Ноздревым
гоголевским схож:
«Потрафишь, - будешь жить
и в лагере неплохо,
Невзлюбит, - будешь вечно,
чем-то нехорош».

Буквально через день
 уважена отвага -
На общие работы
 в колонну не включён,
В контору отряжён
 к бухгалтерским бумагам,
И бесконвойный выход
 разрешён ещё.

В премудрости конторской
 профан я, недотёпа,
И опытный бухгалтер,
 мудрый старичок,
Шутливо называл
 «Ванькою» и «Стёпой»,
Всыпая в «козью ножку»
 крепкий табачок.

Сдружились, хоть во всём
 полная несхожесть:
Безусый паренёк -
 усатый старикан.
Меня он научил
 «балансик подытожить»,
Его я отучить
 хотел от табака.

Забавный диалог:
- Кашляешь, а куришь.
- Я рад бы не того,
 да не могу отстать.
- И я начну «того»,
 побуду в твоей шкуре.
- Рискуешь, мой дружок,
 захватит маята.

Махорочный табак
 курил около года;
Старик и я синхронно -
 «козью ножку» в рот
Под строгое пари -
 без всякого отвода
Привычку оборвать
 ровно через год.

8

Затея не сбылась:
 проштрафился с девчонкой,
Сестренкой капитана,
 что караул наш пас;
На тропке встретилась
 у его избёнки,
И я повел себя,
 как глупый Ловелас.

История проста,
 как сказка для ребёнка:
Задел я коромысло
 на её плечах,
Ведро - бабах! И наземь
 с головы гребёнка,
Я кинулся поднять
 и в лужу сам бабах!

Почиститься, помыться
 в избу пригласила.
Полураздетого меня
 застал там капитан.
И круто в нём разыграла
 дьявольская сила:
«А ну, пошёл, собака!» -
 вытащил наган.

Привёл меня на вахту
под дулом пистолета,
О «грешных» притязаниях
составлен строгий акт.
В шизо поволокли
меня полураздетым...
Из мухи да слона
состряпали вот так.

Там впроголодь в «мешке»,
каменном, холодном,
Я отбыл пятидневку.
и - «внутренний» этап
В бригаду штрафников
для расправы модной:
Жестокий бригадир
там правил, как сатрап.

Особо новичков
старался он «объездить»-
Глухая «дедовщина»
кактусом цвела:
Мытарства слабаков
в распроклятой бездне
Страданий, унижений -
дурная кабала.

Круги такого ада
прошёл наполовину;
Избавил от второй
рассказчика намёт -
Сперва стихом смягчил
бригадную скотину,
Потом новеллой, повестью
сделал поворот.

Из «гниды непутёвой»
превратился в «Мишу»,
Лежанку получил
в центре на ночлег,
Чтоб мои побайки
каждый лучше слышал
Как одну из скудных
лагерных утех.

С отбоя до полночи
плещутся рассказы -
Отъявленным услада,
сам я увлечён...
Но утром на подъём,
как штык, в шеренгу разом,
Засоня и лентяй
на порку обречён.

Поручена расправа
подручным бригадира:
Штаны долой до пят,
спина оголена,
Веревочная плетть
под свист и выкрик «Вира!»
И вдоль и поперёк
работает сполна.

Пришлось и мне побыть
в этой передраге:
Проспал и виноват,
наказан - не сердчай.
Неписанный канон,
привившийся в Гулаге,
Стал общим в лагерях:
нашкодил - отвечай.

Бригада штрафников
в загоне, как на фронте:
Наряды на прорыв
и в трудные места -
То камень добывать,
то гнуться на ремонте
Замшелых погребов,
то в поле маята.

В уборочной страде
с утра и до заката -
На поле рысаком
и с поля рысаком
Под верховым конвоем
с грозным автоматом;
Он шествует верхом,
ты шагаешь пешком.

Попробуй уклонись
из строя на полшага -
Команда под прицелом
грозно: «Стой! Ложись!»
Лохматый пёс прыжком -
обнюхает беднягу
И может укусить,
а ты не шевелись.

Штрафную одиссею
трёхмесячного срока
Седьмого ноября
прервал я невзначай:
На праздничном концерте
голосом пророка
В своих стихах восславил
дело Ильича.

Азартно, в исступленьи,
пел, играл на скрипке,
Горел душой - хрусталиком
на солнечном луче.
Замечен «комсоставом» -
вижу по улыбке,
Поздравил в перерыве
начальник КВЧ

И тут же приглашает
под свою опеку -
Культурным заводилой
быть среди своих,
Чтоб небо показать
нравственным калекам,
От стадных заварух
отвлечь, избавить их.

9

Вот клуб, в нём кабинет -
ключи в моём кармане:
По «табелю о рангах»
хозяйствую здесь я,
Чтоб раз в неделку фильм
светился на экране,
А в стенгазете на лентяев -
острая статья.

Порой - даёшь! - концерт,
порой - смешные сценки,
Порой тоскует хор
о дальней стороне...
Сотрудник КВЧ,
трудоу твоих оценки
У высшего начальства
занижены вдвойне.

Решили - совместишь
«своё» с уборкой в зоне:
С метлою до обеда,
после - клубный труд.
На должной высоте
не мог быть двухсторонним.
Не по душе плести
халтурную игру.

И всё ж из КВЧ
уйти мне не хотелось;
Искал, как параллели
лучше совместить,
Чтоб хлопоты срослись
и стали общим делом
В работе и культуре -
на одном пути.

Просился на работы
перелётной птицей
С бригадами в поля,
на базы, в МТМ:
Живая жизнь вольётся
целиком и в лицах
В сценические шаржи
злободневных тем.

Мне это удалось -
бесконвойный снова.
Но твердо установлен
трудоу режим:
«Полдня мозолить руки,
полдня мусолить слово»,
Отчёт в неделю раз -
конкретно доложи.

Зимою на полях
лишь снегозадержанье -
Бригада мужиков,
чьи сроки на нуле.
Настрой, как под хмельком,
от анекдотов ржанье,
Гогочет с ними вместе
конвоир в седле.

На базах по утрам
всем хором поголовья:
Коровы, овцы, свиньи -
приветствуют зарю,
Кормильцев-чабанов
с особою любовью,
Доярок и свинок
гулким «му» и «хрю».

Бригада МТМ -
важное сословье:
С металлом и огнём
знается на «ты» -
Машин и тракторов
ведает здоровьем;
И здесь не ко двору
вертлявые хлюсты.

Сотрудник КВЧ
по-разному прижился:
На названных объектах -
он залётный гость.
На базах и полях
быстро подружился,
А в МТМ вначале -
будто в горле кость.

На снегозадержаньи -
со щитами бился,
На базах корм бурёнкам,
овцам разносил.
Растерян в МТМ, -
словно, провинился:
Тут «не так поставил»,
там «недовинтил».

Промашки невтерпёж -
резко крыли матом.
Из «сальных» выражений
я состряпал стих
И как-то в перекур
спел лихим ребятам,
В тонах карикатуры
представляя их.

Смеялись от души,
добротой милели;
Рукопожатий шквал,
блеск довольных глаз.
И место мне нашли
в общем трудном деле -
Хранить инструментарий
и смазочный запас.

Ох, сложен распорядок:
чуть рассвет на базы,
С обеда на поля,
в МТМ к пяти;
В вечерние часы
из столовки сразу -
Я в клубной «самоделке»
вплоть до десяти.

10

А в ночь спешу мечтой
к былому причаститься,
Марии светлый образ -
наяву, во сне
И рядом непременно
друзей родные лица,
Как отблеск лучезарный
на ночной луне.

Ее и их писульки
поглощаю жадно -
Режимом усеченный
сладостный поток -
И много сам пишу,
с юмором, наглядно
Рисуя свою жизнь -
казённый хомуток.

Надолго запряжён
без радужных просветов.
Двадцатый век, в тебе
я первобытный раб!
И в собственной судьбе
потухшею кометой
Несусь-плетусь в откос
через сплошной ухаб.

Ни с кем плечо к плечу
в тяжёлые годыны.
А попросту сказать,
почти ни с кем всегда.
Ведь даже мать жила
в отдалении с сыном
В его сопливые
мальчишечьи года.

А те, кто иногда
друзьями назывались,
Валандались совместно
в деле и игре,
Как правило, молчком
куда-то исчезали,
Чуть порохом запахнет
на моём дворе.

И в искренней любви
такою же манерой:
Как будто на века
чарующая связь,
Но вдруг моя Джульетта
в повинной хабанере
Отставку мне даёт -
милей нашёлся князь.

Типичным и ярчайшим
этого примером -
С милейшей Софой нить
амурная моя:
Как вырвалась в Москву,
так с новым кавалером
И новая любовь,
и прочная семья.

Я с горечью в душе
рисую расставанье,
Повинный монолог
и блеск прощальных слез,
И хруст под резаком,
и шорох опаданья
Обрезанных моих
«самсоновых» волос.

С Марией не прощался
в кокчетавский выезд;
Думалось - вернусь,
встретимся на днях.
В той с поездом игре,
когда мы чуть живые
Скатились под откос,
считались как родня.

Теперь благая связь
на письменной основе.
Свою любовь держу
в узде настороже.
Зачем девчонке ждать?
Виновен - невиновен...
Полжизни молодой
прокатится уже.

Пусть Машенька моя
другого «Мишу» ищет -
Хоть с именем иным,
но муж реальный в срок.
Я боль свою сожгу.
Над свежим пепелищем
Поставлю мрачный крест -
на радости зарок.

Эпистолярным "па"
ударил нарочито:
Ошибся в тот момент,
прошёл шальной порыв -
Таков жестокий смысл
последних двух открыток
На заданный вопрос:
«Возможен ли разлив?»

Как вырваться из мук
осознанной потери?
Кто даст больному сердцу
ласковый приют?
И пусть уж не любовь -
но, по крайней мере,
Вниманьем приголубит
Душеньку мою.

11

Заманчивый забор,
высокий и колючий,
Мир женский от мужского
строго отделял.
Вот только надзиратель
брал волшебный ключик
И церберски в заборе
калитку открывал.

Шеренгами в «развод»
рабочие бригады,
А вечером обратно,
будто скот в загон.
Зато уж на работе
смягчены преграды -
И ссорятся и дружат
там Она и Он.

Порою от таких
бодрящих отношений
В неволе появлялся
вольный гражданин.
Недаром был приют
малюток и рожениц
В центральной женской зоне
с дюжиной кабин.

Завидуют не зря
счастливнице - «мамаше»:
Дарует волю ей
рождённый ангелок.
А что её влекло
в объятия «папаши», -
Любовь, распутство или
сокращённый срок?

Не может быть ответ
стандартно однозначным.
Но, кажется, видней -
распутство и расчёт;
Лишь изредка любовь
и склонность к жизни брачной
Засветится в тиши
и горестно течёт.

Не ахти паренёк,
но юность украшала -
Не раз меня влекли
в распутные дела.
Но прежняя тоска,
привязанность мешала
И совесть не давала
ослабить удила.

Бывали всплески нег
при виде лиц смазливых
В шеренгах на «разводе»,
на клубных вечерах.
Я взоры отводил,
смирясь боязливо,
И всё-таки пришла
скоромная пора.

Сперва душевный зуд -
в улыбках, тара-барах,
В услугах чуть заметных,
в шуточных стихах...
Порою мучил скрипку
и щипал гитару
В клубе - нарочито
окна нараспах.

Святое увлечение -
Дорогова Дуся,
Законный представитель
женщин в КВЧ,
С улыбчивым повтором
«Господи Иисусе»
В весёлом говорке,
звонком, как ручей.

Смогу ли передать
лирические сценки -
Потоки нежных слов,
ласкательный порыв
С склоненной головой
в роскошные коленки
Без больших притязаний
и дурной игры?

Ласкательный ответ
без слов и со слезами -
На голову легла
шершавая рука,
Затеяла игру
с моими волосами
Совсем по-матерински
для милого сынка.

Сквозь вздохи полушёпот:
«Миленкий бесёнок!
Для дамы зрелых лет
в любовники негож;
Мой сын почти такой же
славный пострелёнок;
И очень на тебя
повадками похож »

А больше ни гу-гу -
и мной и ей забыта
Нескромная мура
в тот сумеречный час.
В содружестве заботились
о культуре быта
От всей души - на пользу,
а не на «показ».

12

Январская страда -
морозная морока,
Метельные сугробы
все тропы замели...
Двенадцать снегопашцев
на волю раньше срока
Без панихид, гробов
в загробный мир ушли.

Лошадный конвоир
в седле живым остался -
Гнедая по чутью
на базу принесла.
«Ложись в сугроб!» - кричал,
пока не оклемался,
И плакал, осознав
такие вот дела.

Февраль мороз смягчив,
Пургу утихомирил
И солнечной улыбкой -
радовал порой.
И будто бы ответно,
робко в нашем мире
Чуть лица расцветали
улыбчивой игрой.

По-моему, на свете
нет игры милее,
Чем радужные ритмы
ярких губ и глаз:
Рождается любовь
и потихоньку тлеет,
Вдруг пламенем потом
окутывает нас.

Овеял предвесенний
месяц эйфорией -
И именем и ликом
душу озарил:
Пришла и назвалась
именем «Мария»
Блондинка, как и та,
которую любил.

Пришла и назвалась
на роль Шевцовой Любы -
Суровым монологом
в День Армии родной.
Я лестно ей шептал
при выходе из клуба:
«Такое обаянье
свыше вам дано...»

Того не сознавая,
влюбился не на шутку,
Хотя в делах амурных
робок, боязлив.
Решила с первых встреч
Черняева Машутка
Тот заданный вопрос:
«Возможен ли разлив?»

Не властен мудрый разум
в склонности сердечной:
Она всегда по-своему
лукава и хитра.
К Машутке мой порыв -
безумно скоротечный
И вряд ли нам сулит
желанного добра.

Встречались влопыхах
и то не ежедневно;
Пройдохи-надзиратели
повсюду тут как тут.
Порой я проклинал
свою неволю гневно,
Сопоставляя зримо
реальность и мечту.

Среди прекрасных встреч
позорную припомню
Под лодкою на брёвнах
в позах неглиже -
При жутком неудобстве
вели себя нескромно...
А с милой, говорится,
рай и в шалаше

Бывает, что и ад
лишь в двух шагах от рая.
Пронюхали борзые
нескромный наша шалаш,
С поличным засекли
под лодкой у сарая
И взяли грубо, зримо
нас на абордаж.

Мне карцер на неделю,
Маше - лишь на сутки:
Побольше не могли -
закончен её срок.
С слезами на глазах
в «постельные» минутки
Давали обещанья,
искренний зарок.

Не знаю, что и как,
но только через месяц
На дюжину моих
пришло её письмо -
С враждой и покаяньем
в дурной словесной смеси:
«Будь проклят перед мужем
за своё клеймо!»

Конечно, удивлён,
обижен, ошарашен,
А выполнить не мог
велење не писать,
Но больше ни строки
не получил от Маши.
Исчезла наша связь,
как в сухой росе.

Впоследствии узнал,
что родила мне сына,
Но только не на счастье -
на беду свою.
Бесплодный муж шалел -
«Не моя дытына!»
И под хмельком грозил:
«Беспутную убью!»

Семейный кавардак -
и ссоры и побои,
А тут ещё ребёнка
смерть вдруг прибрала.
Не вынесла Машутка -
покончила с собою
И вслед за нашим сыном
на тот свет ушла.

13

Нетрудно угадать -
из карцерной квартиры
На общие работы
и с «нянькой» за спиной.
По-разному блюли нас
«няньки» - конвоиры:
Иной в закутке дремлет,
а то - как штык иной.

На овощехранилищах
валандались небрежно -
Пригодный сортимент
искали к посевной...
Пусть март ещё морозил,
а апрель был снежный,
Но солнышко ласкало,
пахла стена весной.

А в мае посевная.
Мужики и бабы
На поле вперемешку
весело снуют;
Газуют трактора,
похожие на крабов,
В далёком развороте
у поля на краю.

Невдалеке и стройка -
новые бараки,
Колония растёт
и в ширь и в поперёк.
Вот там и я изведал,
где зимуют раки:
И глиномес, и подавальщик,
и «лихой пророк».

Заслуженно такое
прозвище мне дали -
Начальника колонии
замену предсказал:
Он «руки распустил»,
меня при всех ударил
Хлыстом за реплику ему
напрямик в глаза.

Теперь не избежать
мне каторжной работы.
И даже заключению
санчасти вопреки
Добыча камня и отёска
брёвен на заплоты -
Под стать по воле злой
мне эти пустяки.

В июнь-июльскую жару
мытарства и тревоги
Расслабили и душу,
и волю, и мечту;
Телесно истощал
без родственной подмоги -
Ведь в мире я один,
как в море на плоту.

«Оторванный кусок» -
ни писем, ни посылок.
Во многом виноват -
сам связи оборвал.
И за бедой беда -
дары нечистой силы,
Что в лапы захватила
судьбы моей штурвал.

Рад - осенью слезливой
послали на уборку
В бригаде «соловьев»
по пятьдесят восьмой.
Усиленный конвой
следит за нами зорко.
Мне грустно и смешно:
сбежал бы, но 'хромой.

Дистрофик, обессилел;
курицею дряблой
С отечными ногами
плетусь за всеми вслед.
Размокли башмаки,
в руках с мозолью грабли,
Чтоб жухлую ботву
откидывать в кювет.

Местечко мне нашли
в бараке с «соловьями»,
И снова в устных байках
признанный мастак.
Но снится по ночам -
я будто в жуткой яме,
И вырваться из мрака
не могу никак.

В сознании наяву
такое ж ощущение:
Сплошная безысходность -
жизнь вся набекрень.
Но в душу наплюют -
открой её мученье,
И немощность расценят
как дурную лень.

Изобретатель триера
Марков Анатолий
Со мной в помойке банной
вдруг оторопел:
«Пособием наглядным
быть тебе бы в школе
По гомоанатомии -
так страшно похудел!»

Скелетом, тенью брёл -
участвовал в отряде
Активист КВЧ -
с концертом в ближний пункт;
На полпути упал.
Была повозка сзади,
Подобрала юнца -
«несчастному капут».

Пустой переполох -
в санчасти оклемался,
Неделю осеял
крылами Гиппократ.
Затем ещё недельку
по двору слонялся.
Вернулась моя жизнь,
я рад ей и не рад.

Что ждёт меня назавтра
в этой хитрой клетке? -
На каждый день вопрос
уже не первый год
Крутой послевоенной
первой пятилетки,
Когда врачует раны
Родины народ.

14

Не ждал и не гадал,
но статус инвалида
Комиссия санчасти,
как орден, мне дала.
А тут ещё неожиданно
письмецо от Лиды,
Что снова в Кокчетаве
по своим делам.

«Я пропуск получила
и к тебе приеду,
Не обещаю много,
но чем-то помогу.
Пусть общими для нас
станут твои беды:
За прошлую вину
перед тобой в долгу».

«Вина» и не вина -
мы горестно расстались,
Когда почти что создали
совместную семью;
Взаимно миловались,
о будущем мечтали,
Но черт, как говорится,
подложил свинью.

Двоюродной сестре
ко Дню её рожденья
Любезные стихи
я мило написал,
Их Лидочке прочёл
и заронил сомненье:
«Сестра ли? Не затеял ли
любовный криминал?»

Без ссоры, без упрёков -
Лида отдалилась
И не искала встреч,
а встречу - холодок.
И вскоре будто где-то
с кем-то поженилась...
Сломалась связь сердец,
как, тоненький ледок.

Теперь же Лида снова
на моей дороге;
Уверен, - не любовь,
а жалость привлекла:
«Невинно заключённый
и почти безногий,
Бездомный сирота -
ни крыши, ни кола».

Прощается октябрь.
В просторы небо манит.
Прохладой овевает
резвый ветерок.
На вахту приглашают,
в комнату свиданий -
На столике журнал
и «вечное перо».

Солидный человек
мои и Лиды руки
Без слов соединил
и указал перстом -
Как будто под запретом
шорохи и звуки -
Вот там, мол, распишитесь,
отмечено крестом.

Переглянулся с Лидой,
всё понял по улыбке:
Немая процедура -
разыгранный курьёз.
Но роспись о супружестве -
не дурь и не ошибка,
Женой и мужем стали,
кажется, всерьёз.

Теперь уж по Закону
в комнате свиданий
Остались под охраной,
но - наедине.
Поведала мне Лида
о тяготах стараний:
«Перевернула горы»,
чтоб попасть ко мне.

И дело не в любви,
как трезво понимаю,
А в жалости к несчастным -
благотворный зов:
Всегда у Лиды дома
инвалидов стая
Из кошек и собак -
и гул их голосов.

Да, я, конечно, жалок,
как ни ерепенюсь.
Но жалость, говорят,
тождественна любви;
А тут ещё сметана,
а тут еще пельмени -
Всё Лида привезла.
Так Бога не гневи.

Такие вот раздумья
утаил от Лиды.
Промчались двое суток
удобства и утех -
Забыты перспективы,
прошлые обиды,
Реальность уподобилась
капризнице-мечте.

Расстались, распрощались
будто бы родные.
Но в ночь и по утру
я Лидочке твердил:
«Не трать по мне на траур
годы молодые,
А встретишь и полюбишь -
замуж выходи».

Чтоб ни было потом,
но нынешним приездом,
Возможно, мою жизнь
от гибели спасла.
Ещё три дня назад -
передо мною бездна:
Телесно и духовно
истерзан был дотла.

15

Ох, горько сознавать
наедине и вместе,
Что мы в двадцатом веке
парии, рабы.
Печалью отдаются
радостные вести:
Победный марш «Россию
поднял на дыбы».

Отчизна на подъёме -
нет следов разрухи.
Период довоенный
всюду превзойдён.
И по душе - не по душе
таинственные слухи:
Зато везде гулаговский
порядок наведён.

Всегда газеты, радио
другое сообщают:
Свободный труд, достаток
и культуры рост...
Нет сладостнее радости -
нет горестней печали,
Когда всё, только в лад -
когда наперекос.

Куда нам приклониться -
верить иль не верить?
Найти б альтернативных
сведений исток.
Молчит мой Авенир -
ведь он, по крайней мере,
На радиоузле
блатует весь свой срок.

Ему доступен клад
всемирных информации,
Когда в закутке будто
делает ремонт.
Специалист на «пять»,
волшебник мини-раций,
Таким мобилизован
в армию, на фронт.

По пятьдесят восьмой
судим и отбывает.
Сошлись мы как-то вдруг -
не по летам друзья.
И вот рискнул мой друг -
вывезет кривая! -
Увлёк в закуток свой
другого «соловья».

Всё было на виду -
я будто на подмогу.
Заранее в расчётах
и время и волна.
Чужие «голоса»,
каждый понемногу,
Поведали сурово,
как живёт страна.

Впервые мне представлен
облик сталинизма
Ужасно неприглядным
с обратной стороны.
Без веры принимал
как «вариант фашизма»:
Каков же смысл тогда
кровавейшей войны?

«Не в том ли, чтоб масштабно
управлять всем миром?
Но главное - зачем,
к чему и для чего:
Или для шкурной сыти
быть для всех вампиром,
Или для общих благ
и счастья своего?»

В претензиях фашизма
суть корпоративна,
У «сталинской» страны
иной потенциал...
Не потому ли ей
поддержкою массивной
Демократичный лагерь
много помогал?» -

Вот так я рассуждал
в полуночном раздумье:
Фашизм и сталинизм
не слить, как не крути -
Там цели, как судьба,
здесь личное безумье,
Что может очертить
направленность пути.

Делюсь с «нач. КВЧ»
раздумьем и догадкой:
Поскольку, словно шорох,
есть такой слушок,
Не стоит нам играть
в жмурки или в прятки, -
Беседами развеем
вражеский душок.

Начальник отчеканил
каверзным вопросом:
«Не будут ли беседы
жвачкой «голосов»?»
Пронзительно взглянул,
как говорится, косо
В лицо и торопливо
под крышечку часов.

И тут же пригласил
в отдел надзорной службы
Отведать, видно, блюда.
Но какой гарнир?
Насадкой на крючке -
приметы нашей дружбы,
Угрозы - поплавком,
и пойман Авенир.

Всё выглядит так просто,
но я не брат Иуды,
К тому же в передряге
подобной не впервой -
Вкушаю осторожно
навязанное блюдо,
И так, чтоб не сплевать
ни в лоб, ни по кривой.

Трясли, порою гладили,
а то и глупой шуткой
Выматывали слухи,
с ними - компромат.
Не выдержал полковник,
грохнул матом жутким:
«Прочь, олух... та-та-та...
Исправит Колыма».

16

Побитою собакой
я брёл под лунным светом,
Хотелось не в барак,
а просто - в никуда;
Шагнуть бы у забора
в зону под запретом
На выстрел с вышки в грудь,
и кончится беда.

А так - этап мне светит,
трудный, отдаленный;
Наслышался легенд,
стихов про Колыму.
По «голосам» судить -
там «зеков» миллионы,
Возврата не бывает -
не выжить никому.

Неосторожный миг:
споткнулся об оградку -
Прожектор ослепил,
и выстрел - хлоп бича,
Сирены жуткий вой...
Спешу уйти украдкой
От страшного на вышке
зоркого сыча.

Никак не удалось:
 прожектор, как ищейка,
Лучистым нюхом вслед
 и светом окатил.
И тут уж не куражься,
 а ищи ловчей как
Свой казус объяснить,
 когда и так не мил.

И ночь и до полудня -
 в надзорном каземате:
Проступок не простой -
 весь лагерь всполошил.
И хорошо еще, что
 шустрый тот солдатик
Полузаконным выстрелом
 шального не пришел.

В инструкции охранной
 означен счёт побега,
Когда в запретной зоне
 явные следы.
Моих не оказалось
 на ровной глади снега -
Тревога не всерьёз,
 подобье ерунды.

Солдатику в наклад,
 а мне шизо на сутки.
Как водится, опять
 дурная полоса...
Зашорюся мечтой
 о Лиде, о Машутках,
И в грёзах отзовутся
 родные голоса.

Целебны для души
 и облик и реченье
Мне благодатных дам,
 приближенных мечтой.
Трудней преодолеть
 телесные мученья,
Когда подстилкую -
 цементный пол плитой.

В воображении -
 штрихом мужские лица,
А голоса в тиши -
 сурдинисто глухи.
Мне б к женскому началу
 сердцем притулиться
И в этой милой ауре
 замаливать грехи.

Подруги и друзья -
 не спор о предпочтеньи,
И всё-таки на выбор
 при крутом витке,
Когда затмится разум
 при головокруженьи,
Душа во всю стремится
 к ласкающей руке.

Но если цель ясна
 и манит без подсказки,
А в глубине души
 кипит священный гнев,
Плечо друзей-мужчин
 нужнее женской ласки
И воля, словно сталь
 с закалкой на огне.

Озябнувший дотла,
совсем запутал мысли:
Реальность оплела
лиловую мечту;
Невмочь ногам скакать,
плетями руки свисли,
И вряд ли кто услышит
воплей хрипоту.

Ни петли, ни крюка -
повеситься не можешь,
И толку нет здесь биться
в стену головой.
Вопросиком свернулся:
«Отвечай мне, боже,
Застылый на цементе -
я твой или не твой?»

17

Рождественский мороз
скрежещет полнедели,
Работы отменил
в карьерах и лесах;
Зато все службы быта
в зоне захмелели:
Кипит деянье здесь,
щебечут голоса.

Все дни народ спует -
не двор, а муравейник;
И даже тут в каптерке,
мне покоя нет:
Тому посылку взять,
тому припрятать веник,
Бельё переменить,
в заначке взять конфет.

Теперь я каптенармус,
из сказанного видно;
Хвороба одолела -
простужен, хром и хил.
Санчасть обосновала
мой новый пост солидно:
Не стоит пополнять
статистику могил.

И вот нашли работу
по совести и чести -
Мытариться мне здесь,
чтоб пайку заслужить.
А я и рад, что в табель
каждый день мне крестик
Как милостивый допуск
и есть, и пить, и жить.

Других доходов нет -
разве что подачки:
Счастливцев одарит,
как нищего, порой
Конфетой, пирожком,
сахарком из пачки -
Посылку получил,
и хоть на час - герой.

Но чаще скупердяй,
таясь, на полке прячет
В котомке грузной снесь
и спиной ко мне,
Как будто жду оброка
с каждой передачи
И сообщаю всем -
такой-то «на коне».

Как правило, таких
 сожители не любят,
Хотя и не враги,
 но всё ж не из друзей, -
То пайку тихо свистнут,
 то сумку приголубят,
И с носом остаётся
 жадный ротозей.

Особо отличались
 жильцы из спецбарака -
Лихие уркаганы,
 как пчелиный рой:
Снуют - не уследишь -
 и пользуются мраком,
Чтоб стибрить где-то что
 удачливой порой.

Привадилися ко мне
 вожак их черноусый,
Высокий, с деревянной
 левою ногой,
Прослушав мою байку
 «Жизнь Иисуса»
По повести Ренана,
 евангельски благой.

Признался, что баптист,
 молится втихую,
И «Отче наш» и «Верую»
 с волнением прочёл.
И как-то пригласил:
 «Приди-ка, потолкуем
С моими кунаками
 о Библии ещё».

У двери встретил сам,
 провёл в тенистый угол.
Лампадкою копгилка
 чуть теплится вверху.
На нарах вкруг братва
 плечом к плечу друг друга,
Готовая внимать
 библейскому стиху.

Мой сказ не той тропой,
 какую ожидали -
Не нового завета,
 а древнего сюжет:
Как Самуил-пророк
 в монаршие скрижали
Давиду-пастушку
 составил протеже;

Затем как царь Давид,
 любимец Саваофа,
С женой военачальника,
 Вирсавией, грешил,
Но не ему, а поданным
 устроил бог Голгофу -
Всех первенцев в стране
 «живота лишил».

Я линию веду -
 самим библейским сказом
О божьей благодати
 сомненье заронить,
Не затуманенным,
 а трезвым видеть глазом,
Что мир совсем не в русле
 библейской болтовни.

Сперва услышал вздох,
потом в тиши ворчанье,
И вдруг вожак вскочил
и резким шепотком:
«Я думал - в боге мы
с тобой однополчане,
И посчитал своим
достойным кунаком».

Вплотную подступил,
схватил меня под руку
И выпалил в лицо:
«Забудь дорогу к нам.
Надеюсь - не предашь,
ты, кажется, не сука...
Иди своей дорогой
с горем пополам».

Потом со мной при встречах
цацкался однако,
Обид мне не чинила
и братия его.
Но огольцы другие
из того барака
Устроили в каптёрке
шум из ничего.

Посылочку как будто
сдали на хранение -
По записи под номер,
помню, двадцать пять:
Затем в ней «обнаружили»
лишь тряпки и камня
И матом-перематом
ну меня шпынять.

Зачем - не мог понять,
с меня ведь взятки гладки:
Доход со стороны
не светит и - не жду.
Но вскорости узнал -
со мной играли в прятки:
В шумливой суете
удачливо крадут.

Затею прекратил
всё тот же из баптистов;
Как дулю преподнёс
скандальным огольцам:
«А ну-ка прочь, шуты!
Воруете не чисто» -
И в нос котомку сунул
умолкшим подлецам.

Вот так - одну стащили,
подкрались за другою.
А как своею шкуркой
расхлебываться мне?
Спасибо усачу
с деревянною ногою:
В нём грозный бог не дал
проказить сатане.

18

Что самое святое
в каждом человеке?
Стремленье добротою
душу проявить.
По-своему любой, -
свободные и «зеки»,
Когда, как говорится,
заложено в крови.

Не будем предаваться
горьким размышленьям
О том, что несуразно
славятся в миру
Бессовестные монстры,
чьим властным повеленьем
Господствовало зло
наперекор добру.

Такое было, есть
и, видно, долго будет -
Одно из доказательств,
что в мире бога нет.
Но разум победит:
не бог, а сами люди
Воздвигнут на добре
прекрасный Новый свет.

Не скоро расцветёт.
Но есть ростки сегодня
В моей, твоей и каждой
жаждущей душе.
Вот только б не клонить их
в пропасть преисподней,
В поступках не губить,
как волосы в парше.

Не внешней мишурой
котируются люди,
Им редко соответствует
словесное клеймо.
По мне, ведёт себя
и о поступках судит
Достойно уркаган -
усатый и хромой.

Возможно, для меня
он послужил примером -
Охоту возбудил
быть щедрым добротой.
Но только что я мог?
Каким таким манером
В каптерке проявить
свой замысел святой?

Библейская легенда
об Адаме-Еве
Ох, небезгрешный способ
намекнула мне:
Влюблённым помогать,
принцу-королеве,
В закутке ворковать
одним и в тишине.

У нас ведь, как в раю, -
мужчин и женщин зоны
Забором отгорожены,
калиткою проход.
В каптёрку пропускают
женщин благосклонно,
И вот снуют мадонны
проворно взад-вперёд.

Дежурные в калитке,
как правило, из «зеков»;
Своих - за фунт изюма
волкам не продадут,
Когда Она и Он,
два милых человека,
Останутся в каптёрке
на дюжину минут.

Каптёрка на замке:
по надобности вышел
Как раз на это время
ретивый кладовщик -
Пусть тешатся влюблённые
под казённой крышей,
Замочком защищённые,
напрасно не ищи.

Всё гладко, без задоринок,
шло, как блин по маслу.
Опасные проделки
не раз сходили с рук.
Былая осторожность
притухла, приугасла -
Влюблённых выпускал
порою по утру.

На этом погорел:
пронюхал надзиратель -
Пришёл в барак чуть свет
и потащил меня...
Не знаю, что и как -
или донёс предатель,
Или по поговорке:
«Нет дыма без огня».

Он рано завихрил
из трубы столовой:
Там затемно вступают
в свой рабочий ритм.
Но нету поварихи,
бабоньки фартовой,
А без неё впустую -
под плитой горит.

На кухне суета -
где Дарья повариха?
Неужто проспала?
Пошли её будить.
Но где она? В бараке нет.
Вот неразбериха.
А надзиратель тут как тут,
проявляет прыть.

Прозорливо потряс
дежурного в калитке,
Который пополудни
вахту свою нёс,
Подумал и смекнул,
за мной помчался прытко:
«Бери свои ключи,
пошли, молокосос!»

Не буду рисовать -
и так понятна сцена:
Счастливец и счастливица
в каптёрке, как в раю.
Да вот беда - они,
я тоже, непременно,
В шизо переселенцы
за выходку свою.

19

Весенне-ранняя пора
зациклилась морозом,
Без видимых удач
воюет Солнце с ним.
И всё-таки расщедрились
осины и берёзы
У скотной базы и двора
запахом лесным.

Шуршат в вершинах воробьи,
шебуршат вороны,
А рано утром глухари
щебечут трель свою...
Моя арена - скотный двор,
пригоны и загоны;
С лопатой, вилами я тут
затуркано сную.

Телят до выгона под небо
в загородке нянчу:
Кормлю, пою их, выметаю
мусор и навоз...
Как сумасбродный Дон-Кихот
или хитрый Санчо,
Опять удачно не попал
в колымовский «извоз».

Опят соринкою в глазу
у строгого начальства:
Устрой работать егозу,
как разрешит санчасть,
Терпи в проделках и насмешках
фортели нахальства,
Быть может, всё не замечать,
а попросту прощать?...

Не тут-то было - каждый шаг
строго под надзором,
И в то же время - петухом
в курятник на заре:
Чуть свет с доярками в бригаде
мчусь аллюром скорым,
Один мужчина среди женщин
в их «монастыре».

И я и лагерная служба
Слишком фанаберим:
Без нарочитости творю
крамолу невзначай,
Она немедленно спешит
прибегнуть к строгим мерам: -
Режим нарушил - будь любезен,
карцер получай.

Потом планирует в этап
ослабленного шкета,
Но медицина не дает -
законное «добро»;
В каптёрку шлют или к дояркам -
на поправку где-то:
Не жадны бабоньки -
у каждой с молоком ведро.

Не жадны бабоньки порой
и на другие ласки,
Но их щедроты мне теперь
совсем не по зубам;
Я только улыбаюсь,
когда мне строят глазки:
Моя мужская плоть -
на большее слаба.

С телятами кручусь-верчусь,
а хочется в могилу:
Набухли ноги, хрип в груди,
в круженьи голова;
Нет весточки ни от друзей
и ни от Лиды милой,
На ветер клятвы, обещанья -
сладкие слова.

Молитвы прочь, проклятья прочь!
Катитесь, бог и черти!
«Я сам с усам», своей судьбы
финал свершу без них;
Сажусь в сугробы на ветру -
Ищу в закалке смерти,
Но только мука, толку нет
от такой возни.

Не верил раньше, что на фронте
в жутких передрягах
«Болезнь не сметь! - так повелось:
природа зарекла -
В мороз, и слякоть, и жару
солдатики-бедняги
Тащились, гнулись, но в строю,
куда война влекла.

Такое ныне и со мной -
не берёт простуда,
А тут ещё успех весны -
смеётся над зимой,
И в думах тоже перелом:
«Отложим смерть покуда,
Направим Сталину, как прежде,
грустное письмо».

И тут судьба - подножку мне
/и смешно, и грустно/:
Посланье милому вождю,
готовое почти,
Телку, наверно, показалось
чрезвычайно вкусным -
Слизал со столика в загоне...
И ищи - свищи.

Я в исступленьи догонял
проклятую скотину,
Но бег с набухшими ногами
криком заменял.
Сбежались бабоньки-доярки,
взяли хворостины,
Телка манили, и ловили,
били за меня.

За кавардак, за воровство
досталось бедняге,
Но мне от этого теперь
лишь горько и смешно:
Телок рыгнул блевотиной
изжёванной - бумаги,
Как подал знак, что Сталину,
что этак - всё равно.

20

Восьмое - мартовское утро
празднично красиво:
Голубизной ласкает взор
небо без границ,
В кустарниках над горизонтом
улыбочно-счастливо
Смеётся Солнышко лучами,
слышно пенье птиц.

Идём на дойку и уборку,
спутницы игривы:
Задористо щебечут -
с конвойным кумовья.
Плетусь в доярочной бригаде
как-то озорливо
С блатным напевом: «Ах!
Восемь девок - один я».

В строю меня соседка
под ручку подхватила:
«Сегодня день особый,
ты тоже как хмельной», -
В глаза мне заглянула,
улыбнулась мило,
Хлестнула по щеке,
но ласковой рукой.

Воспринял я по-своему
негаданную шутку:
Обвил товарку вокруг шеи
обручем руки,
К себе прижал, поцеловал
с глупой прибауткой:
«Твои глаза напоминают
в поле васильки».

Раздался хохот в окруженьи,
вздорные остроты,
Но резкий окрик конвоира
притушил костёр:
«Ко мне, студент, в последний ряд!
Карцера охота?
Окреп на свежем молоке,
на шашни слишком скор».

Переглянулись, ухмыльнулись -
я и та соседка,
Как будто сразу заключили
важный договор -
Друг друга защищать,
пока нас держит клетка,
Хотя и были незнакомы
вовсе до сих пор.

Бывают встречи и разлуки
вечно незабвенны,
Бывают связи и разрывы
как-то без следа.
Претят мне в дружбе и любви
любые перемены,
Но наша жизнь в иных повадках
катится всегда.

Мои подруги и друзья
лишь в памяти реальны,
«Иных уж нет, а те далече» -
рядом пустота.
Как заменить их теплоту,
хотя бы минимально,
Соседством новых мне людей, -
проблема не проста.

В безлюдьи вовсе онемеешь
Робинзоном Крузо,
Пусть даже кружит муравьем
большой людской поток:
Когда нет ласки и любви,
он душу давит грузом
Чужой галдёжи, суеты
в твой подневольный срок.

Мои попытки и свершенья
в этих вот вопросах
Порой удачливы, порой -
виденья сквозь туман:
Приемлю кредо - «на пределе»,
хоть и «кровь из носа»,
А по-иному - несерьёзно,
сладенький обман.

Из ряда вон последние
шальные выкрутасы,
Что окриком одёрнуты,
угрозой учтены:
В ответ на ласку будто в омут
энергичным брассом, -
И поцелуй, и - «васильки»
и розовые сны.

Ах сны! Зачем тревожить
розовой надеждой,
В насмешку превращать
мой искренний ответ?
Такие игры не по мне;
я олух и невежда:
В забавных флиртах опыта
не было и нет.

21

Мне подсказали в тот же день
бабоньки-доярки,
Что конвоир свою зазнобу
ревновал ко мне,
Что флиртом лёгоньким со мной
шустрая товарка
Его прочней к себе влекла
с выгодой вполне.

Она рядом в деревеньке
была продавщицей,
Он слесарем работал -
в ближней МТС.
Любились, как могли.
Но надо ж так случиться -
Прощтрафилась растратой -
будто вор залез.

И вот осуждена.
Он в армию призвался,
А ровно через год
попал в конвойный строй,
Напором волевым
«случайно» оказался
На службе в ИТК,
«Гулаговской второй».

Так Зоя и Степан
опять как будто вместе:
В рабочую неделю
свиданья каждый день;
Тихонько и частенько
Степан свой невесте
Прогулки обеспечил
домой, когда не лень.

Не раз Степан с подружкой
валандались беспечно,
А паства без присмотра
благует кто куда.
Но так уж повелось -
ни что в миру не вечно -
Как раз восьмого марта
постигла их беда.

Шутливые бабёнки
прокрались без помехи
Туда, где шуры-муры
до крайности в разгар,
И стибрили винтовку
для шальной потехи,
И спрятали, и крикнули:
«Пожар! Пожар! Пожар!»

Дурной переполох
как раз в разгар обеда,
А ветер, как на зло,
взбудрил огонь костра
И язычком его
лизнул солому следом
Подстилочной копны
у конного двора.

Соломка занялась
в затишке, как воровка;
Хватились, услышав
храп, ржанье лошадей.
А выстрел, в шутку спрятанной
в соломе той винтовки,
Теперь уж не на шутку
всполошил людей.

Вот тут Степан с небес
свалился моментально,
От Зои оторвался -
в ремень, штаны, шинель -
И бросился на выстрел
вихрем семибальным,
И громогласно рявкнул:
«А ну, бастарды, шнель!»

Игра со школьных лет
оставила привычку:
Он бесподобно фрицев
злых изображал;
И даже в армии к нему
клеймом прилипла кличка:
«Бастарды, шнель», противная,
как в старых трубах ржа.

«Бастарды» без команды
пожар атаковали
Лопатами и ведрами
в огонь бросали снег,
И вскоре от него -
лишь лысинки проталин;
На «шнель» Степана - эхом
залихватский смех.

Но парню не до шуток:
винтовка обгорела -
Всё будто как должно,
а неприличный вид;
Да как ещё замять
случившееся дело?
Да как ещё размять
комков дурных обид?

Читатель, видно, ждёт
ответы на вопросы;
Пусть поразмыслит сам, -
решение найдёт.
С винтовкой за спиной,
под носом с папиросой
Конвойный, как обычно,
доярочек ведёт.

А в проходной сдаёт
по счёту, по-фамильно,
Привычно, как всегда,
и не было хлопот;
Никто из подопечных
не буркнул замогильно
О глупой кутерьме,
и сам - не идиот.

22

Всех помыслы - помыться,
поужинать быстрее,
Скорей причипуриться
на праздничный концерт:
В закутках Он Её,
Она его - согреют
Под песни и стихи -
и поцелуй в конце.

Как видно, в клуб влекла
не столь его программа,
Сколь очень одиноких
встречи по-людски;
Там воскрешались чувства
кавалера, дамы,
И этим разбавлялись
горести тоски.

На сердце камень лёг
от Зоиного флирта,
И дамы не ищут:
в моих руках она -
Ореховая скрипка
и смычок из мирта,
Под пальцами певуча
каждая струна.

Играл я попури
из милых русских песен,
И радовалось сердце,
и плакала душа.
В искусстве мир всегда
по смыслу интересен,
Когда творишь его
в прозреньи, чуть дыша.

В скрипичном попури
мелодии простые
В эмоциях омыты,
окрашены мечтой...
А в зале тишина -
мгновения святы:
Исповедальный зов
на честный мир с собой.

Затем мужской квартет -
шутливые частушки
С присвистом и приплясом -
деревенский тон;
А вот стихи - Есенин,
Блок, Лермонтов и Пушкин,
Свои стихи о женщинах
я прочел потом.

«Женщины, женщины - таинство
жизни,
Радости наши и наши страдания.
Как ностальгия вдали от отчизны
К вам устремляет нас жажда свидания.

Млеем томлением сладкой тревоги -
К образу зорки и к голосу чутки.
Чем вы разумней для нас, недотроги,
Тем вы желанней для нас, незабудки.

Прошлый, сегодняшний день и
грядущий
Дарится нам материнским призыванием.
Женщина - радуга, с солнцу влекущая,
Вечное наше о ч а р о в а н и е».

И в заключение хор мужской
трёхголосым пеньем
О Сталине - «Великом
друге и вожде» ...
Шукшин в «Калине красной»
воссоздал мгновенья
Подобной ситуации
замызганных людей.

И оторопь, и страх,
и таинство момента -
Тут гимн о Корифее,
а там «Вечерний звон»...
И вдруг сомкнулся занавес
из серого брезента,
А перед ним возник
наш главный «фараон».

Как стон предсмертный, песня
замерла мгновенно,
По залу прокатилась
тревожная волна,
И тихий голос поделился
тайной сокровенной:
«Великий Сталин умер -
в трауре страна».

Читатель удивлён -
дата не на месте:
Почил «Великий», помнится,
пятого числа...
Да вот беда, приходят
поздно в лагерь вести,
Поэтому такие вот
нелепые дела.

А что же наше радио
с маэстро Авениром?
Молчит с тех пор, как он
на Колыму попал.
И телефон молчит -
два дня нет связи с миром:
Могучий ураган
проводку оборвал.

Мне трудно говорить
о «Великом кормчем» -
В моей душе к нему
нет злобы и любви:
Когда-то мне помог
избавиться от порчи,
А ныне я в аду -
хоть смейся, хоть реви.

А ныне много видел,
и слышал, и продумал -
В Гулагах вся страна,
а верить не хочу,
И чувствую себя
собратом Аввакума:
Святую правду-истину
в терзаниях ищу.

При Сталине страна
преодолела много
Разрух и становлений,
воздвигла новый строй,
Идею братства всех,
идущую от Бога,
Как будто приняла,
но с вывихом порой.

При Сталине страна
противовесом стала
Заокеанским США
во всех земных делах,
А в Мировой Второй
фашистов обуздала,
В столетии двадцатом
от рабства мир спасла.

А счастлив ли народ
в такой стране могучей?
А почему мильоны
в страшных лагерях?...
Где солнышко моё?
Прорвётся ли сквозь тучи?
Или вся жизнь моя
так сгинет просто зря?

Я разума вселенского
природная частица
И что-то в поднебесьи
должен совершить.
Рождён ведь человек -
как для полёта птица,
Чтоб созидать добро.
Зачем иначе жить?

Часть четвёртая

МЫТАРСТВА НА СВОБОДЕ

1

Кто честен сам с собой,
потел душою много
И даже презирал
культ - личностный экстаз,
Тот помнит - и его
потрясла тревога:
«Что будет со страной -
вождь покинул нас?»

А что сказать о тех,
кто верил беззаветно
В божественную суть
почившего вождя?
Ведь даже в лагерях,
по лицам мне заметно,
Тревога у людей,
которых не шадят.

«Что будет со страной?
А что же станет с нами?»
У «зеков» убежденье -
в зигзаге их судьба:
Воспримет ли свобода -
«блудными сынами»,
Или же до конца-
влачить ярмо раба».

И бродят в голове
раздумья и догадки:
Гулаговский размах,
что давит до сих пор,
Быть может, нужен был
для должного порядка,
Чтоб снять перед войной
Внутренний раздор?

Быть может, потому
 страна и победила,
Что помыслы, порывы -
 всё в один кулак
Вождя стальная воля
 мастерски сплотила
На общий мирный труд
 и ратные дела?

Но вот страна, как Феникс,
 поднялась из пепла
Потерь и разрушений
 невиданной войны -
За шесть каких-то лет
 воспряла и окрепла!
Зачем же и теперь
 Гулаги ей нужны?

Сверхчеловек, по Ницше,
 творит свои деянья
Как будто провиденьем
 на это обречён, -
Добра и зла не знает,
 не ищет оправданья,
За промах, неудачу
 заранее прощён.

По Гегелю и Марксу -
 без мистики ученье:
Эпоха выбирает
 Героя своего;
Он жёстко выполняет
 своё предназначенье,
Затем - в небытие,
 извечный статус-кво.

Попробуйте в веках
 осмыслить персоналий;
Вожди гражданских бурь
 уходят после них -
Кто сразу в мир иной,
 кто трётся среди швали:
Эпохе, как невесте,
 нужен свой жених.

Припомним: в Древнем мире -
 Македонский, Цезарь;
А в Средние века -
 Чингизхан, Батый;
А вот - Наполеон,
 чей старт под Марсельезу,
А вот - ариец Гитлер...
 Деянья их пусты:

Не вяжутся с эпохой
 и её запросом,
Поэтому-то каждый -
 лишь «герой на час»;
В истории их след
 кровав и под откосы,
А имена - с оттенком
 званья палача.

Мы знаем имена
 совсем иного плана:
Персоны их - создатели
 немеркнущих идей,
Деянья их - могучие
 истории тараны,
Поскольку в русле с ней
 и чаьнем людей.

Припомним Иисуса
Христа из Назарета;
Его идеи братства,
равенства, добра
Создали благодатное
движение всего света
За их осуществление:
настал черёд - пора.

Понять, осовременить
евангельские сказки
В теории марксизма
научно удалось;
Попытки воплотить
без социальной встряски
Терпели неудачи -
со встрясками пришлось.

Парижская коммуна...
В России - власть Советов.
Как будто ленинизм
на правильном пути.
Но Ленин не успел...
Судьба его заветов
У Сталина была
частично лишь в чести.

Наверно, потому
под прессом его власти
Партнёры Ильича
ушли в приют могил...
Но стоп! Мои раздумья
вот по этой части
Во многом не стыкуются,
что прежде говорил.

Где прав, а где не прав -
винюсь, не разобрался;
Развилка по-раздумью
не вклинится в итог:
Стальной грузин-диктатор
вовремя убрался -
В стране и за пределами
свершил своё, что мог.

2

Восьмоемартовский концерт
сменился панихидой:
По знаку «фараона»
все молча поднялись,
Почтили память присного -
с обидой, без обиды,
Кто как воспринимал
«Титана», «Соль земли».

Начальник КВЧ
пятиминутной речью
Заслуги подчеркнул
усопшего вождя.
«В сердцах народов Он -
бессмертен и навечно», -
С подъёмом завершил,
со сцены уходя.

Дана команда всем:
«Идите по баракам -
У каждого назавтра
свой рабочий день;
Утрата велика,
но жизнь идёт однако
Обычною чредой,
как принято везде.

Ночная тишина
в дворах после «отбоя»,
В бараках суета,
бурливый шепоток;
Затворники на нарах
бубнят между собою:
«Амнистия», «свобода»,
«хотя б скостили срок»...

Я вспомнил: прошлым летом
голосом провидца
Семёнов Александр,
друг моей мечты,
Которому настал
черед освободиться,
Прощаясь, предсказал:
«А через год и ты».

Я фыркнул - не поверил:
«Какое основанье?»
«А Сталина не станет», -
шепнул, мигнул чудно,
Домашний адрес дал -
в обмен на обещанье
Из лагеря - к нему,
жить вместе, заодно...

Не раз он удивлял
уверенным прогнозом:
Разруху в Ашхабаде
предсказал в тот год,
С иронией назвал
«рождественским морозом»
Разлады Сталина с Броз Тито
много наперед.

С улыбкою вещал:
«Америго Веспуччи
Пошлёт своих потомков
умыкнуть Тайвань».
И через пару лет
свершился этот случай:
Осколок КНР
стал «бэби» новых нянь.

Семёнов был историк.
В вопросах социальных
С опорой на факты
мог вести расчёт;
Но вот землетрясение,
явление из глобальных, -
Как здесь обосновать
заявку наперёд?

О прошлом говорил,
как будто был свидетель
Значительных событий
давних лет, веков,
С наивной непосредственностью,
свойственную детям,
И образною речью -
свободно и легко.

Нередко о себе -
с присловием забавным
О случаях крутых
и всё-таки смешных.
Вот в Новгороде он,
где вырос своенравным, -
И пьянствовал, и бабничал,
и свой среди шпаны.

В музее городском
 считался лучшим гидом,
За что ему прощали
 частый «выпивон» -
Как с птичьего полёта,
 свой город чудным видом
С центральной колокольни
 «дарил» туристам он.

Один из них особый -
 посол арийской расы, -
Спускался после всех
 по лестнице крутой,
А следом - гид «под мухой»,
 напевая басом,
Споткнулся и поддал
 под зад послу пятой.

А вот ещё похлеще -
 казус новой пробы:
чиновник академии
 по культовым делам,
Как Хлестаков, представился
 важною особой
В инспекторской поездке
 к «попам» из храма в храм.

С поклоном и почтеньем
 «попы» его встречали.
Он щедро покровительство
 святыням обещал.
А там, глядишь, застолье -
 славно угощали...
Ещё бы - в доску свой,
 в верхах своя свеча!

Вот тут и брудершафт...
 А «свече» в угоду
Додумались устроить
 провода домой
Обрядом по уставу -
 важным крестным ходом
С хоругвью и крестом
 под колокольный бой.

3

...Мои воспоминанья
 прервались потасовкой,
Схватились - «сталинист»
 и «антисталинист»,
Как петухи, с насасом,
 матом кроют ловко
Под гулкий хохот, топот,
 оголтелый свист.

Ворвался надзиратель,
 убаюкал бучу
И вышел, повторяя:
 "антисталинизм"...
Ох, видно, наплывает
 грозовая туча -
Узнаем поутру,
 как крут неологизм.

От холода дрожу,
 для страха нет причины;
По-струнке во дворе
 стоим в строю чуть свет.
Напротив - «фараоны»
 с важным видом, чинно,
Ведут разборку потасовки:
 поступил навет.

Сперва дежурный надзиратель
доложил, что было,
Затем начальник КВЧ
событие оценил,
Подвёл итоги Старший:
«Тут вражеская сила»,
«Зачинщиков под суд», -
так Главный завершил.

Да вот осечка - «фараоны»
будто лбом о стену:
Сожители барака -
ни словом, ни о ком.
«Где вражеская сила?» -
твердили неизменно,
«Какие там зачинщики?» -
строчили матерком.

Последовал приказ -
огулом в штраф-бригаду
В заброшенном карьере
камень добывать;
Кормить и одевать
по третьему разряду,
А тех, кто на примете, -
в карцер ночевать.

Он мало мне знаком -
какой-то полусонный;
В этапах, лагерях
скитался года три,
За щепоть табаку
в бумажке - осужденный:
С портретом Сталина профан,
закрутку закурил.

К нам прибыл в декабре,
прозвали «декабристом»;
Обычно нелюдим,
молчун - не пристебай.
Да вот вечер взорвался -
«антисталинистом»
И кашу заварил -
попробуй расхлебай.

В столовку раньше всех,
потом и за ворота
И строим - на карьер,
а он в пяти верстах.
Усиленный конвой
ворчливою зевотой
И лаем волкодавов
нагоняет страх.

«А ну, вперед!» - скомандовал
старший из конвойных,
«Карьером на карьер», -
улыбчивым смешком
Съязвил наш «декабрист»,
не в меру беспокойный,
В остротах и глазах -
с колючим огоньком.

Карьер не за горами.
Проволокой колкой
В лесу со всех сторон
окутан в два ряда.
Попытка ускользнуть -
романтика без толку:
Подкреплена собаками
железная узда.

Загнали в ту узду,
как в клетку на запоре;
Вокруг булыжник, щебень,
каменные лбы.
До трёх и без обеда
на узеньком просторе
Под окрик бригадира
орудуют рабы.

Кто ломом, кто кайлом,
носилками на пару;
По норме рассчитали
булыжников бурты.
Попробуй-ка лениться -
свои своею карой
По круговой поруке
начнут крутить хвосты.

Феномен из благих -
порука круговая:
Один стоит за всех,
а все - за одного.
А вдруг взаимовыручка
по умыслу - кривая:
Мы только для себя,
для круга своего?!

Возможен вариант
жестокоего пошиба:
Общинный эгоизм
для личности - беда.
И это очевидно
больше, чем где-либо,
В отмерах - общей нормы
для общего труда.

Для крепкого сойдёт,
а слабый изнеможет,
Но должен быть на равных
в общей кутерьме;
И тужится слабак,
лезет вон из кожи
В повинности одной
под лямкою в ярме.

Признаться, я хитрил
своим авторитетом -
По хохмам и по байкам
лагерный мастак, -
С лопатой ковылял
подправить что-то где-то
В подмогу «декабристу»,
он терпит неспроста.

Ворочает камень
с шуткой-прибауткой,
Был скучным молчуном,
а тут во всю острит:
«Вот выстрою из камня
собственную будку
И славно заживу», -
загадочно хитрит.

И вдруг втихую шепчет:
«В ней меня закроешь,
Чтоб будку отличить
от бурта не могли;
Об этой тайне знать
будут только трое:
Я, ты и господь бог
да в поле - ковыли.

К полудню снег пошёл.
Будто хлопья ваты
Покрыли весь карьер.
Закрутил буран.
И сразу всполошились
сторожа-солдаты:
«А ну, кончай работу!
В колонию пора».

Не строили в ряды,
прилежно не считали,
Доверили весь шмон
собачьему чутью;
Те с лаем впопыхах
в ограде прочесали
И заняли в конвое
позицию свою.

Спешили, как могли.
Мне больше всех досталось:
Ругали и грозили -
не в темпе ковылял;
Собаки по пятам
с науськанным оскалом,
И встречный ветер прёт,
как хмельной нахал.

По списку пятьдесят,
по факту сорок девять!
У лагерных ворот
и шум и суета:
Кто, как и где исчез,
и что немедля делать?...
И скачут верховые
отыскивать хлюста.

Бригада штрафников
в тревожном ожидании:
Сперва спросили всех,
теперь - по одному;
Обещаны на выбор
награды, наказанья -
Досрочную свободу
иль новую тюрьму.

С пристрастием меня
охаживал наш «опер»:
«Ты рядом ковылял,
сознайся, не крути, -
Где «антисталинист»?
Нашёл какие тропы
Змеёю ускользнуть
и след свой замести?»

Я мямлил, что не знаю,
пожимал плечами
И очень понимал
решенье беглеца:
За фырк против Вождя
такими вот сычами
Состряпали бы иск
на девять грамм свинца.

«А может, проиграл?
Амнистии дождался б:
С утратою Вождя
законно быть должна;
Не отчуждён бы был,
от власти не скрывался б», -
Сверлит в башке мыслишка,
как в ручье волна.

Тягучие часы
и вечером и ночью;
В бараке пересуды
нервным шепотком:
«Его догонят псы
и раздракуют в клочья»,
«А может быть, удастся
махнуть товарняком».

Ни то и ни другое.
Судьба своё сказала:
Как на голову с крыши
снежный ком весной,
Ошеломила новость -
под каменным обвалом
Раздавленный беглец
убрался в мир иной.

Амнистия земная,
свобода в рамках власти
Ему теперь - как лошади
пятая нога.
Другое дело там,
небось, свои напасти:
В раю или в аду
других властей слуга.

Представьте - встретит там
«наук всех Корифея»
И спросит напрямик,
в глаза, начистоту:
«Зачем и почему
двуногие звереют,
Засевшие во власти
на любом посту?»

Весна, весна... Всегда
разбавлена тоскою,
Особенно сегодня -
направили в этап.
В машине, с узелком,
машу друзьям рокою,
Предвижу - впереди
дурная маята.

Упрямства не простили.
Осталось подозренье,
Что ловко беглецу
я спрятаться помог,
Припомнили ещё
другие прегрешенья
И приняли решение -
студента за порог.

5

И вот я в Кокчетаве,
в мрачной пересылке.
Её начальник Трайтель
сам встречал «привоз».
Какой-то, как хмельной,
подвижный, в речи пылкий,
Меня вдруг приглашает
вскоре на допрос.

Приветливо сказал:
- Садись и будь как дома, -
Улыбчив взгляд, рукою
гладит по столу,
- Ты, верно удивлён,
но мы давно знакомы.
Лет шесть назад у Солнцева
встречались на балу.

Ах, память, проясни
о Солнцева, о бале
Конкретные моменты
давних моих встреч!
Мне кажется, редактора
газеты называли
Именем небесного
светила - о нём речь.

Он с Лидой на приём
к Купаеву прорвался,
Он щедро пригласил
к себе на «мини-бал»;
Там друг его, знакомясь,
Трайтелем назвался,
А ныне вот начальником
пересылки стал.

- Я думаю, спешить
в вагон и на колёсах
В Восточную Сибирь
тебе не по нутру.
Насколько мне известно,
ставятся вопросы
На много сократить
«чёрную дыру».

Мой удивлённый взгляд
вызвал пояснение:
- А в «чёрную дыру»
ты сам давно нырнул...
Гулаговский размах,
окутав мутной тенью
Восточную Сибирь,
позорит всю страну.

Неужто там, в Москве,
без Сталина трезвеют?
Не верю, но шепчу:
«Нет дыма без огня -
Полмесяца прошло,
и новый ветер веет
С кремлёвской высоты...
А может, болтовня?»

С сомнением и надеждой
головой качаю -
То вертикально вдоль,
то в ширь и поперёк.
А Трайтель со смешком:
«Довольно. Поручаю
Культурой оживить
наш Красный уголок».

Условились держаться
строго по стандарту
Уставных отношений -
«зек» и «фараон».
Но радость на душе:
неужто вместе с мартом
Исчезнет несвобода,
как кошмарный сон?

В желаньях обгонял
реальности движенье,
Стремился в пересылке
приподнять настрой:
Втихую намекал -
нас ждёт освобожденье,
И вскоре распростимся
с «чёрною дырой».

По сути выполнял я
тактику охраны -
Порывы ускользнуть
надеждой замени;
Пусть даже без гарантий,
лишь бы без обмана:
Как умер царь - амнистия,
так было искони.

Мой Красный уголок -
комната со сценкой,
Скамеек три ряда,
газеты на столе
И - фортепьяно вдруг
сиротой у стенки,
Расстроено, обшарпано,
в накинутом чехле.

Сажусь и подбираю
грустные напевы,
А пальцы не спешат
понять души наказ...
Любимые друзья,
родственники, где вы?
И тёплые росинки
катятся из глаз.

Дверь настежь распахнулась.
На пороге гостя,
Молодушка в летах
с тряпкой и ведром.
«- Какого чёрта здесь? -
гаркнула со злостью. -
- Катись, не приставай.
иди себе с добром».

«- А я не пристаю
и здесь хозяин ныне;
Так будьте любезней
и делайте своё».
Запала в память мне
о Кате-Катерине
Сварливая вульгарность
облика её.

А между тем назавтра
к грубой поломолке
Советовали мне
за помощью идти:
И пляшет, и поёт,
и хороводит бойко -
Соратник по культуре,
лучше не найти.

6

Первоапрельский вечер -
шутки, прибаутки,
И Кятя-Катерина
здесь во всей красе:
Частушки под чечотку
и под посвист жуткий
Задором потрясали.
«Бис!» - кричали все.

А я на фортепьяно
задористым тапёром
Наяривал всю
забытый инструмент;
И «Одой наизнанку»,
читанною хором,
Был вечер завершён
в означенный момент.

«ОДА НАИЗНАНКУ»

«Восславим наш приют,
очистим наши души -
Мы здесь на всём готовом,
прямо как в раю:
По утру нам «подъём»
трезвонят прямо в уши,
А на ночь нам «отбой» -
баюшки баю».

«В столовой, как гостей,
потчуют три раза,
С почтеньем стерегут
строго ночь и день;
За нравами следит
везде надзор стоглазый,
Повсюду на счету
и ты и твоя тень».

«По-дружески шмонают
всех без церемоний,
Заслуженных сажают
в награду на «губу»;
Нас возят по стране
в решётчатом вагоне
С почётным караулом
со звездой на лбу».

«Мы с песней на работу,
весело с работы,
Резвимся между делом,
радостны весь день.
Спасибо милой Родине
за чуткую заботу!
Мы счастливы безмерно..
как осёл в узде!»

Состряпал эту «Оду»,
так сказать, карьером,
Стремился горькой правдой
жутко веселить,
При этом упреждал
эзоповским манером
Потуги обвиненья -
власти насолить.

Однако всё не так -
вижу беспокойство
Крутого надзирателя -
щурятся глаза!
Придётся отвечать
за глупое геройство:
Что сделано, то сделано,
не вернёшь назад.

Все шустро разошлись -
спешили до отбоя
Явиться в свой барак,
на свои места.
А Катя дверь на ключ -
«Останемся с тобою,
мне больше невтерпёж
от скромного поста»...

Я просто обомлел,
признаьем ошарашен:
Знакомы восемь дней,
намёка не давал;
И как-то так, с налёта,
избегаю шашень,
И прямо кожей чувствую -
обрушится провал.

Но Катя-Катерина
набросилась с лобзаньем,
И кофту нараспах,
и юбку набекрень...
И хочется, и колется -
божье наказание!
В объятиях бабёнки
молчком торчу, как пень.

А в дверь уже грохочут:
«Открывайте, суки!»
Глазастый надзиратель
вернулся не один.
Катюша - хватъ ведро,
тряпку, веник в руки
И повернула ключ:
«Извольте - заходи...»

- Зачем здесь задержались?
Устроили свиданье?
- Убрали кое-что,
а теперь идём...
- А дверь-то на запоре!
Напрасны оправданья.
- Замочек барахлит,
испортили гвоздём...

Остра на язычок,
находчива в ответах
И делом подтверждает
зычные слова:
С размаха дверью бах!
Открыть-то мочи нету,
Прилипла не на шутку -
бабонька права.

И всё-таки в дежурку
потасили вместе.
Скабрезные вопросы,
шутки со смешком.
В ответ, наверно ждали
заискиваний, лести,
А я вдруг воспалился,
хрястнул кулаком.

Столешница скрипучим
эхом загремела.
Под выкрик мой: «Не смейте
сукой обзывать!...
Вот если виноваты -
заводите дело!...»
Опешил надзиратель.
смотрит, как сова.

А тут ещё азартно
разошлась Катюша:
«Мы суки, говоришь,
а сам - борзой кобель.
Давно ли приставал,
нашёптывая в уши
Смешные обещанья,
и тащил в постель?»

7

По правде говоря,
недаром осмелели:
Вождь умер, а надежда
ярко ожила;
Зима ушла, повсюду
весенние капли,
И прячется от Солнца
плесенная мгла.

В душе переворот -
 благие ожидания;
Повысил сам себя,
 достоинство свое,
Не слушаешь смиренно
 укоры, назиданья
Казённо опоганенных
 ретивых холуев.

Апрельская пора
 до края обострила
Желанье обрести
 собственный полёт,
На воле развернуть
 задрёманные силы,
Переиначить жизнь,
 что задом наперед.

Но май уж на носу,
 а та же атмосфера:
«Подъём», «отбой», «поверка» -
 лагерный режим;
Надежды и мечты
 тускнеют в буднях серых,
Меж прошлым и грядущем
 крутые рубежи.

Предмайская страда:
 быт праздничком бы скрасить;
Наш Красный уголок -
 как пчелиный рой!
Упроченный в своей
 культурной ипостаси,
Удачно создавал я
 праздничный настрой.

И кстати накануне
 прибыли этапом
Любимцы Мельпомены
 прямо из Москвы,
И я, как говорится,
 залучил нахрапом
Недюжинную парочку
 творческой братвы.

Затеяли сценарно
 лагерные темы
В трагикомичном стиле
 ловко развернуть:
Пороки показать
 гулаговской системы
И на пороки строя
 робко намекнуть.

По сути тут и там
 нет самоуправления,
Доверием всерьёз
 никто не дорожит.
У власти подавлять -
 дежурное стремленье,
Любой на подозренье,
 кто стрункой не дрожит.

И всё наоборот
 в униженном сознании:
По виду смирен, тих -
 строптив исподтишка.
Не выправить души
 посредством наказанья,
Когда его неправым
 признаёт башка.

В намётках обозначены
идеи наших сценок,
Но как их разыграть
и образно подать,
Чтоб скрыть от держиморд
коробящий оттенок,
А публике поведать,
в чём горе и беда?

И в первомайский день,
и в первомайский вечер
«Добро пожаловать!» -
приветствует плакат.
Все были рады нашей
театральной встрече,
Но головная боль
последствий нелегка.

Сперва всё тот же злой,
настырный надзиратель
Опять повлѣк с укором
в дежурку на допрос,
Сценарий мой изъял:
«Пусть посмотрит Трайтель.
А ты не ко двору -
пора бы «на извоз»».

Он прав, наверное,
попал я в передряги -
Через неделю тряс
меня чужой майор:
«Какая демократия
нужна тебе в Гулаге?
И власть, и строй твоей
душе наперекор».

Весь май, июнь меня
на исповедь таскали,
До дна в душе скребли,
подноготную грязь...
В чистилище таком
прозрачен, как кристаллик,
И с временем, пространством
порой теряешь связь.

Журнальчик «Накось-выкусь»,
«Оду наизнанку»,
Сценарий первомайский -
вяжут в одну нить:
«Любителю кататься
с горочки на санках
Полезно научиться
саночки возить».

Премудростью народной
в вольном пересказе
Насмешливый майор
загадочно блеснул
И будто в неизбывной
утопил проказе
Надеждой озаренную
буйную весну.

Меня перевели
подследственным в застенок,
Где мучают бессонницей,
ярким светом, тьмой.
Вот стоила чего
триада моих сценок:
Готовят в новый ад,
а я мечтал - домой.

Ужасное чистилище -
 ликом наизнанку:
Грехов не отпускают,
 а ляпают грехи.
Я в страхе день за днём:
 поставят спозаранку
К стене, и на тот свет
 проводят петухи.

Застопорилось что-то -
 неделя за неделей...
А может, день за днём?
 А может, всё не так?
А может, те и я -
 друг другу надоели?...
Вдруг встречи прекратились,
 это неспроста!

И свет и тьма срослись,
 всё перемешалось;
В безвременьи объёмно
 окутывает сон...
В тумане голубом
 бранит меня за шалость
Моя родная мама,
 а рядом - рядом Он.

Его не помню я,
 но зыбочником слышал
И чувствую - отец.
 За что и ты коришь?
Он голосом майора,
 как ворона с крыши:
«Вставай-ка, паренёк,-
 амнистию проспишь!»

Поистине во сне -
 чудесное виденье:
Отец и мать со мной
 в критический момент;
Но в память наяву
 ложатся смутной тенью
Их образы родные,
 как в лучах сквозь тент.

Их вещая увязка
 с событием реальным -
Паренье благодати
 на юдоль мою:
Прошёл я ад, чистилище,
 но голосом прощальным
Свободу дарят мне -
 как ангелы поют.

6

В лучах сияет Солнце.
 Небо без предела.
Да крыльев не хватает
 плыть в голубизну.
Я вышел на свободу
 в восторге оголтелом,
Готов поверить в бога,
 готов обнять страну!

Ни помыслов, ни чувств
 о прошлом и грядущем:
Лишь этот яркий миг -
 «Свободен я!» - в башке.
Но где-то в подсознании
 завидую идущим
Плечом к плечу с улыбкой
 и рука в руке.

А я один на свете -
 негде притулиться:
От брата только с фронта
 весточка была,
От Лиды ничего -
 высохла криница
За пару долгих лет
 и мохом поросла.

А давние друзья
 по университету
Умчались кто куда,
 дипломы получив;
От них давным-давно
 ни лиха, ни привета,
Из жизни их я вышвырнут,
 как камень из пращи.

Раздумья прервались
 неприятной встречей -
Тот самый «фараон»,
 что в новый ад вовлек,
Вдруг руку подаёт:
 «Здорово, человече!
Прошу вас заглянуть
 ко мне на огонёк».

Закатными лучами
 Солнышко прощалось.
Мой поезд только завтра.
 Баклушить до утра?..
Да чем не шутит чёрт..
 Испуганный сначала,
Я принял приглашенье:
 «Нет худа без добра».

Приветлива, мила
 дородная хозяйка,
Но Трайтель тут зачем
 в кресле у окна?
Мерещится подвох,
 коварная утайка;
Я вновь насторожён,
 натянут, как струна.

«Сегодня день субботний, -
 буркает хозяин, -
мой батя в огороде
 баньку чепурит...»
А я совсем потух -
 всюду неприкаян,
Здесь тоже неуместен
 странный фаворит.

Начальник пересылки
 зорок и психолог,
Настрой неадекватный
 сразу уловил:
«Забудем на часок
 гулаговскую школу,
Ты вольный гражданин,
 товарищ Михаил».

«Пора и нас понять:
 на службе, как в спектакле,
Мы в рамках ампула
 играем свою роль;
Другое дело - метод:
 так ли всё, не так ли
Ласкает струны под смычком
 наша канифоль».

Изящно учтено
 моё пристрастие к скрипке.
Но сведенье о том
 где Трайтель получил?
«Пиликал сам порой, -
 расплылся он в улыбке, -
А о тебе нач. КВЧ,
 мой шурин, говорил».

Да, в День 8-е Марта
 и в прошлый День Победы
На струнах мои пальцы
 пели о судьбе...
Хвалил меня тот «шурин»,
 а потом и предал,
И вот он на порог -
 а мне не по себе.

Но банька горечь смыла,
 с прошлым примирила;
Я веником - его,
 он веником - меня.
В застольном разговоре
 дохлую кобылу
Сменили на живого
 резвого коня.

Коль скоро пропустили
 рюмочку, вторую,
И в голове приятный
 зашумел туман, -
О жизни, о политике
 развязанно толкуем,
Но помним, что бывает
 горе от ума.

За шесть минувших лет
 не нюхал алкоголя,
А тут хлебнул на тост
 и сразу захмелел,
Не помню, как орал
 от накипевшей боли
За сгубленную юность,
 рабство, что терпел.

Кошунствовал вовсю,
 обвиняя бога:
Уж если где ты есть -
 повернись лицом;
Всеведущ, всемогущ -
 так помоги немного
Не будь рабовладельцем -
 будь для нас отцом!

А за одно хлестал
 изысканною бранью
Земных дурных богов
 и глупых боженят:
Везде с оскалом волчьим
 их головы бараньи,
Всегда, в таком же духе
 повадки их ягнят.

Мой поезд, чуть рассвет,
 мчит меня на запад;
Прохладненько в купе,
 но тепло в душе:
Дождался своего,
 свободного этапа,
И провожали с лаской,
 приветом - не взашей.

Машиною казённой
на станцию подброшен -
Сам Трайтель посадить
на поезд приказал;
А те, где гостевал,
подкинули мне «грошей
И снеди узелок» -
прямо на вокзал.

В оконце даль видна
с бегучим перелеском,
Над ним восходит Солнце
в голубую высь,
Порою ослепляет
отражённым блеском
Из встречных водоёмов
в кружевах травы.

А в голове былое -
жизнь в недавних сценках,
И в зоне и за ней
всему двойной портрет;
Раздумный пересуд
в крутых переоценках:
Враждебных «фараонов»
не было и нет?

Всего-то только «служба»,
«амплуа» и «роли»,
А сущность человека, -
когда он без удил;
Со мною то же: там -
не человек, а кролик,
Но здесь вот, на свободе, -
«товарищ Михаил».

Фрейд Зигмунд, несомненно,
прав наполовину,
Его догадка устремлённость
воли не учла;
Народы мира повествуют
мудростью былинной:
Высоконравственный герой
всюду как скала.

А «фараоны» не герои -
так себе людишки,
За всё содеянное бог
будет им судья, -
С скептической улыбкой
плёл свои мыслишки
В вагонной шумной суете,
засыпая, я.

9

Уральская земля.
Баженово - посёлок.
Последнее письмо
от Лиды с этих мест.
Ищу её - моей судьбы
памятный осколок:
Мне до сих пор она
невеста из невест.

Назвать её женой
по большому счёту
Нет практики и прав
на это у меня;
А в зоне для свиданья
брак наш по расчёту
Не больше, чем пустая
сбруя без коня.

В сторонке у берёзы.
затенённый кроной
Уютно разместился
домик в три окна.
Не этот ли «коттеджик
с крышею зелёной, -
Как писала Лида, -
где живу одна»?

Последнее письмо.
В нём высказано горе:
«Родителей не стало -
много мук и слез;
А тут ещё недуг,
послали в санаторий,
Пришлось газету бросить:
прижал туберкулёз».

Лечилась и осталась
как библиотекарь:
Продлить лечебный курс
советовали ей.
Природная среда -
великолепный лекарь,
Как синева небес
для стаи журавлей.

Гляжу через заборчик
и глазам не верю:
На крошечном крылечке,
подвернув подол,
В косынке синей Лида
у раскрытой двери
Возюкается с тряпкой -
домывает пол.

В калитку прошмыгнул,
на цыпочках к крылечку
И тенью сзади Лиды
на блики солнца лег.
- У вас мне не найдётся ль
скромного местечка
Немного отдохнуть
от тягостных дорог?

Мой голос был игрив
и вряд ли адекватен
И просьбе, и окраске,
обычной для меня.
Но Лида встрепенулась,
в рябеньком халате
Похожая на курочку,
что квохчет у плетня.

Её и эту курочку
мой голос взбудоражил,
И обе закудаhtали
громко, в унисон:
- Откуда и куда?...
Какие тут пассажи?
Куда ты и откуда?
А может, это сон?...

Объятыя, поцелуи,
а потом - застолье;
На бурные вопросы -
сдержанный ответ:
Пальто мужское, шляпа
отдаются болью
В моём щемящем сердце,
в смутной голове.

- Да, замужем, два года, -
 обрывает Лида
Внимательный мой взгляд
 на вещи муженька.
- Пойми меня, как надо,
 без горестной обиды:
Жизнь наша быстротечна,
 а юность коротка...

- Мы тут сошлись недавно.
 Он доктор санаторный,
Хотя знакомы близко
 с юношеских лет;
Давно он полюбил,
 преследовал упорно,
А здесь предотвратил
 уход мой на тот свет.

Шампанское вино
 развеяло досаду,
В застольном разговоре
 не звучал укор:
- Я в письмах сам велел -
 ждать меня не надо,
Но теплилась надежда,
 что ждёшь ты до сих пор.

- Да, видно, не судьба.
 Расстанемся друзьями.
Сегодня здесь, а завтра
 буду далеко.
Всегда беду встречаю
 с открытыми глазами.
Башку не прячу под крыло.
 А это не легко.

Завечерел денёк
 моментом щекотливым:
В ночлеге как нам быть,
 лечь в одну кровать?
Телесное желанье
 бесёнком похотливым
Усиленно влекло,
 но сердце - «Не бывать!»

Не только потому,
 что гонор этикетный
Во мне заговорил
 и наложил запрет:
Представил я себе -
 нежданно, незаметно
Хозяин с электрички
 утром, чуть рассвет.

Не обязательно точно
 его командировка
По сроку от и до.
 А вдруг короче срок?
А вдруг на подозренье
 жена его, плутовка,
И он спешит домой,
 и вот он - на порог?

Своим соображеньем
 поделился с Лидой;
Та, молча подхватив
 постельное бельё,
Помчалась на чердак
 с оскорблённым видом:
- Переночуешь там,
 коль тесно здесь вдвоём!

Ворочаюсь без сна
на тесной раскладушке:
И хочется, и колется,
и душа скулит;
И шепчет мне листва
берёзовой макушки:
«Какой же пентюх ты,
остался на мели...»

Одолевает сон
уже перед рассветом,
Когда в посёлочке
запели петухи.
Уснуть бы навсегда,
расслабившись. Да где там!
Ко мне прокралась Лида
замаливать грехи.

Всё было, как всегда, -
и ласки и боренья;
Расстались, когда в шелку
глянул первый луч.
У Лиды выходной -
сегодня воскресенье,
Спустилась поухарить
и позвать к столу.

Я будто задремал,
смущённый и усталый,
Чтоб Лиду обмануть
и сделать верный шаг:
Убраться незаметно,
хоть куда попало,
Не быть на поводу,
как взнузданный ишак.

Нелепо тут гостить,
ждать - вот-вот нагрянет
Хозяин-муженёк,
вернувшийся домой;
Себя избавлю, Лиду
от возможной брани,
А ей, благоустроенной,
не по пути со мной.

Спустился втихаря -
ни слова, ни записки.
Вещичек - кот заплакал:
всё при мне моё -
И скромно, так сказать,
на манер английский,
Не простившись, упорхнул
шустрым воробьем.

10

И вот опять Свердловск,
успехов моих город:
Здесь университет
когда-то приютил,
Здесь сладостно встревал
в боевые споры,
Здесь встретила Мария -
крепко полюбил;

Здесь милые друзья
со мной ютились рядом,
Здесь Софа-чаровница
ближе всех, милей,
Здесь творческий подъём -
лучшая награда,
Толкнувшая меня
в прорву лагерей.

Журнальчик «Накось-выкусь» -
отступ переломный,
Успех на поражение,
связанное с ним,
Начало подавления
властью вероломной
И тела и души -
терзаем и гоним.

Как ныне строгий город
примет бедолагу,
Который честно отдал
Сталину должок?
Полдюжины проглочено -
юных лет Гулагом,
И молодость растаяла -
розовый снежок.

Но выветрить её
до предела трудно,
И верой увлеченье
дремлет про запас;
А без неё живётся
скудно и паскудно,
Как будто наизнанку
вывернули нас.

Я с верой и надеждой
в альма-матер прытко:
Конечно, безотказно
вновь усыновит!
Да всё наоборот -
заперта калитка:
«Нет ваших документов», -
ректор говорит.

Исчезли, испарились!
Как могло случиться?
Припомнился арест,
тучный генерал,
Ещё протоколист
и другие лица,
А главный на допросе
папочку листал.

И уточнял вопросом
«фактики», «моменты»,
Сверяя с текстом в папке
каждый мой ответ
С ворчаньем про себя:
«Глупые студенты!...
Ох, пчелиный рой -
университет!...»

- Так что же делать мне? -
ректору вопросик.
- На первый курс извольте.
Где ваш аттестат?
- У чёрта на куличках!
В КГБ подбросил
Аппаратный ваш
какой-то супостат.

Поведал раздражённо
то, что вспоминалось,
Потом шагнул к двери -
хватать её ногой!...
- Ваш кадровый отдел
работал как попало,
Транжирил документы,
а я теперь изгой.

И пасынком поплёлся -
вдрызг обескуражен:
Родная альма-матер
выперла меня!
Распутье-перепутье...
кинуться куда же?
Здесь прежние друзья -
вся моя родня.

Подался по привычке
к «вечному студенту»,
Миткевичу Борису, -
новый Агасфер:
Он в университете,
чуть ли не с момента
Открытия его -
верности пример.

Общителен Борис,
во многом - заводила:
Когда-то орден Бахуса
славно возглавлял,
В «Союзе семисердом»
разводящим был он,
И ловко «Накось-выкусь»
в «массы» поставлял.

Но как-то получилось -
избежал гонений;
Топили, но сухим
он вышел из воды.
Поэтому порой
под тенью подозрений
Его воспринимали
участники беды.

И вот я у него.
Встречен благодушно,
Но с каверзным сюрпризом:
Лида ждёт меня.
Укором начала,
я выслушал послушно
И отповедь в ответ:
«Нет дыма без огня!»

«Куда ни поверни -
плутни очевидны;
Ведь я просил: уйдёшь -
кинь мне письмецо;
А встречи воровски
неловки и обидны,
Как будто походя по ветру
плюнули в лицо

В беседе постепенно
примирились с фактом:
Наш поезд укатил,
былого больше нет.
А главное теперь -
добиваться как-то
На прежний курс попасть
в университет.

И тут, как дар, улыбчиво
беспроегрышным шансом
Вручает Лида мне
зачёточку мою,
Тем самым подаёт
заранее, авансом
Надежду на успех
в решающем бою.

Я в книжице зачётной
весь как на ладони:
Усердность и стремленье
оценками даны;
По ним я «хорошист»,
а не вор в законе,
Достоинства мои
на первый взгляд видны.

С достоинством таким
везде имею право
Настойчиво трезвонить
во все колокола:
На ректора Чуфарова
я найду управу -
Взнуздают, подхлестнут,
натянут удила.

11

Сперва в обком иду.
Но - стоп! Не тут-то было,
Как каменный барьер, -
дежурный «фараон»:
«Куда? Зачем? - спросил
с улыбкою застылой. -
О пропуске звоните...
Вот вам телефон».

Ответом на звонок
вопросик басовитый:
«А кто ты и откуда?
И без лишних слов!»
Коробит «ты», как будто
говорит с бандитом;
Такие и повадки -
какое ремесло.

Замечена давно
дурная порча властью:
Заносчивей становятся,
чем выше потолок,
Особенно глупцы,
пролазные, к несчастью,
И каждый ловко доит
уютный свой шесток.

А власть, как и богатство,
жёстко разделяет
Стезёю иерархии
на разных этажах:
Кто ниже, тот в узде,
кто выше, - управляет,
Но в очередь свою -
и взнуздан, и в вожжах.

На разных этажах
по-разному и доят
Униженных просителей,
зависимых от них;
Коррупция стара,
колючей бороною
Щекочет без разбора
своих и не своих.

В таких делах не жди
порядочной культуры,
Взамен её всегда -
пакетный чистоган
Под соус анекдотом
на тему шуры-муры
Скабрезным языком,
чем блещет хулиган.

По сути проститутка -
взяточник чиновник:
За длинные рубли
и честь и долг - под хвост;
У этого и той -
не по любви любовник:
Им может быть любой
богатенький прохвост.

Недаром говорится -
мысль быстрее света,
А истина порою
прячется в вине...
Ах, сколько рассуждений
в мозгу роилось где-то,
Пока по телефону
мораль читали мне!

Обкомовский чиновник
тарабанил в ухо:
«У нас не привлекают,
не судят невзначай.
А ваш журнальчик, видно,
был враждебен духом;
Считаю, всё как надо:
нашкодил - получай».

Логично будто всё -
посылки, заключенья...
Да только нет участия,
хоть капли от души.
Он муторно долбил
свои нравоученья:
«Иди-ка поработай...
На суд наш не греши».

«А через два-три года
будет интересней
Об университете
с тобою говорить:
Покажешь, чего стоишь,
какие поёшь песни
И чем нас за услуги
можешь одарить».

Вальяжный голосок
ещё дундел под ухо,
А я от мутных слов
уже по горло сыт;
Ей-богу б, придавил,
как муху-цокотуху,
Речистого хлюста,
что за стенами скрыт.

Он, видите ль, готов
продлить на два-три года
И так уж затянувшийся
от жизни мой отрыв.
Я ж сверстников догнать
обязан скороходом:
Мой в этом ныне главный
болевой нарыв.

Он, видите ль, готов
«одариваться» нищим,
Который в два-три года
что-то наживёт;
Он выгоду свою
любой уловкой ищет,
Ко власти приспособив
жирный свой живот.

Досадою и гневом
сердце запылало,
И жаром обдало -
покраснел, как рак...
По тумбе трубкой - бах! -
хваткою нахала
И матом про себя,
а вслух - «Какой дурак!»

Дежурный подскочил:
такое неуместно!
Просителя схватил
за хлястик на спине
И кнопочку нажал...
Откуда - не известно
молодчики взялись,
скрутили руки мне.

С усердьем, но без трёпки,
выявляли личность:
Отпетый лагерник! Такому
снова бы в острог,
Да хулиганил мелко -
в рамках «неприлично»;
Для штрафа нищ и гол.
Не лучше ль - за порог?

«Свердловск - уральский центр.
Таким, как ты, не место;
Назавтра чтобы не было
и духу от тебя!
Не выполнишь приказ -
не избежишь ареста», -
Заверил капитан,
бородку теребя.

Побитым псом поплёлся -
дальше б от обкома.
И город будто в трауре,
меркнет ясный день.
Свобода началась,
как блин неладный, комом:
В правах я ограничен -
по-прежнему в узде.

Куда податься мне?
И на шиши какие?
В вагон придётся зайцем
под самый потолок;
махну-ка в Петропавловск...
Помыслы благие:
Семёнов Саша там -
мой лагерный дружок.

12

Не принесла удачи
заячья ухватка -
Узрел под потолком
билетный контролёр:
«Слезай-ка, молодец,
не нарушай порядка;
Ты, видно, безбилетный
ловкий гастролёр».

Ухмылисто повлёк
на должную расправу
В казённое купе,
где должный «фараон».
Я в тамбурную дверь,
открытую направо,
По ходу поезда
рванулся под уклон.

Летел, катился кубарем
в плесенную жижу,
Что буйно расцвела
вдоль насыпи в воде...
Очухался и ахнул:
лешим себя вижу -
С кудлатой зеленью
на лбу, на бороде.

Туман вокруг стелился,
солнце на закате,
Кустарники вдали
уже едва видны.
Придётся шастать ночь
в мокром грязном платье,
Неряшливый бродяга
на вид со стороны.

Поближе бы найти
стожок или копешку,
Зарыться бы в неё
часиков на пять.
А там, глядишь, рассвет,
обсох бы понемножку,
Почистился, помылся
и к поезду опять.

Задумки хороши -
случилось всё иначе:
Навстречу дрожки мне,
чуть вышел за лесок;
И тащит их рысцой
серенькая кляча,
А резво понукает
женский голосок.

Судьбою дан мне случай.
Да как же появиться
В предверьи ночи лешим
и в такой глуши?
Как вид свой объяснить,
убедить возницу,
Что тихий человек я
и простой души?

- Позвольте вас спросить! -
я начал осторожно
И паузу держу,
жду отклика в ответ.
Но слышу всплеск вожжей
и голосок тревожный:
- А ну, пошла быстрей!
Управы на вас нет...

- Управы на кого?
В упряжке одна лошадь...
- Прошу не приставать,
берданочкой пальну.
- И так вот ни за что
хотите укокошить?
- Сказала вам - отстаньте,
а то не промахну.

Отметил про себя
акцент интеллигентный,
А также обращенье
не на«ты» - на «вы»;
Подчёркнуто сказал
об этих двух моментах
И - «видно, родились вы
на берегах Невы».

Рысцой бегу во след,
но на расстоянии -
Унять бы боязливость
под лёгкий диалог.
Наверно, удалось
шутливым замечаньем:
- Возьмите пристяжным,
охотно бы помог.

- Тпру! - возглас прозвучал
следом приглашение:
- Садитесь, подвезу.
Вам, собственно, куда?
- Спасибочки, мадам,
за Ваше разрешение,
Мне в город Петропавловск.
Разве вы туда?

В забаву мой вопрос,
ответик в том же духе;
Как мячик вперекид -
словесная игра:
Жужжали вперевой
две большие мухи,
И вот всерьёз беседа,
пришла её пора.

Я кратко рассказал -
кто такой, откуда,
И в чём моя беда,
и как попал сюда.
Поведала она
о давнишних причудах
В блокадном Ленинграде
в военные года.

Отец был генералом
в воинских структурах,
В защите города командный
строгий пост держал;
Когда, как мошки, прочь неслась
вся номенклатура,
Своей семье в тылы бежать
он не позволял.

И дочь его, студентка
университета,
С братвой своей всегда -
«на линии огня».
Рвались вокруг снаряды
фейерверкною ракетой,
Пылала ночь огнём -
не отличить от дня.

Отец погиб от пули,
мать - под мощным взрывом,
Дежурство «на задах»
Наташеньку спасло,
Хоть ранило в затишке
во время перерыва
Бомбёжек и обстрелов.
И всё же повезло.

Друзья ей помогли
вырваться из ада -
Попутной самоходкой
прямо в Шлиссельбург
По узкому пути,
где прорвана блокада,
А из объятий смерти
вырвал там хирург.

Потом эвакуация -
с подругой на Урале,
В далёкой сельской школе
робкий педагог;
А через пару лет
«директоршей» назвали -
Полна жизнь суеты,
заботы и тревог.

Порыв после войны -
в родной далёкий город,
Да что там ей одной -
без матери, отца?
Без них и без друзей
там никакой опоры,
А здесь везде своя -
у каждого крыльца.

- Директор школы вы
и даже без диплома?
- Учусь, и на последний
курс перевели.
- А что так затянулось?
Ведь Вы учились дома.
- Учёбу в Ленинграде
вовсе не учили.

Вот так-то и со мною
в университете:
Потеряны бумаги -
потеряно лицо
Непросто искаженья
устранить в портрете,
Когда тебя малюют
чуть не подлецом.

Центральная усадьба
какого-то совхоза.
На школьный дворик нас
лошадка привезла.
Темнеет. Гром и молния
сулят свои угрозы
Притихшим старожилам
крупного села.

В кладовочку поспешно
занесли пакеты;
Учебный школьный груз
не ахти какой:
Мел, книги и тетради,
карты и портреты, -
До «первого звонка»
уже подать рукой.

«Директорше» спасибо -
провела в ночлежку,
В буфете заказала
ужин на двоих;
Тут милый голосочек
сыплется орешком:
«Большое сходство в бедах -
Ваших и моих...»

«Мы оба без родителей,
оба без диплома...
Оторваны от мест,
где родились, росли...
Разрушено гнездо
родительского дома...
Живётся неуютно
от него вдали...»

Я глупо пошутил:
«Расплакаться нам впору».
Улыбчивой обиды
искорка в глазах.
Нежданно предложенье
с волевым напором:
«Идите к нам учителем,
сиротка-егоза».

Серьёзным предложеньем
польщён и озабочен:
Вдруг знанье растерял
в выемках дорог!?
Но утро мудренее
вечера и ночи, -
Быть может, намекнёт
решение сам бог.

С тревогою спалось -
раздумья и догадки:
Жизнь в странном повороте
как-то невзначай;
Придётся согласиться
с новым распорядком -
К Семёнову лишь в гости:
здравствуй и прощай.

Директорша Наташа
по-свойски проводила
До станции Лебяжье
с попуткой грузовой,
Деньгами на билет,
провизией снабдила;
Теперь как пассажир
я не чужак, а свой.

Как встретит Петропавловск?
Помнит ли Семёнов?
Не девичья же память
у Саши-молодца!...
Как после баньки спал
под стук колёс вагона
И видел сон: Семёнов
встречает у крыльца...

Застолье, как положено,
расспросы и рассказы,
Но вот зачем у Саши
в кулаке стилет?
Он им пырнул в плечо -
вскакиваю сразу...
А на плече рука...
И голос: «Ваш билет».

Очухался спросонья
и расхохотался,
Чем батю-контролёра
очень удивил;
Он пасмурен, как осень,
но заулыбался,
Когда ему уверенно
билетик предъявил.

13

Ну, здравствуй, Петропавловск,
многолетний город!
Созвучен и ровесник
Питера почти;
В округе перелесков
и степных просторов
Пристанищем явился
на моём пути.

Пристанищем недолгим,
 пробным для начала,
Потом - на всю мою
 оставшуюся жизнь.
Отчасти потому,
 что удивлён вокзалом:
Цветами разукрашены
 перрона рубежи.

По всей стране развозят
 пассажиры сказы
Об этой красоте
 перрона твоего;
Шутливый афоризм
 возник, наверно, сразу:
И город сам на «п»
 и прелести его.

А прелестей немало,
 если присмотреться:
Перрон, и парк, и пиво,
 подгорье у реки,
Где даже в сентябре
 понежиться, погреться
На солнечном песочке
 могут рыбаки.

Мне нужен институт
 с учительским уклоном:
Семёнов как историк
 там преподавал.
Доставит паровозик
 с маленьким вагоном,
Что ёрзает по городу
 с вокзала на вокзал.

Конечно, подсказали
 адрес мне коллеги,
И друг меня приветил,
 как родная мать;
Но я - не гость сюда
 и не ради неги
В беседе умилённо
 с ним время коротать.

Застолье на дому
 продлили в ресторане,
Семёнов закадычных
 пригласил друзей;
Всё виделось хмельному
 словно на экране,
Я даже петь пытался,
 пьяный ротозей.

Понравиться хотел
 Семёновским парням:
Устроиться помогут
 в центре областном,
Хоть знал заранее,
 что мне, как и бродягам,
Здесь право на прописку
 вовсе не дано.

У каждого из нас
 клубок противоречий:
«Природа такова», -
 заметил древний грек
О фактах диалектики
 в своей эфесской речи,
Когда сравнил мышление
 с теченьем горных рек.

Вот я - не помышлял
нарушить обещанье
Директорше Наташе
вернуться к сентябрю,
Но сразу вдруг затеял
«бурное деянье»,
Чтоб в центре областном
приветствовать зарю.

«Приветствовать зарю»
как таинство природы
И как моей судьбины
новый поворот.
Надеюсь на удачу -
какие мои годы!
Быка бы за рога
да стрелой вперёд.

Азартом не пылал,
но рвался откровенно
Подобно Растиньяку
вынырнуть и всплыть.
С одной бедою справился -
вырвался из плена,
Другая на горбу:
я - дворник без метлы.

Моя метла скромна -
учительствовать в школе,
А получить её
могу лишь в облоно;
К зав. кадрами иду,
по чьей чиновней воли
Какое место, где
будет мне дано.

В приёмной никого,
открыта дверь отдела,
Пытаюсь заглянуть -
у зеркала Она;
Поправила причёску
и за столик села
С букетом на столешнице
зелёного сукна.

«Позвольте на приём ...» -
лопочу я робко,
А сам уже вошёл -
переступил порог,
Шагнул на половик,
серенькую тропку,
И замер истуканом,
слов связать не мог.

Улыбка расцвела
на добром женском лице,
И голос колокольцем:
«Пожалуйста, смелей!
Я знаю всё про вас
и про пост великий;
Семёнов рассказал...
Бывало потрудней».

...Задумалась. Потом
о муже говорила:
Он пал под Ленинградом,
не вынес жуткий ад.
«И богу лишь известно,
где его могила;
Остались письма мне
да мишура наград».

Неловкая заминка
в печальном повороте;
В окошко на двоих
глядим куда-то вдаль.
«Вы, кажется, нуждаетесь
в учительской работе?
Но в городе нельзя...
Конечно, очень жаль».

«Из-за поста великого?» -
вопрос мой неуместен,
Но вырвался невольно -
из клетки воробей.
«Режим прописки есть,
вам тоже он известен;
Так будем выполнять.
Зачем дразнить гусей?»

Ближайшее село
мы выбирали вместе;
Она со знаньем дела,
а я лишь пристяжной.
Рукой подать у города
колхозное поместье,
В нём школа-семилетка,
что станет мне родной.

Приём мой завершён,
в кармане назначенье.
«Удачи вам», - сказала
и руку подаёт.
Приливом благодарности
или другим влеченьем -
Припал к руке губами,
и душа поёт.

Нет, я не Дон Жуан
и здесь не кавалерил,
Особые симпатии
в порыве не питал -
Без выгод и корысти
в доброту поверил,
А это очень важный
в жизни капитал.

Он был и остаётся
всюду на примете -
В семейной, социальной
жизни, на войне.
В любви рождаются,
добром возрастают дети,
И виновата власть,
когда они - на «дне».

В сиротские мои
младенческие годы
За беспризорство круто,
с добротой взялась,
Когда ещё близка,
добра была к народу
Советская, от плоти плоть
своя, родная власть.

А в отрочестве, помню,
веянье иное -
Перелицовка власти -
охота на «врагов»:
И дети и отцы
в холоде и зное
Изгоями гнались
из собственных домов.

А как теперь, - узнаю,
поработав в школе:
«Счастлиное» ли детство,
как всюду трубят
Трибуны и газеты
по кремлёвской воле, -
Увижу наяву
по глазам ребят.

14

Колхоз и школа-семилетка
имени Джамбула.
Директор школы Веселов -
на селе парторг.
Отвёл меня на край села
в какой-то закоулок
И поселил у тётки Фёклы
в домик, словно морг:

Приземистый и глинобитный
с окнами во дворик,
Внутри две комнатки-клетушки,
в сажень разворот;
Зато за двориком на юг -
берёзовое море,
И озерцо на западе,
в притыке - огород.

Природы первозданной
веяло веленьем,
Толстовского Ерошки
одолеет настрой -
Готов молиться роще,
склонившись на колени,
Лик озера расцеловать,
аукнуться с горой.

Любовь к природе разных форм
тревожит постоянно,
От этого - поэзия
и музыка в душе...
Уроки первые веду
не по учебным планам, -
Пою стихи для пристально
внимательных ушей.

Хочу художественным словом
тронуть сердца струны,
На их звучаньи - разуменья,
пестуя, взрастить,
Вводя свободно, без напора
знаньем, в мир подлунный,
Куда желание влечёт
и радуется в пути.

Моё новаторство сперва
коллег насторожило,
Потом о нём наметился
меж ними и разлад:
Всё неуставное проходит
жёсткое горнило,
Пока придёт его пора
явиться на парад.

Мне в этом явно повезло.
Моментом переломным
Стал неожиданный приезд
самой зав. районо;
Ко мне всего на три урока
напросилась скромно
И с похвалой отозвалась:
«Вот так и быть должно!»

У похвалы две стороны -
и честь и назиданье:
Пока одобрена заявка
и на первый взгляд;
Теперь добейся результатом
веры, оправданья
Своей новаторской методы,
милой для ребят.

Тяжёлый груз - быть на виду:
уроки все открыты,
На каждом кто-нибудь да есть -
коллеги по труду;
Одни - улыбку с похвалой,
другие - взгляд сердитый,
Побывши на уроках,
кидают на ходу.

Большой январский педсовет
оценке посвятили
Успехов, промахов моих.
Но прежде - мой доклад.
Его я преподнёс
в беллетристичном стиле,
Логический фундамент
в нем сух и маловат.

За эту слабость ухватились
яро оппоненты,
Нашлись и те, кто вперекор им.
Вспыхнул диалог:
- Научной базы не хватает
недоученным студентам...
- Зато на практике показан
неплохой итог...

- А этой практике всего-то
без году неделя...
- Тем паче явны достиженья
за короткий срок...
- При мне вокруг да около,
вскрыть тему не успели...
- А вот при мне, наоборот, -
насыщен был урок...

Тут председатель педсовета
перепалку срезал:
«Где ваша, милые коллеги,
речь по существу?
Пора забыть уроки нам
на уровне ликбеза,
А душу, разум развивать,
как дождичек листву».

Отметил главное в моей
системе и структуре:
Мой эстетический уклон
уроков языка,
Мой лингвистический анализ
на литературе;
За недочёты на уроках
пожурил слегка.

Одобрен опыт в основном -
сбыть бы недостатки:
Контроль ослаблен на уроке -
главный мой порок,
Порой занятия идут
в структурном беспорядке,
Бывает, тематически
не завершён урок.

Моя забота шлифовать
свои методнаходки;
За делом некогда скучать,
когда плоды видны,
Тем более зимой
в рабочий день короткий.
Зато тоскую в праздники
и по выходным.

С коллегами по школе
не ищу общенья:
Как женская община,
у нас педколлектив;
Не вижу ни одной,
достойной увлеченья,
И как-то не тревожит
меня такой мотив.

Поэтому зимой -
на выходные в город,
Как правило, пешком
в погожие деньки,
В компанию Семёнова,
что надоело скоро:
Там чаще в кутежи
играют мужики.

Хоть с кем такое не по мне
времяпровожденье:
Зачем дурманить голову?
Для дел она нужна -
Во времени их спрессовать
велит моё стремленье,
От поколения отстал,
но не моя вина.

В мечтах кратчайшая тропа
за временем в погоне
К заветной цели - по прямой
и даже напролом.
Чтоб снова стать студентом, -
как билет в вагоне,
Мне нужен аттестат -
заявка на диплом.

Иной и лучший вариант -
опора на «зачётку»:
В ней сказано - на пятый
курс переведен;
К министру обращаюсь,
разъясню всё чётко, -
Рассудит правильно,
поймёт и уладит он.

15

В мечтах всё так, а как на деле?
Нелегко, наверно...
Но мне помог Семенов,
свойский дипломат -
В заочной школе прикрепиться
в качестве экстерна,
Чтоб сдать экзамены весной
на новый аттестат.

Неимоверно мне трудна
зима больших нагрузок:
В двух ипостасях нахожусь -
учу и сам учусь;
Уклон филологический
односторонне узок,
Мне одолеть бы все предметы -
горы сворочу!

На цикл естественных наук
нацелился упорно,
В математические дебри
смело проникал,
И в результате урожай -
золотые зёрна:
По всем указанным предметам
только высший балл!

А вот филологический
письменный экзамен
И процедурно скомкан,
и результатом мал;
Считал, что одолею
с закрытыми глазами,
А получилась «удочка», -
чего не ожидал.

Тут как ни объясняй -
провал мой поневоле:
Экзамены совпали -
и мой и у меня;
С утра экзаменую
ребят в Джамбулской школе,
И к сочиненью припоздал
на исходе дня.

За полчаса и кое-как
в черновом наброске
Состряпал сочиненьице
под сдачу в аккурат;
Судите как угодно,
объёмно или плоско, -
Я должен проскочить:
мне нужен аттестат.

И вот он на руках -
торжественно вручали
В ответственном присутствии
гостей из облоно;
Парад по протоколу -
казёнщина вначале,
Потом «обмывка» в ресторане,
как заведено.

Конечно же, Семёнов -
главный заводила,
Подружка с ним, дружки,
а также пригласил
Из облоно завкадрами -
по-французски мило:
«Пожалуйста, извольте,
ля бель дам, мерси...»

Она из тех, кто даже
при случайной встрече
Оставит след в душе,
в желаниях, в мечтах.
А я сегодня неслучайно
провожу весь вечер
В присутствии её
на дружеских правах.

Права подкреплены
улыбкою и словом,
И крепким поздравительным
пожатием руки
Под звон хрустальных чаш
при чёканьи весёлом,
Когда провозглашали
тосты кунаки.

Тост лучший от неё:
«Пусть милуют удачи,
Но направляет сам
свой жизненный полёт,
Который на сегодня
так успешно начат,
И пусть не встретит вновь
опасный поворот!»

В застолье, как всегда,
остроты, анекдоты,
Смесь смеха в разноречивой
и песенных начал...
«Для счастья человек,
как птица для полета!» -
Вдруг фразой Короленко
я мутный гам прервал.

И горький перегар
вина, тоски, обиды
Я выплеснул в недавних
собственных стихах,
Что радостно писал,
но не прочёл для Лиды
В последнее свиданье -
отвергнутый монах.

«Да, каждый человек
живёт не для печали:
В подлунном мире радость
человека ждёт.
Но сколько неудачников,
которые искали, -
Не встретили её!
И сколько - не найдёт!»

«Когда в пути встречается
нечаянная радость,
Кто вправе упустить
её из тёплых рук?
И трижды счастлив тот,
кто через все преграды
Прорвётся и обнимет
радость, как сестру».

«Я верю - это ты
назначенная Доля,
Я знаю - для меня
не может быть другой.
И цепи пусть звенят,
и мучает неволя -
Я счастлив, потому
что ты во мне, со мной».

«Я в будущность смотрю
и зорче и смелее,
Прорвусь, перешагну
любые горы лет
И, любящий, явлюсь
поздравить с юбилеем,
С надеждою спросить -
я нужен или нет».

«Ответишь, я пойму...
Но если буду нужен, -
Вся молодость души
ко мне вернётся вновь;
И я клянусь тебе,
что буду лучшим мужем,
Что подарю тебе
и лучшую любовь».

16

Мой выпад удивил
 партнёров по застолью,
В тревожном ожидании
 притушен смех и гам:
А я опять стихи,
 воссозданные болью
Расстроенной души
 с надеждой пополам.

Надежда на вниманье,
 глазастым интересом
Направленным к моей
 персоне под хмельком.
Нет, не кураж во мне,
 не выверты повесы, -
Увидела она
 трагический синдром.

Рукою повела,
 слегка плеча коснулась,
И будто мы вдвоём -
 все где-то в стороне, -
Вполголоса представилась,
 мило улыбнулась:
«Пойдёмте танцевать», -
 вдруг предложила мне.

«Таисья Александровна, -
 назвал официально, -
Простите, приглашенье
 ваше не по мне:
Я в юности болел,
 теперь учиться поздно;
Партнёр я никудышный
 по своей вине».

И всё же увлекла
 изящным реверансом
Под танговые ритмы
 к танцующим в фойе;
Хоть как-то соответствовать
 никакого шанса,
Плетусь в её объятьях
 в странном забытье.

Стараюсь в ритм попасть,
 передвигая ноги,
На туфельку её
 не стать бы невзначай;
Но в па и поворотах
 уверенный и строгий
Я чувствую напор
 рук тёплых на плечах.

То «Лунная рапсодия»,
 а то вот «Рио-рита»,
Фокстрот по прыти ритма
 ярче и резвей...
Смущённый, поневоле
 вхожу в роль фаворита
Ведущей в танце дамы,
 во всём покорный ей.

Забыли про застолье -
 вопросы и ответы...
От музыки шагнули
 в полуночную тишь
С взаимным откровеньем
 о крутых приметах
Двух наших биографий,
 о чём не умолчишь.

Моя - как на ладони,
читателю известна,
Её - в ином стандарте,
по-своему крива:
Обычная девчонка -
в семнадцать лет невеста,
А в двадцать три - солдатская
с двумя детьми вдова.

На фронте муж погиб,
в боях под Ленинградом,
На Пескарёвском кладбище
остался на века;
На память - его дети,
да письма, да награды,
Да ранние седины
в причёске у виска.

В придачу - одиночество,
ужасное в расцвете,
Когда любви и ласки
ждут тело и душа:
Податься в лёгкий флирт
не позволяют дети,
Серьёзная привязанность
приходит не спеша.

Над чувствами тут разум
властвует вприкидку:
Ведь выбор не на встречу -
на святой союз,
Чтоб всюду заодно,
как иголка с ниткой;
По-взрослому мечтала
строить жизнь свою.

Конечно, были встречи,
были расставанья...
Иначе как на свете -
друга обрести? -
Но чтобы без замет
для злого нареканья
Соседей и семьи -
приличье соблюсти.

Обязывал и пост:
учительница в школе,
Потом директор там,
теперь вот в облоно
Инспектор - на виду;
волей иль неволей
Приходится считаться -
так заведено.

Мне исповедь её
излишней показалась,
Поскольку чересчур
в интимный мир вела,
К такому же ответу
тем самым обязала,
А я и не готов
раскрыть свои дела.

Похвастать нечем мне -
гулаговские годы
Болезненной занозой
в памяти торчат:
Приляпали клеймо -
как будто «враг народа»,
Об этом заклеимённые,
как правило, молчат.

Закатная заря
 близка заре восходной,
В конце июня ночь
 предельно коротка.
А мы не замечаем
 потребности природной
Побыть в объятых сна -
 такого пустяка!

Под звёздным куполом
 расслабленные бродим,
Взаимные улыбки,
 словесная игра...
Она вдруг спохватилась:
 «Припозднились вроде,
Уж время за полночь,
 вздремнуть бы нам пора».

И мило пригласила:
 «Пойдём в мою обитель;
Переночуете, а утром -
 каждый кто куда».
Я чуть оторопел,
 промямлил «извините»,
Спросил: «А как соседи?»
 Сказала: «Ерунда!»

При чистой совести -
 решительный характер.
Припомнилась Жорж Санд
 в романе Моруа.
Неужто и во флирте
 она такой же практик?
Об этом общий вывод
 отложим до утра.

Оно и вечера умней
 и ночи мудренее -
Отмечено пословицей,
 как искони велось.

.....
Рассвет не пристыдил
 в постели вместе с нею:
Хоть в комнате одной,
 но чутко спали врозь.

Часть пятая

ТРЕВОЖНЫЙ МАРАФОН

1

О чувстве эстетическом
и нравственном сознании
Философы всегда
твердили в унисон,
Стремясь обосновать
особенность призвания
Земного человека -
богоподобен он.

Весь мир лишь для него
в спектре том и этом,
Цель жизни - идеал
деяньем утверждать:
Морально-эстетически
шлифовать планету,
Чтоб счастьем устранялись
горе и беда.

На уровне глобальном
ясно устремленье,
А вот на социальном -
сложнее уяснить,
Ещё трудней на бытовом,
а в личных отношениях
Таинственно прядётся
связующая нить.

Особенно в любви -
бесценном монолите
Добра и красоты,
животворящем мир
При радужном условии:
искренне любите
И телом и душой
свой подлинный кумир.

Задача нелегка -
соотнести свой выбор
С достоинством, которым
ценен идеал:
Нередко мы клюём
приманочку, как рыбы,
Потом и жизнь не в жизнь -
тоска, раздор, скандал.

Всё это мне знакомо
как выжимка густая
Воспринятых суждений
из опыта и книг.
Заметны чётко крайности,
«середина золотая»,
В обыденность войдя,
тускнеет между них.

Поэтому и мне
зарёй запечатлелись
С Марией, Софой, Лидой
миги встреч, разлук...
Первичное в душе,
вторичное в постели -
«Срединой золотой»
без взрыва грёз и мук.

Таисья Александровна
мне вскоре Тасей стала:
До осени при встречах
лишь на «Вы» мы с ней,
На августовских чтениях
выходки скандала
Нас сблизили на «ты» -
жить стало веселей.

На августовских чтениях
я опытом делился,
Доклад в аудитории
встретили тепло..
Вдруг выкрик озорной:
«Бесплодный отелился!
Сам яловый еще,
а кажет свой приплод...!»

Учительница Юрченко,
что «удочку» вкатила
Весною на экзамене
за сочиненье мне,
Такою злою репликой
не кстати пошутила,
И Тася не могла
остаться в стороне.

Вдруг слова попросила
и проникновенно
Поведала о мне -
откуда, кто и как:
«Оправдан, возвращён
из лагерного плена,
Куда попал на восемь лет
из-за пустяка».

«Но главное не в том,
если глянуть в корень:
Он в деле проявил
новаторский подход;
Обсудим честно - истина
рождается и в споре,
Когда с душою к ней,
а не наоборот».

Но с первых выступлений
 дебаты потускнели:
Весомы были доводы
 свидетельские «за»,
А «против» - голословны,
 немощны в прицеле,
Бесплодным громом слов,
 как без дождя гроза.

Я выглядел героем -
 мой директор школы,
Потом зав. районо
 плеснули похвалой;
Одобрен опыт мой,
 отмечен протоколом:
Достоин для внедренья,
 не вычеркнут хулой.

И Солнце ярче светит,
 и шире круг улыбок,
И видится бывшее
 в непроглядной мгле...
Ах, впредь бы не наделать
 роковых ошибок:
Не гнаться под седлом,
 а быть всегда в седле.

Но не за счёт других
 или простой удачи,
А собственной смекалкой,
 творческим трудом.
По совести своей
 я не могу иначе:
Ведь на халтуре жизнь,
 как на песочке дом.

Заступничество Тази
 неволью обнажило
Её равнодушие,
 симпатии ко мне,
Потом уединение
 нам голову вскружило
Невысказанной истиной,
 отысканной в вине.

В кабине ресторанной
 любезности хмельные,
В ночной прогулке утро
 повстречали вновь.
А в Тазиной квартирке -
 шуточки шальные,
Эротикой украшена
 постельная любовь.

2

Учебный год застал
 на перепутье странном:
Нежданно появилась
 в городе семья,
Приказом из Москвы
 студентом стал нежданно,
Но на работе - там же,
 где прописан я.

Мне в центре областном,
 тем более столичном,
Запрещено бывать,
 работать, проживать;
И я крадусь в семью,
 как воровская личность,
Под вечер втихаря,
 а утром - прочь опять.

И в университете -
птицею залётной
На сессиях бываю
без ведома властей;
Всё ладится пока:
я заочник льготный,
Мне прежние друзья
фаворят без затей.

Но на последней сессии -
строго предписание:
Немедленно покинуть
город надлежит...
Ограниченье прав
как форма наказания
Гулаговской отрыжкой
ставит рубежи.

Вот так я в них плутал
три с половиной года,
Пока на Двадцать пятом
нахрапистый Хрущёв
Не показал Вождя
дурным политуродом,
Но даже после этого
надзор за мной ещё.

Мне в пятьдесят шестом
отказано в прописке,
Всё также прихожанин
в собственной семье,
Хоть в городе теперь
работаю, но с риском -
Не оказаться б вновь
подсудным на скамье.

Директорствую в школе
рабочей молодёжи,
Диплом повысил ранг,
но не прибавил прав;
Опасность «выдворенья»
постоянно гложет:
У власти предержажшей
не предскажем нрав.

Ищу на всякий случай
хоть буферной защиты
Среди парней из МВД,
моих - учеников,
Да вот не стать бы мне
заложником маститым,
Взаимностью поблажек,
малых пустяков.

Не все учителя
легки на компромиссы,
На просьбу о «лояльности»
порой вопрос немой;
Приходится тогда
лукавить хитрым лисом:
«Таков наказ из облоно,
а совсем не мой».

Вот эта дипломатия
торгового обмена
Весной на госэкзаменах
к скандалу привела:
Учитель математики
мурыжил «полисменов»,
Хотя договорённость
заранее была.

Не выдержал старик
очевидной фальши,
А я его одёрнул -
он гневом воспылаг ...
Нельзя в таких тонах
экзамен вести дальше,
И я, как председатель
комиссии, - прежал.

Скандал не проходной,
с двойным, тройным ударом:
Раздор на месте в школе,
и в облоно - нашлёп,
А главное - поблажки
расточались даром:
Провал парней из МВД -
отместкою мне в лоб.

Всегда зацепки и уловки
клонят на подвохи;
Использовали парни
исповедь мою -
Доносом по инстанции
ужалили, как блохи,
Скачком переметнулись
в ипостась свою.

Пришла повестка - «надлежит
явиться к прокурору...»
С укором встречен был
и властным говорком:
«Вы грубо нарушаете
условия надзора,
Живёте без прописки
в городе - сверчком».

О реабилитации -
намекнул я, было,
Как от жужжащей мухи
отмахнулся он:
«В Минюсте разработка,
недавно поступила,
Не скоро из неё
состряпают Закон».

От власти государственной
лишь одна защита -
В надвластных этажах
партийных рубежей.
В обком спешу, чтоб уложиться
в рамочки кредита,
Отпущенного мне
гулять здесь без вожжей.

Меня без промедления,
в виде исключения,
Принял на утро «секретарь
Н.К. Толмачёв».
Без гнева отчитал,
изрёк нравоученья,
Но тут же, улыбаясь,
тронул за плечо.

«Поведай, брат, за что
отгулял в Гулаге, -
Осведомлённо просит
с чёртиком в зрачках. -
Я вижу, как жилось там
студенту-бедолаге
По инею в причёске,
по снежку в висках».

Мне нечего скрывать,
нечем и похвастать.
Он выслушал внимательно
и весело сказал:
«Трудись спокойно, брат,
о прошлом хватит, баста!
Всё будет хорошо -
развеется гроза...»

«Всё будет хорошо" -
осталась прибаутка
Больного Толмачёва
в памяти людей,
Когда его не стало
ровно через сутки
...После разговора
о моей беде.

«Всё будет хорошо!" -
над гробом реет лозунг,
Стихийным наводнением -
печальная толпа;
И речи, и стихи
под искренние слезы:
«К нему не зарастёт
народная тропа!»

Бывают люди как святые
по церковным байкам,
И Толмачёв один из них
по благим делам;
Он мог словами отстегать
хлеще, чем нагайкой,
И горе ваше разделить
с вами пополам.

Встречаются совсем иные, -
к сожаленью, чаще -
С дежурною улыбкой,
с чиновничьей душой,
И выгоду, и почести
в свою берлогу тащат,
Что им по вкусу и на пользу,
то - и хорошо.

3

С трудом перешагнул
весенние ухабы -
Утих мой школьный бум,
не трогал прокурор.
А летом благодать -
на отдыхе все «шкрабы»,
Как лошади на воле
без узды и шпор.

Такая «привилегия»
всегда другим на зависть,
Зато не по нутру
рабочий наш сезон:
Ох, нелегко взрастить
сентябрьскую завязь,
Чтоб к лету заслужить
родительский поклон.

Я в летний отпуск свой
не гулял на воле:
У значимых персон
пороги обивал
За визую на свет
в моей вечерней школе -
Чтоб постоянно был,
а не порой бывал.

Обком через овраг -
там свет неугасимый
С заката до рассвета
ночи напролёт.
А в школе чаще мрак:
по рангу грубо, зримо
Обком как будто птица,
а школа будто крот.

И вот спешу в обком
с надеждою добиться -
Связать электролинией
нашу школу с ним:
Нельзя ей быть кротом,
она по роду птица
В своём предназначеньи
и статусом своим.

И вот стою столбом
в знакомом кабинете,
Здесь раньше Толмачёв
принимал меня;
На «здравствуйте» - кивок,
хозяин весь в газете
И хмурый он, как небосклон
на исходе дня.

«Какой у вас вопрос?» -
не предложил садиться
По принципу: на стойке -
краток и смирён;
Но я перешагнул
условные границы -
И самовольно сел,
и задал смелый тон:

- Три ямы, три столба
и провод - всё готово,
И визы энергетиков...
Вот вашей только нет,
Чтоб школа, как обком,
засветилась снова:
Уверен - нам нужней,
чем вам - электросвет.

Газету отстранил,
остро метнул глазами
И басом промычал:
«Оценивать не вам...
Оставьте ваш листок,
разберёмся сами» .
- А что тут разбираться?
Всё как дважды два.

«Забылись, где вы есть,
нахраписто берёте»...
- Я в органе партийном,
за помощью пришёл;
И быть не должно тут,
как в чиновничьем болоте...
"Идите - всё понятно.
Всё будет хорошо».

«Всё будет хорошо» -
подвохом прозвучало,
И это подтвердил
звоночек в облоно:
«У вас директор школы
порою кто попало...»
Намёком указанье
действовать дано.

Благодаря жене,
инспектора по кадрам,
Не сполз я в самый низ
под натиском звонка
И нудных поучений
обкомовского «падре» -
Спустился на ступеньку
завуча пока.

Понятно, что «пока»
порождено сомнением -
Не проследит ли «падре»
мой дальнейший ход,
Чтоб «правом телефонным»
дать распоряжение:
«Пусть пляшет рядовым
и гонор свой уймёт».

4

Я в школе номер три -
средняя дневная;
Представлен - новый завуч,
прежнего взамен;
И значит, у меня
обязанность святая -
Быть лучше, а иначе -
вместо редьки хрен.

Сомненья мучают меня:
сумею - не сумею?
Способности свои
взял строго на учёт.
На первом плане опыт мой,
джамбулская затея,
Что признан и одобрен
в позапрошлый год.

Естественная связь -
внеклассная работа:
«Политинформ», беседа,
диспут, классный час,
Художественный текст
в «Страничках патриота»,
Сценарно облечённый
в игровой показ

В особом спросе у ребят
поэтические сценки;
Программе в параллель
готовились они,
Чтоб с главным наравне
отразить оттенки
Талантливых поэтов,
бессмертных в наши дни.

Нашлись среди ребят
фанаты-заводилы,
Создатели сценариев
и чудные чтецы -
Хотимский Валентин,
Алексей Авилов -
То как колокола,
то словно бубенцы.

Ещё одна деталь,
весомая для школы:
Оркестрик струнный наш
старанием моим
На конкурсе, затеянном
горкомом комсомола,
Победным призом награждён,
щедрым, дорогим.

Всё это от души -
по прихоти учителя,
А завучу по должности
лишь логика нужна;
Уместно застегнуть
все пуговицы кителя:
Душа тут нараспах
вовсе не нужна.

Учебный план разъять,
рассыпать по предметам,
Распределить во времени
строго по часам
И втиснуть в расписание
с осени до лета,
И двигать исполнение,
как ветер паруса.

Что только в этом завуч, -
бросовое мнение,
Есть много из того,
что требует души:
Живое, благодатное
с коллегами общенье -
Не медли с похвалой,
с укором не спеш.

За пару лет ко мне
коллеги присмотрелись,
Директору, парторгу
пришёлся ко двору;
И как-то по весне,
под конец апреля,
Мне в партию вступить
предложили вдруг.

Не рвался быть её
поверенным солдатом,
Но ведь расценят кособоко
искренний отказ...
И вот единогласно
принят кандидатом -
Вчерашний поднадзорный,
в доску свой сейчас.

5

Мне партия, признаться,
сословием казалась
С набором привилегий,
ритуальных форм;
Рулила в государстве,
в души залезала
Стандартом установок,
нерушимых норм.

По каждому вопросу -
номерная правда,
Для мысленных суждений
лишь один тоннель;
Нередко вместо дела -
речи да парады,
Поступки неприглядные
оправдывает цель.

Идеи не причём -
такова реальность.
Я был и остаюсь
поклонником идей;
Хоть рядятся порой
в туманную банальность,
Когда их наспех вилами
малюют на воде.

К примеру, как понять
«исчезновение граней»
Меж нациями ныне -
в раздробленной стране
Границами Республик
без ломки их, стираний?..
Ведь это - словно трезвость
обретать в вине.

Границы - консерванты
национализма
В привычных вотчинах
народов «коренных».
Взорвать бы те границы
социальной клизмой
В победном сорок пятом:
всюду - все равны!

Вот так судили мы
с Семёновым как братья
О партии, о Сталине,
о нынешних делах;
Учитель рисованья,
вспыльчивый Кондратьев,
К нам часто примыкал
и разносил всё в прах.

Улыбчивый парторг
мне замечанье сделал:
«Колючи ваши стрелы -
лук у вас тугой,
И целитесь излишне
заносчиво и смело,
А вы ведь в нашей партии
уже одной ногой».

«Советую подумать
и остепениться,
А то не переступите
другой ногой порог»,-
Высокого полёта
метафора, как птица,
Хоть сам парторг на вид
тщедушен и убог.

Я в спор вступать не стал:
понял - бесполезно,
И май уж на исходе,
и учебный год...
Пока держу в секрете -
пригласил любезно
Работать в ИУУ
директор Аксельрод.

Мне очень надоели
всякие остратки,
Теперь ещё грядёт
партийная узда...
Избавлюсь от парторга
сталинской закваски,
Надеюсь - в институте
новая среда.

Надеюсь, мой уход
для школы не потеря:
Из облоно филолог
трезво-деловой,
Зав. школьным сектором,
понятно, не тетеря,
Меня там заменил.
Парень с головой.

Мы в этот перевод
 подружились близко:
Один у нас фундамент,
 схожий и карниз,
Философ он, как я,
 не живёт без риска -
Наумов по уму.
 по имени Борис.

А пару лет спустя,
 негаданно-нежданно,
Опять перемещение
 породнило нас:
В редакции газеты
 «Учитель Казахстана»
Заменю ему
 я стал на этот раз.

Конечно, неспроста
 в газету приглашали:
Мы оба публицисты
 острых школьных тем -
Раскованно и в лоб
 о косности писали,
Рискованно порой -
 о новизне систем.

6

Но это впереди.
 Вернёмся в день насущный.
Представлен в институте,
 представлены и мне:
Вот Гамов - по труду, -
 приземистый и тучный,
Вот Штибер - по физмату, -
 подтянутый в ремне;

Тут Вецнер - и общественник,
 и ярый идеолог,
Там Чахмах-Сазиянц -
 завидный полиглот,
И Григорова рядом -
 русский наш филолог,
За нею Ташибаев -
 казахских школ оплот.

Бросается в глаза
 состав национальный;
Как будто по заказу
 проведён подбор
Этнической аранжировкой
 пропорционально -
«От каждой хаты да по брату», -
 говорит фольклор.

Но всё иначе: привлекали
 смышлёных, энергичных,
Что в школе ярко проявили
 в творческих делах,
И в отношениях с людьми -
 милых, симпатичных,
Повсюду, так сказать,
 «на совесть - не за страх»

Теперь и я приник
 к заманчивой когорте,
Педагогический возглавил,
 главный, кабинет,
Чтоб новизной взбодрить,
 как мускулы на корте,
Учительскую мысль,
 в ней творческий момент.

Прижился, присмотрелся
цепко за неделю:
Сюда пришёл я не гонять
сизых голубей,
А враз быка взять за рога
в настоящем деле...
Не обессудь, читатель,
что много о себе.

Эгоцентризм житейский
замыслом заложен:
Касаюсь своей юности
болевых узлов,
С рисовкой, похвальбой
не лезу вон из кожи;
О тех, кто рядом был, -
кратко, парой слов.

За исключением иных,
что приглянулись сердцу,
А то поэзией деянья
разум увлекли;
Не важно мне - единоверцы
или иноверцы,
Но чтоб на ниве просвещенья
яблони цвели.

Мы рьяные садовники
тех яблонь плодовых,
Волнует и цветенье,
волнуют и плоды;
Для дела, если надо, -
на задние копыта,
Как лошадь под Петром, -
с азартом молодым.

Покоя нет при столкновеньи
минусов и плюсов
Высоким проявленьем
в милых рубежах;
Смиряются порой
пристрастия и вкусы:
Решать дела не стоит
схваткой на ножах

Особенно теперь,
когда и против ветра
С открытыми глазами
повернёшь лицо,
Нет рядом, не найдёшь
и в сотнях километров
«Врагов народа» - выдумки
жестоких подлецов.

7

В пространстве деловом
аллюром время мчится,
Без устали и я
по школам разъезжал;
Не в небе журавля -
мне в руки бы синицу:
Конкретный об учебном
процессе матерьял.

Поверхностный обзор
для общего знакомства
И в городе и в сёлах
вплоть до января,
Чтоб ориентировку
воздействий на потомство
На всех ступенях уловить,
начав от букваря.

Второе полугодие -
стратегия иная:
«Задумки и находки»
щедротами дарить -
На курсах, семинарах
от января до мая
В учебные стандарты
новации внедрить.

Обязанность трудна,
имеет свой характер:
Мои питомца - завучи
и директора,
И каждый теоретик,
в то же время практик,
«Находки» примут-выдадут,
как уголь на-гора.

За Первомаем цикл
глубоких обобщений
Осмысленных новаций -
в теорию легли б.
Но всё наперекос,
опять разгул гонений:
Мне в партию, «что в борщ
воткнуть поганый гриб».

Пальнул такой метафорой,
как выстрелом с колена,
На майском партбюро
Сакун, зав. облоно,
Когда стоял вопрос
о переводе в члены
Меня из кандидата.
Но, видно, не дано.

Я залихватски свистнул
в два пальца и с натугой,
Советским Держимордой
Сакуна назвал,
Вскочил и дверью хлопнул
так, что с перепугу
Залаял во дворе
лохматый Камчадал.

Метнулся со двора
вдоль улицы к Ишиму,
Скабрезные слова -
в уме и на губах;
В подгорье проскочил,
пронёсся церкви мимо,
С разгона и в одежде
прямо в воду бах!..

Хотелось утопиться,
но жизни просит тело:
Десятки лет стареть
ему ещё дано;
В минувшей только беды
давили оголтело.
Не встречу ль счастье в будущей,
что мне отведено?

А в жизни много прелестей
природных, социальных;
Одним они на блюдечке
с каёмкой золотой,
Другим взамен реальных
лишь в мечтах печальных.
Я, видно, из последних -
постник несвятой.

И всё-таки стремлюсь
и принимаю меры
Хоть гран отвоевать
из радостей земных:
Уверен в том, что каждый,
даже самый «серый»,
Имеет право свою долю
получить из них.

Успехи милуют порой,
да трудно достаются -
Мозолями на теле,
мозолями в душе.
В моём упорстве волевом
живёт Сцевола Муций,
Особенно когда -
гонение вашей.

Провал на партбюро,
что грохнул меня в мае,
Болезненно воспринят -
отхлестала плеть!..
Лихой азарт спортивный
сразу возникает:
Во что бы то ни стало
преграду одолеть!

На всех общественных ступенях
были, есть и будут -
По вертикали связанные
волею одной
К богатству, власти, роскоши
жадные прокуды -
На достоянии народа
жабою грудной.

Я следствия не вёл,
но пользовался слухом -
В своей подшефной вотчине
прокудил и Сакун:
Из интернатов, детдомов,
как нищая старуха,
Подачки получал -
маститый опекун.

Ему бы вон из партии,
а не подножку ставить
Тому, кто шестилетку
невинно отстрадал:
Сакун вразрез тому,
что сказано в Уставе,
Партийный этикет
по-барски попирал.

Молчать не по нутру -
он сам затеял свару.
Давно в себе я выдавил
психику раба.
Загнать бы его в баньку,
наподдать бы пару...
Ведь - «вся-то наша жизнь
есть борьба, борьба».

Строчу в обком послание
каверзного свойства,
Рисую факты, выводы -
последует итог:
Обком «отреагирует»,
проявит беспокойство,
И «вылетит в трубу»
наш облоновский бог.

Прочёл парторгу, тот, мыча,
за голову схватился,
Просил не торопиться -
«Всё будет в аккурат»;
Челночной дипломатией
он должного добился:
Я в партии теперь
не «поганый гриб», а брат.

Всё в темпе скоростном
прокручено как надо:
Добреет протокол,
решенье партбюро,
Сакун при встрече руку жмёт,
на лице отрада.
Но вижу по глазам -
зловещее нутро.

8

Настрой бывает властным -
покоряет разум;
Для недоверия серьёзных
будто нет причин,
Но шепчет интуиция
советом и приказом:
Не грейся на угарно
натопленной печи.

Предчувствовал догадку -
рассудок не заметил
Болезненный удар
опять из-за спины
Прокудливой той самой
беспощадной плети,
Что вон из партии гнала,
не ведая вины.

Моя жилая площадь
в ведомственном доме
Едва и двадцать метров
и на четверых:
Мы приютили стариков
в этаких «хоромах»,
Родителей жены -
беспомощны, стары.

Порядочный поступок
превратно истолкован,
Профорг затеял версию -
«Хитрый ход у них:
Им выделим квартиру -
сами будут в новой,
А в прежней закрепят
стариков своих».

И всё же нас профком
одарил квартирой;
Зав. облоно распорядился,
как того желал, -
Переметнул бухгалтеру
фокусом факира:
Подправил протокол
и ордер передал.

Что сделано, то сделано -
изменить непросто.
Бессмысленно Мичурина,
профорга, теревить:
Он выполнил приказ,
и совесть, как короста,
Пусть мучает его
за ложь и рабью прыть.

Но я не собираюсь
у моря ждать погоды,
Теперь в структурах власти
лозунг разверну:
«Отчизна, приголубь -
мы вышли из народа,
Трудились много, честно,
любя свою страну».

К призывам в моём лозунге
чинуши были глухи;
Пришлось от устных к письменным
скоро перейти.
Особый стиль, когда взамен
«прохвосты», «потаскухи»
Писал с мольбой: «Товарищи,
извольте снизойти...»

И снова пользы ни шиша -
Васька-кот заплакал.
Тогда серьёзной логикой
начал прижимать,
А в дополненье фактами
подкреплял атаку:
«Квартирной чехарды» -
не пересчитать.

Обкомовцы, горкомовцы,
боссы в исполкомах,
А вслед - директора
и шишки поскромней
Себя, свою родню
и выгодных знакомых
Квартирной дарят площадью
в тени и тишине.

Назвать всех пофамильно
просто невозможно.
А то ещё обидятся,
кого не назову?
К примеру, Подгорбунский,
Мухамед-Рахимов,
Дроздецкая и Стрик...-
кто ярче на плаву.

Наш облоновский босс
за десятилетье
Четырежды сменил
квартирный адресок,
Его товарка-фаворитка
новоселье третье
Совсем недавно справила
шикарно в тот же срок.

Я смело фактами хлестал
налево и направо,
Оценкой политической
конфуз сопровождал.
И вздумали властители
унять меня расправой:
«Опять на власть клеветешь,
серый радикал...»

Припомнили отбытый срок
в сталинском Гулаге,
Статьи в «Учитель Казахстана»,
резкие порой, -
Чтоб сделать укорот
шальной моей отваге,
Шьют «дело персональное»,
в котором я герой.

9

Партком настоже -
задача как-то странна:
Что было - амнистирован,
туманно то, что есть,
Поскольку и газета
«Учитель Казахстана»
Ответственна за то,
что можно в ней прочесть.

Но вожжи в руки взял
«товарищ из горкома» -
Увесисто, речисто
вынес приговор:
«Не место в нашей партии
клеветнику такому;
Ошиблись, принимая.
так смоем свой позор».

Поддакнули одни,
другие промолчали.
А исповедь «виновного»
приняли в штыки,
Почти единодушно
проголосовали;
Лишь Аксельрод, парторг,
не поднимал руки.

На партсобрании тяжелый
разворот событий:
Парторг простужен, за него -
облоновский босс,
Меня вразнос прополаскал,
как барахло в корыте,
И об изгнании ребром
поставил босс вопрос.

Минутой тишина,
затем пронёсся ропот,
И руки потянулись
рьяно к потолку.
И выкрики взброд,
а то внахлёт и скопом:
«Опять про белого бычка
и по пустяку...»

Я выскочил вперёд -
«Не пустяком тут пахнет,
Руками вашими хотят
правду задушить;
Она и так у нас в загоне
сиротою чахнет,
И вновь взамен навешали
на уши лапши!»

Взметнул пакет посланий,
кратким пересказом
Разоблачительные факты
смело передал:
«Квартирной чехарды»
бесстыдные проказы
И кой-какие «мелочишки»,
о которых знал.

На вираже крутом
мне по колено море,
Ведущий прерывает,
а я - как пальцем в глаз:
«И шапка, говорят,
костром горит на воре,
Припёрли - до конца
я выскажусь сейчас».

Штрихами и пунктиром
прошлое поведал:
Да, рос я сиротой;
да, был я в лагерях...
Читатель уже знает
мои успехи, беды,
И как виновен я,
и как судим за зря.

Собрание отвергло
решение парткома,
Как ни крутил в президиуме
руль триумвират;
В бессилии его
чуть не хватила кома:
В компартии я свой,
не«гриб поганый»- брат.

С собранья - в ресторан:
ходуном нервишки,
Их надо обуздать
хотя бы коньячком...
С начальством неурядицы,
как кафтанчик Тришкин,
Латаю отчуждённо
словесным наждаком.

Накладно достаются
удачи-неудачи:
Как Робинзон с пиратами
в романе у Дефо,
Воюю партизански -
не могу иначе...
Не проиграть бы этак
квартирный марафон.

Быть может, приласкаться?
Помилуют, похоят:
По шерсти ласково погладишь -
замурлычет кот.
Когда нужда приспичит,
по воле и неволе
Без лени ищешь и находишь
нужный поворот.

10

Я не любил и не люблю
ресторанный шорох,
В нём шёпотом беспечность,
барственный разгул;
За крайний столик сел
у оконной шторы,
Забота о квартире
занозою в мозгу.

На все мои послания
«добра» нет и отказа,
Всё тянут-перетянут,
как репку с бабкой дед;
А хорошо бы- повстречалась
мышка, чтобы сразу
Успешно в этом деле
проложила след.

Подарок небожителей
лёгок на помине:
Воробушком порхнул,
шагнул и рядом сел
Комиссии жилищной
секретарь Калинин,
Подвижный, говорливый
и мастер ловких дел.

Конечно, по делам
квартирным мы знакомы:
Не раз к нему с поклоном
пороги обивал;
Он весело чирикал:
«Решили в исполкоме,
Но снова сорвалось...»
и снова обещал.

Привычно он кивнул -
вприщур глазные щелки
Скептически зыркнули
на столик сверху вниз:
Стаканчик коньяку,
впритык салат в тарелке
И ломтик хлеба на салфетке -
это мой сервиз.

Ему коньяк в графинчике,
поджарка на закуску,
В сопровожденьи лук зелёный,
сочный винегрет.
Вдруг он по-свойски предложил:
«Чокнемся по-русски»,
И звон стаканчиков наметил
некий паритет.

Лиха беда - начало,
повтор не за горами,
И вот уж трижды чокнулись
вальжно, не спеша.
И слово за слово беседа
бродит между нами -
Повысился настрой,
расслабилась душа.

И шорох ресторанный
стал аурой приятной,
А в памяти - стихов
цветастые венки;
Читаю наизусть, -
потокотом благодатным
поэзы овевают,
как в зное ветерки.

Партнёр мой по столу
мне руку жмёт, милея,
Вслед ритму сверху вниз
кивает головой;
Опорожнил графинчик,
на глазах хмелеет
И признаётся в дружбе -
прямо «в доску свой».

В обнимку вышли в ночь,
луна уже блистала.
Я задал болевой
квартирный свой вопрос.
В подробностях клубок
разматывать не стал он,
Но ляпнул: «Не умеешь
держаться по ветру нос».

Слегка похлопал по плечу:
«Не горюй - поможем,
Да завтра приходи,
напомни о себе».
Порой сбывается и то,
что в шутку наворожим,
А прахом рассыпается
угодное судьбе.

Да, репку, что тянулась
долго дедом с бабкой,
Не внучка и не Жучка
вырвать помогли,
А мышка: чуть коснулась
крошечною лапкой,
И репка сразу выскочила
прытко из земли.

Вот так случилось и с моей
квартирной эпопеей:
Тянули властные столпы
резину без конца,
И вдруг подвластный секретарь
бороду им бреет -
Квартиру срочно подарил
мне от их лица.

Простая технология:
я в список попадаю
Престижных «нужников» и власти
и ее родне -
Так новый друг мой закадычный
честно выполняет,
Что он «под мухой» обещал
у ресторана мне.

Мы не скупилась, как могли,
квартиру «обмывали» -
Моя семья, коллеги
и новый мой дружок.
Он важно вел себя
на нашем «карнавале»
И много раз прощаясь,
пил на посошок.

Трёхкомнатную дали -
не ждал такой удачи;
По совести сказать,
я рад бы был любой.
Сакральный помысел возник:
неужто это значит -
Настал период благодати,
дареный судьбой?

11

Хрущёва «оттепель» заметно
Наследила всюду:
Широкоблочными домами
заросла страна,
Мечта полёта в космос
стала явным чудом,
С большим размахом поднята
в Сибири целина.

А сколько творческих находок
школа обретает:
Казанский опыт, липецкий,
новый алфавит!..
Но всё непросто: на подъёме
лесенка крутая,
И в поиске не каждый
в меру плодовит.

Приветствует народ,
да нет добра без худа:
«Грядущий коммунизм»
усадыбы сократил,
Хозяйской хватке на дому
нарастил запруду,
А кукурузный беспредел
страну заполонил.

И в творческой судьбе
не всем фартило гладко:
По вкусу своему
Хрущёв ценил творцов -
Одних благословлял,
других «призвал к порядку»,
Как слишком расшалившихся
недотёп-юнцов.

Не тронул, к счастью, в школе
методы и формы,
Здесь сами педагоги
разумом, душой
Ускоренно свершали
нужные реформы -
По-своему проявлены
Лесковскою Левшой.

«Левшой» в нашем городе
учитель Кононенко
Самой зав. гороно
Шпунтовой наречён:
«Он мастер на все сто
с особенным оттенком,
Своей методой на успех
просто обречён»".

Он ставит главной целью
разум будоражить,
На нравственной основе
душу шлифовать,
А в познавательном процессе
хитрым эпатажем
Художественный текст
как эликсир давать.

Он необычный литератор, -
так сказать, от бога;
Приверженцы стандартов
иное говорят;
По мнению Красюковой:
«И речь не педагога,
И допускает на уроках
шалости ребят»;

"Ещё важней - несоблюденье
принятых канонов:
Его методика слепа -
теории претит...»
Суровый критик не прощает
службы без поклонов
Канонам, что студентам
много лет твердит.

Пединститутский педагог
сама себе перечит:
Уроки посетив, -
пылала похвалой,
Одумавшись потом,
вдруг проклятье мечет -
Наукой не поверенный
опыт - прочь, долой!

А развернём-ка спорный опыт
зримой стороною;
Я больше полусотни
уроков посетил,
И каждый раз полдюжины
наравне со мною
Из школ учителей -
«хозяин» приютил.

Звоночек на урок -
его пора настала,
«Хозяин» на порог
и сразу фразу в класс:
«Зачем Толстой назвал
рассказ свой - «После бала?»» -
Указана и тема, и смысл
не в бровь, а в глаз.

Ответами сужденья,
порой дискуссионно,
Учитель дирижирует,
солирует весь класс;
Шпигуют текстом из рассказа
мысль свою резонно -
Прочитан по заданию
заранее рассказ.

Заслушать всех нельзя,
прочесть их мысли можно.
Команда: на листках
сужденья изложить,
Затем дежурным «порученцам»
тихо, осторожно
Листки по сходству мыслей
в стопки разложить.

Заполнит паузу учитель
словом об эпохе -
В крутой статье Толстого
«Не могу молчать»,
Потом рассудит, чем достойны
или слабы, плохи
В листках суждения - пора
за них и отвечать.

А вот урок - с захода начат
звучными стихами
Горлана Маяковского
чтением наизусть:
Дискретный ритм на перебой
и слова рывками,
Порой, как гром, а то подспудно
стонущая грусть.

Художественный шквал
в стихотворной форме
Все сорок пять минут
с начала до конца
Потряс аудиторию -
на такой платформе
Активное познание
наследия творца.

Нет сонных и скучающих,
интерес на лицах,
«Лес рук» - наперебой
желание блеснуть:
В оригинальной форме
мыслью поделиться,
Чтоб кратко, «без воды»
воспринималась суть.

В конце урока «порученцы»
подведут итоги
В канонах орфоэпии
и чёткости идей.
Корректор - педагог
обоснованьем строгим,
Чтоб в правоте своей
убедить судей.

Такая демократия -
они и он на равных,
С оттенком старшинства
всё же педагог;
Порою за него -
на уроке главный
Очередной из «порученцев»
стряпает пирог.

Урок - по-своему пирог
да с двойной начинкой:
Учительское слово,
художественный текст.
Как меркнет Солнца свет
в копоти лучинки,
Так текст тускнеет иногда
в словесной пустоте.

Я с восхищеньем верил
в опыт Кононенко,
Стремился всюду всем
о «чуде» рассказать -
В докладах и статьях
«снял с варенья пенки»,
Само «варенье» на ТВ
хотелось показать.

12

Правленье местного ТВ
нам пошло навстречу,
Решили дать урок
из студии в эфир -
Очередной с утра
перенести на вечер,
Без всяких репетиций -
пусть дивится мир.

Столы и стулья привезли,
расставили как в классе,
В условный час ученики
расселись на урок.
А где учитель?... Вижу -
будто на Парнасе:
Забрался к режиссёру
под самый потолок.

Одна из «порученцев»,
Тамарочка Колесник,
У пульта появилась -
занятие ведёт...
Впервые под софитами -
волнуется «наместник»,
Учитель ей с Парнаса:
«А ну, смелей, вперед!»

Девятый «б» надёжен,
а в новой атмосфере
Минуты на две нем,
как в рот воды набрал.
Но выручил и в этот раз
Горбунов Валерий:
"Ребята, объявляю
базаровский аврал».

«Представьте, я Базаров.
Попробуйте придраться,
Но знайте, в нашей схватке
любому сдачи дам».
Улыбкой зацвели,
засуетились братцы,
И диспут покати
по базаровским следам.

Тургеневский роман
по косточкам разъяли:
Отцы и дети на виду,
какие там и тут -
Одних бы хворостиной,
другим бы по медали
За образ жизни, что диктует
нравственный статут.

Связь двух эпох - проблема
в стиле Кононенко -
И здесь заметно проявилась,
но не в полный рост:
Мешали непривычные
потолки и стенки -
На связь времён чуть перекинут
переходный мост.

Катализатор мелковат:
«наместник» не воитель,
Не может словом поднапрячь
диспутный костёр.
Недаром аноним
статейкой «Где учитель?»
В газете областной -
как грозный прокурор:

«Пустой телеурок -
ни логики, ни знаний,
Шумят вокруг да около -
пустая болтовня;
А диспутные споры -
почти на грани брани...
И это опыт Кононенко?..
Чур, не для меня!»

В ответ газете студия
затеяла беседу
Маститых педагогов,
собрав за круглый стол, -
Пусть скажут на основе
собственного кредо,
Как принят опыт Кононенко
мастерами школ.

Молва разноречива,
но с плюсом все оценки
Булаевских, Смирновских,
Сумских учителей:
«Чудесно!», «Замечательно!»,
«Браво, Кононенко!»,
«Мы не копируем - берём,
что ближе и милей»...

Логический анализ
сменил эмоций всплески:
«Активность, увлечённость,
искренность ребят»,
«Суждения не стандартны,
глубоки и вески»,
«Подборки текстов наизусть
доводом звучат»...

Газета, телевиденье -
лбами, как бараны,
Столкнулись и упрямо
ведут свою игру;
Для органов партийных
это очень странно:
Одна идеология -
раздоры не к добру.

И тут горком немедленно
принимает меры:
Комиссию назначил -
проверить, оценить,
Чтоб «ход» «зеленой улицей»
или «стоп» барьером
Дать опыту скандальному
и споры прекратить.

Полдюжины уроков
комиссии хватило,
Чтоб общим убеждением
опыт оправдать:
В активном творчестве ребят
души захватила
Художественным взрывом
святая благодать.

Феноменальный факт
и злой и горше перца -
Тюремным Моабитом
Краснодон в беду:
Стихотворенье «Варварство» -
как молния по сердцу,
А слово «Руки матери» -
как райский сон в аду.

С печальным гневом, наизусть,
в звонком классе школьном
Хлестали жгучими стихами
прямо в глаз - не в бровь:
«Терпи, сынок, терпи.
Сейчас не будет больно, -
И он закрыл глаза.
И заалела кровь».

Мусы Джалиля стон -
Вселенной голосами:
В бессильно жуткой «ярости
рыдала мать-земля»...
Притихли контролёры -
слезы под глазами,
Под ветром за окном
поникли тополя.

То «руки матери» любой,
что в памяти Олега,
В грозу блистали яркой
радужной дугой,
Дитя здесь беспредельной
материнской негой
На пули развернули:
нет участи другой.

Скрестили «руки матери»
два тела и две жизни
Под жутью «варварства»
любовию одной
С последнею мольбою
к дорогой Отчизне:
И варварство и варваров
распните заодно.

В горкоме подвели
итоги по проверке,
И сникли оппоненты -
срезал чёткий акт:
Одобрен опыт в основном
и по высшей мерке;
Упрямя, как говорится,
очевидный факт.

Республиканский форум
лучших педагогов
Ещё аплодисментами
победу закрепил:
Там я в своём докладе
по науке строго
И многоликим фактом
о сути доложил.

13

Да, каждый человек
живёт не только хлебом
И добыванием его
в заботе и труде.
Но это на земле.
А он стремится в небо
И телом и душой
к какой-нибудь звезде.

Бывает общая, когда
у многих дни ненастья,
И устремлённостью одной
она роднит людей,
Как жданная «заря
пленительного счастья»,
Воспетая поэтом
давно минувших дней.

Интимная бывает,
что жизнь ведёт без тлена
Цепочкой поколений -
в ад или же в рай;
Бежать никто не хочет
от неё из плена,
А в юности особенно -
прекрасная пора!

В такой поре весна-красна
на пороге лета,
Ребята и девчата -
комсомольских лет.
Как у магнитных полюсов,
наметились приметы
Взаимных притяжений -
Эроса предмет

Не мог остаться в стороне
ласковый учитель,
Духовно интересный -
«парень хоть куда»,
Как будто бы флюидов
загадочный носитель:
Влюблялись ученицы -
прямо-таки беда!

Одна десятиклассница,
как Ларина Татьяна,
Письмо передала
с признанием в любви,
А он, под стать Онегину,
залечивал ей рану
Премудрым уговором:
учись, расти, живи...

Предлог для оппонентов -
шепотком с ухмылкой
Раскручивали миф
от мухи до слона:
«Он страшный Ловелас,
неукротимо пылкий;
А ведь семья - и дети
и милая жена...»

Учитель-победитель -
Виктор Кононенко
Не вынес пересудов
подленький поток:
Кричать, что не верблюд, -
как головой об стенку,
Свет клином не сошёлся -
уехал на восток.

Конечно, жаль его,
но больше нас жалею:
Он в творчестве своем -
всюду молодцом,
А мы по-старине -
лучиной мутной тлеем,
Плетёмся во хвосте
с заспанным лицом.

Союз Адама с Евой -
и грех и провиденье,
Пускай всегда звезда
с звездой говорит
О радостно-взаимном
честном отношеньи,
И ярче друг для друга
каждая горит.

Мила мечта и ласкова
о звезде любимой,
Её и вечность не развеет
на своём пути,
Теперь она, как хлеб,
приземлена, но мимо
Ни сердцем, ни нутром
её не обойти.

Так хочется порой
вернуть себя к истоку
Хотя бы сновиденьем
в глухой ночной тиши;
Мечта, как чудный отблеск
той звезды далекой,
Поется и скулит
романсами души.

р о м а н с

Прошедшего пью розовость вина,
И пенится стакан воспоминаний.
Далекой юности уснувшая весна
Зарылась в лист осенней рани.

Прошедшего пью розовость вина,
Вновь оживают призраки мечтаний:
Как отблеск серебра, приливная волна
Давно истраченных желаний.

Прошедшего пью розовость вина,
Отзвон колоколов - зов ожиданий:
Молитвенно гляжу на небо из окна
Усталых дней моих исканий.

Прошедшего пью розовость вина,
И мутен горечи осадок на стакане.

Мои воспоминания
приятны и печальны,
Обрывками любви
наполнены всегда -
Не плотской, что зовут
постельно сексуальной,
А только платонической
без сумрака стыда.

Светилась радугой она
почти ещё с пелёнок
К абстрактному объекту
с женственным лицом,
Конкретно проявилась
розово-зелёной
К девчужке Фросе - подарил
ей мамино кольцо.

Прощаясь перед смертью,
мне мама подарила,
А ей дарил отец
в церкви под венцом.
Убит он через год.
Её взяла могила.
В семь лет мне по наследству
досталось кольцо.

В двенадцать лет я донимал
девчонок-одноклассниц
Шальными выкрутасами -
амурною игрой:
Читал Крылова, Лафонтена
«жареные» басни,
Частушки сочинял
нескромные порой.

Но больше сам смущался,
краснел от уклоненья
К запретному, стыдливому,
несвойственному мне.
В раскаяньи бы пал
пред ними на колени,
Да норов быть склонённой
не велит спине.

Одна из них по имени
Галаева Настёна
Достоинством своим
урок преподала -
В один из перерывов
с вежливым поклоном
За басни и частушки
пощёчину дала.

Соседская девчонка -
всегда из школы вместе,
Весной по лужам в валенках
писал ей вензеля;
Серчал, когда о ней,
как моей невесте,
С усмешкой лопотали
пустое тра-ля-ля.

Когда я обезножил,
к постели был прикован,
Настёна приходила
чуть не каждый день.
Казалось, - мной она,
я ею очарован:
И снилась мне, и виделась,
как звёздочка, везде.

Я тлел болезнью долгой,
Настёна расцветала...
Ах, как течёт вода
и как бегут года!
В семнадцать я зачах,
она звездою стала,
И вскоре упорхнула
неведомо куда.

14

Не в первый раз возврат
к далёкому истоку,
Да не пуста оглядка -
с долей новизны,
Что устраняет перерыв
чудесного потока
От крошечных ногтей -
до нынешней весны.

А грёзы и реальность
иных минувших стадий
Не требуют повтора -
вовсю отражены
Моим воображеньем
на жизненном параде,
Весёлом и печальном,
каким награждены.

На очереди вновь
привязанность святая,
Трагическим подтекстом
теперь отягчена:
И жалостью, и долгом...
И тропочка крутая,
И тянется во след
законная жена...

Её привязанность честна,
любовь непогрешима,
Светла и доверительна,
да эха нет в ответ.
А сердцу не прикажешь,
когда несокрушимо
В других глазах влечёт
святой небесный свет.

В заветном облике земном
моя мечта предстала,
Казалось, в полной мере
во всём ей всё дано -
Среди коллег, среди друзей
ласточкой летала,
И трижды мать в своей семье,
как в колосе зерно.

И трижды каялась потом
в выборе судьбины:
Семья не связана с любовью,
с дружбой не в ладу,
Не снять привычкой и терпеньем
внутренние мины,
Чуть капнет искорка извне -
и вызовет беду.

Такою искоркой порхнул
при встрече на пороге
В грядущий Новый год,
шестьдесят второй,
Спонтанный поцелуй
под взгляд луны двурогой,
Поправ велением астральным
зарок её и мой.

Она - по девичьему званью
Тарасенко Таня,
По нраву Лариной Татьяне,
как близнец, близка:
Обеим свойственны и грусть,
и светлые мечтанья,
И непонятная порой
тревожная тоска.

Всё это я постиг
в счастливые мгновенья
Нечаянных и чаянных
потаённых встреч,
У совести прося
возможного прощенья:
Увлёкся сам и за собой
посмел её увлечь.

Давно ли юности моей
золотые годы
Погибли в заключеньи,
свяли трын-травой?
А ныне весь окутан
милой несвободой,
Бросаюсь без протеста
в омут головой.

И непотребность сознаю,
и не могу иначе,
Порой овладевает
неизбывный транс;
А сердце одновременно
и поёт и плачет
В поэтически суровый
воплотясь романс.

р о м а н с:
И вот опять я заключённый
В сплошном трагическом кольце:
По-несуразному влюблённый
С неразрешимостью в конце.

Сперва она... Поверил в святость:
До дна в глаза ей заглянул.
И расторопную предвзятость
С пути к ней радостно смахнул.

От трепетно-тревожных взглядов
Искристо вспыхнула судьба
Пьянящим соком винограда
На наших ищущих губах.

Как расцвела, помолодела,
И сколько женственности в ней!
И рабью грань преодолела
Постельно-муженных ночей.

Перемогла взбешёный норов,
Потоки громких, нудных фраз,
Реальный взрыв расправы скорой
И добродетель напоказ....

Всё-всё перенесла упорно
В броне моральной чистоты,
Слезами, вескими, как зёрна,
Омыв надежды и мечты.

Я рядом шёл. В её болезни
Небезнаказанно вникал,
В незаменимую полезность
Искал тропу наверняка.

Казалось, всё преодолимо...
И вдруг барьер и пустота:
Её любовь проходит мимо,
С моей - обоим маята.

Она свою на пьедестале
Застывшим памятником чтит,
Моя - расплав кипящей стали,
Не ограниченный в гранит.

Расплав с гранитом - нет слиянья,
И нет вины, и нет пути,
И неминуемо прощанье:
Пора в неведомость уйти.

Пора....Не вечно ж заключённым
Мне быть в трагическом кольце:
По-несуразному влюблённым
С неразрешимостью в конце.

15

В романсе поэтическом
оценки субъективны,
Вернее - не оценки,
а эмоций рой:
Порывы невтерпёж -
чересчур активны,
Несправедливо колки
претензии порой.

Меж двух огней Танюша:
не в ладах и с мужем,
И от моих метаний -
головная боль.
А тут ещё загвоздка -
семьями мы дружим,
В застольях начеку
всегда самоконтроль.

Невозмогу бывает
мило улыбаться, -
Слезинки на ресницах
маскирует смех.
Сполохами острот
стараясь отозваться,
А то разгулом, необычных
волевых утех:

Шагаю вдруг из-за стола
на руках по залу,
Бултых прыжком с балкона
второго этажа,
Иль с лестничной площадки
вниз куда попало
«Без страха и сомненья»,
собой не дорожа.

«Подвыпил и чудит», -
догадливы коллеги,
А мне бы захмелеть -
от трезвости невмочь:
Страдаю, как Татьяной
покинутой Онегин,
Прикованный душой,
а тело рвётся прочь.

Бывало умыкну её
из суетной гулянки,
И в городском автобусе
из края в край летим;
Уютно, как в раю,
и время наизнанку -
Наверно, заблудилось
на своём пути.

В укрادчивом общении
и солнце и ненастье:
Как ни старайся оправдаться,
совесть нечиста;
Не будет благодати
на чужом несчастье,
Как у того Иуды,
предавшего Христа.

Присущи ей и мне
душевные терзанья,
Её любовь отягчена
ещё и добротой -
Сознанием того,
что причинит страданья
Для наших половин
поворот крутой.

Раскаянья не чту,
но подсознанье гложет,
И всё ж стрелой лечу
с работы на вокзал:
Танюша уезжает вдруг,
а мне всего дороже
Прощальный поцелуй
и взгляд в её глаза.

Мне нужно знать, простила ли
нечаянную ссору
И через сколько «лет»
вернётся из гостей,
Надолго ли обидели
её мои укоры, -
Как плеск в лицо по ветру
песочком из горстей:

«Любовь небесная навек
сроднила нас с тобою,
А ты на жалость променяла,
как цыган коней:
Тебе начхать, что мое сердце
бьется головою,
Увы, без отклика о камни
доброты твоей...»

Бежал сквозь гром и ливень,
успел каким-то чудом
Моментом Таню отыскать
в перронной суете;
Споткнувшись, пал у ног её
под смех и пересуды -
Распластан, как распят
виновный на кресте.

С улыбкой и слезами
уехала Танюша.
Был горестен взаимно
прощальный наш привет.
Глухой печальный гимн
мне омывает душу,
Как сквозь космический туман
звезды далекой свет.

п е ч а л ь н ы й г и м н
Свет далекой звезды - это ты,
И близка и в хребтах высоты;
Он меня озаряет всегда,
Даже если потухла звезда,
Потому что ловлю каждый луч,
Что летит из космических круч.

И не хватит мне жизни моей,
Чтоб объять всю громаду лучей.

Всю... А там - или тьмы пустота,
Пустота омертвелой среды,
Или новых лучей красота,
Красота неугасшей звезды.

Разве ты - свет далёкой звезды,
Что холоден, как струи воды?
Разве можешь светить и не греть,
Как звезда, что могла умереть?

Если сердце-звезда не горит,
Я и радуге крикну: «Умри!...»

ПОЯСНИТЕЛЬНОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

В тексте романа встречаются не часто встречающиеся в речевом обиходе слова и выражения, порой топонимически и социально значимые в узко определенной среде, в данном месте и времени, означенными фабулой и сюжетом романа. Иногда читатель встречается с условными терминами и аббревиатурой жаргонного или местного значения.

В связи с этим даются следующие пояснения и комментарии без указания страниц, где употреблены указанные слова, выражения и аббревиатуры. Все в алфавитном порядке.

АДЕПТ - приверженец идеи, учения; во властных структурах, как правило, руководитель высокого ранга.

АМУР - в древнеримской мифологии бог любви, изображаемый в виде крылатого мальчика с луком и стрелами.

АРИАДНА - в древнегреческой мифологии дочь критского царя Миноса; помогла афинскому герою Тезею выйти из лабиринта при помощи клубка ниток (Ариадны нить).

АД - библейский термин, смысл которого хорошо обозначен синонимом «геенна огненная», т.е. место вечных мучений грешников.

АЛЬМА-МАТЕР - старинное студенческое ласкательное название университета; дословно «кормящая мать».

«**АМИКУС КОГНОСЦИТОР АМОРЕ, МОРЕ, ОРЕ, РЕ**» - выражение на латинском языке в транскрипции русского языка, означающее: «Друзья познаются в любви, смерти, рождении, деле» (дословный перевод).

«**А НУ, БАСТАРДЫ, ШНЕЛЬ!**» - выражение, составленное из смеси русского, французского и немецкого языков; его смысл: «А ну, выблядки, быстрее!».

АВВАКУМ - глава староверов, преследовавшихся обновлённой русской церковью и государственной властью. В отдалённой ссылке в протест на преследование он обрёл себя и своих близких последователей на самосожжение.

АГАСФЕР - имя легендарного «Вечного жид», который якобы был осуждён скитаться на земле «до конца мира».

БАХУС - мифологический бог вина и веселья; то же, что Вакх, Дионис.

БАЖОВ - довольно известный уральский писатель-сказочник; писал сказы, т.е. в жанре народно-поэтического повествования.

БОЛЕСЛАВСКИЙ - известный гроссмейстер-шахматист, в своё время чемпион Украины.

БАЛДА - герой Пушкинского произведения «Сказка о попе и работнике его Балде»

«ВИРА!» - выбирай, поднимай, тащи вверх! Так восклицают при погрузке краном.

ВОРОБЬЁВЫ ГОРЫ - возвышение, на котором построен Московский университет.

«ВАС ИСТ ДАС?» - фраза на немецком языке в транскрипции русского языка и означает: «Что это такое?».

ВИРСАВИЯ - по библейской версии, жена военачальника Урии, которого иудейский царь Давид послал на верную смерть с «горсткой» воинов сражаться против армии врага, а сам с женой Урии "забавлялся".

ВАЙНЕРОВСКИЙ ЗАЛ - небольшой концертно-театральный зал в парке им. революционера Вайнера при Свердловской филармонии.

ВЕРТИНСКИЙ АЛЕКСАНДР - широко известный эстрадный певец, исполнитель в основном собственных музыкально-поэтических произведений.

ГОМОАНАТОМИЯ - анатомия человека.

ДОН КИХОТ, САНЧО ПАНСА - основные герои книги испанского писателя Сервантеса «Хитроумный идальго дон Кихот Ламанчский».

«ДЕКАНАДА» - название публикации в рукописном журнальчике «Накось-выкусь» о некоторых неправильных действиях декана факультета журналистики в университете.

ЖРЕЦ - у язычников: служитель божества, совершающий жертвоприношения. В переносном смысле - тот, кто посвятил себя служению чему-нибудь (искусству, науке и т.п.)

ИРИНИЗМ - термин возник на основе имени «Ирина» - в обиходе издателей и читателей журнальчика «Накось-вынусь» и означает сторонников, почитателей Ирины.

ИТК - аббревиатура, означающая: исправительно-трудовая колония для заключённых.

ИУУ - аббревиатура, означающая: институт усовершенствования учителей.

КАЗАНСКИЙ, ЛИПЕЦКИЙ ОПЫТ, АЛФАВИТ - здесь называются педагогические «находки» учителей гг. Казани и Липецка, а также новый, упрощённый, алфавит Голованова.

КВЧ - аббревиатура, означающая: культурно-воспитательная часть; такое подразделение существовало в структуре лагерного управления распорядков жизни заключённых.

«КОЗЬЯ НОЖКА» - табачная самокрутка, когда в узкий воронкообразный бумажный свёрток засыпается табак, а затем «воронка» с табаком на середине сгибается, и узкое отверстие берётся в рот курильщика.

КРЕЗ - легендарный царь Лидии, обладатель несметных богатств.

«ЛУННАЯ РАПСОДИЯ», «РИО-РИТА» - соответственно названия танго и фокстрота, популярных в 50-е гг.

МЕККА - древний арабский город, куда ежегодно собирались богомольные люди на определённые священные обряды.

МОНТЕКРИСТ - имеется в виду главный герой романа Александра Дюма «Граф Монтекресто».

«МЫЛЬНАЯ ОПЕРА» - фабульно-увлекательное, чаще развлекательное литературно-драматическое, а в наше время и многосерийное экранное произведение.

МТС - аббревиатура, означающая: машинно-тракторная станция.

МТМ - аббревиатура, означающая: машинно-тракторная мастерская.

«МЕМЕНТО МОРИ» - выражение на латинском языке в транскрипции русского языка, означающее: «Помни о смерти».

НАГЕЛЬ - главный герой романа «Мистерии» норвежского писателя Кнута Гамсуна.

НАГЕЛИСТ - поклонник Нагеля, подражатель его манерам и духовным устремлениям.

НА «ДНЕ» - то есть, в среде «опустившихся людей» в социально-бытовом смысле.

ОБС - аббревиатура шуточного выражения: «Одна баба сказала» - о недостоверных слухах.

ОВОД - главный герой в романе «Овод» английской писательницы Войнич.

«ОСКОЛОК КНР СТАЛ БЭБИ НОВЫХ НЯНЬ» - поэтическое суждение о том, что остров Тайвань, часть КНР, при поддержке военно-морских сил США стал самостоятельным государством, зависимым от США.

«ОБКОВОМСКОГО ПАДРЕ» - ироническое выражение по адресу обкомовского чиновника, которого герой романа воспринимает как священнослужителя, «святого отца», в негативном смысле.

ПОПУРРИ - музыкальная пьеса, составленная из отрывков различных общеизвестных мелодий.

ПЕСКАРЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ - кладбище в Санкт-Петербурге, бывшем Ленинграде, на котором после Великой Отечественной войны похоронено много защитников Ленинграда, в том числе и армейских фронтовиков.

«ПРЕСТИЖНЫХ НУЖНИКОВ» - то есть, важных и нужных людей, выгодных в каких-нибудь, чаще неприглядных делах.

ПРАЦА - древнее ручное боевое оружие для метания камней.

РИГОЛЕТТО-ШУТ - главный герой оперы Верди «Риголетто».

РОБИНЗОН КРУЗО - главный герой одноименного романа английского писателя Даниеля Дефо.

РАСТИНЬЯК - персонаж нескольких романов французского писателя Бальзака: Растиньяк отличается волевой устремленностью и предприимчивостью.

САБАНТУЙ - национальный праздник у татар и башкир после окончания весенних полевых работ. (тюрк. «сабан» - плуг, «туй» - праздник).

СИРАНО де БЕРЖЕРАК - главный персонаж поэтической драмы французского писателя Ростана с одноимённым названием.

СЛУЖБА ГИППОКРАТА - медицинское /врачебное/ учреждение вообще, в том числе и в системе правоохранительных органов, в лагерях заключённых. Гиппократ - знаменитый древнегреческий целитель, врач.

САВАОФ - по библейской версии, главный бог, отец; всеведущий, вездесущий, всемогущий.

«САМСОНОВЫХ ВОЛОС» - выражение связано с библейской легендой о богатыре Самсоне, который поддался на уловки своей возлюбленной Далилы и сообщил: если остригут его волосы, он потеряет силу. Эта тайна была передана его врагам, во время сна его остригли, тем самым лишили силы...

САМУИЛ-ПРОРОК - по библейской легенде он, исполняя волю Саваофа, способствовал Давиду-пастуху победить богатыря из стана филистимлян Голиафа, а затем и воцарению в государстве израильтян.

СЦЕВОЛА МУЦИЙ - легендарный герой, обладающий большой силой воли: без малейшего заметного внешнего проявления выдерживал мучительные болевые испытания, в том числе и возложением ладони на огонь.

«СОЛОВЬИ» - лагерный термин: так называли осуждённых по «политической» статье за «вражеские высказывания».

«С ПАРАШЕЮ ПОД НОС» - выражение об обыденном явлении в камерах предварительного заключения /КПЗ/: в углу камеры ставилась кадушка для испражнения заключённых - по «малой» и «большой» нужде; эта кадушка называлась «парашей», и, как говорили, она всегда «под носом».

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА - главный персонаж одноимённого произведения сказочника Андерсена.

«СОЮЗ СЕМИСЕРДНЫЙ» - молодёжная сдружившаяся группа студентов из семи человек: две девушки и пятеро юношей; они проводили время, как говорится, в «духовном общении».

ТАБУ - у первобытных народов - религиозный запрет, налагаемый на какой-либо предмет, а то на действие, слово и т.п.; нарушение такого запрета будто бы неминуемо влечёт жесткую кару со стороны фантастических духов, богов.

ТАТЬ - устаревшее слово, значащее то же самое, что и современное слово «вор».

«ФАРАОН» - так называли и называют в блатном жаргоне представителя правоохранительных органов, в том числе и распорядителей режима в лагерях заключённых.

ФОРТЕЛЬ - неожиданная ловкая уловка, проделка, увёртка, иногда как шутка.

ФРЕЙД ЗИГМУНД - австрийский невропатолог, психиатр, психолог, основоположник психоанализа.

«ФЕМИДИНЫ ВЕСЫ» - по древнегреческой мифологии, Фемида, богиня правосудия, изображалась с весами в руке.

«ЧЕРНАЯ ДЫРА» - астрономический термин, фиксирующий в космическом пространстве наличие «провалов», не поддающихся визуальному и электромагнитному исследованию и обладающих мощным гравитационным притяжением, в связи с этим неотвратимо поглощающих приближающиеся к ним тела. В данном случае - метафорическая характеристика системы Гулага.

«ЭЗОПОВСКИМ МАНЕРОМ» - всё равно что «эзоповским языком», то есть иносказательно. Таким языком пользовался древнегреческий баснописец Эзоп.

Сдано в набор 14.12.98
Сдано в печать 30.12.98
Формат 1/16 печат.листа.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем издания 22 усл. п.л., 346 стр.
Тираж **99** экз.

Цена договорная

Издана в частной типографии Серикова Л.Т.
в помещении Центра поддержки малого бизнеса и
предпринимательства в г. Петропавловске, ул. Кирова 161